

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ
ГРЕГОР
И
ПРОКЛЯТИЕ ТЕПЛОКРОВНЫХ

НОВАЯ КНИГА ОТ АВТОРА «ГОЛОДНЫХ ИГР»

Annotation

Знаменитая американская писательница Сьюзен Коллинз, автор «Голодных игр», написала цикл книг об удивительных приключениях Грегора Наземного, создав атмосферный и очень запоминающийся мир.

Третья книга, третье Пророчество, третье путешествие Грегора в таинственный мир Подземья.

Стоило только мальчику подумать, что волшебство кончилось и начались обычные будни, как к нему домой заявила огромная говорящая крыса и позвала спасать Подземье. На этот раз Грегору, его сестренке Босоножке и их друзьям предстоит отправиться на поиски целебных трав сквозь джунгли, полные светящихся растений, верхом на летучих мышах, сражаясь с крысами и с ядовитыми жабами, распутывая загадки и исполняя Пророчество.

- [Сьюзен Коллинз](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 -
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)

- [ГЛАВА 18](#)
 - [ЧАСТЬ 3](#)
 -
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
-

Сьюзен Коллинз
ГРЕГОР И ПРОКЛЯТИЕ
ТЕПЛОКРОВНЫХ

ЧАСТЬ 1

ЧУМА

ГЛАВА 1

Грегор минуту стоял, уставившись на свое отражение в зеркале и чувствуя, как наливается тяжестью все тело. Затем медленно развернул свиток с пророчеством и приложил написанный от руки текст к гладкому стеклу. В отражении он прочел первые строки стихотворения, озаглавленного «Пророчество крови».

Как всегда бывало, когда он отваживался с помощью пророчества заглянуть в будущее, от волнения у него засосало под ложечкой.

В дверь постучали.

— Босоножке нужно войти! — услышал он голос своей восьмилетней сестры Лиззи.

Грегор отпустил один из концов свитка, и тот моментально свернулся в трубочку. Сунув пророчество в задний карман джинсов, он быстро одернул толстовку. Ему не хотелось никому показывать пророчество, тем более что он сам еще не разобрался, что к чему.

Несколько месяцев назад, незадолго до Рождества, он вернулся домой из Подземья — темного, раздираемого войной мира, расположенного на многокилометровой глубине под Нью-Йорком. Там обитали огромные говорящие крысы, летучие мыши, пауки, тараканы и множество других подобных существ невероятных размеров.

Жили там и люди — с тонкой, почти прозрачной кожей и фиолетовыми глазами. Они спустились под землю в семнадцатом веке и построили там каменный город Регалию.

Должно быть, жители Регалии до сих пор спорят, кем на самом деле является Грегор: героем или предателем? Во время своего последнего путешествия он не стал убивать белого крысеныша по имени Мортос. И многие подземные расценили такой поступок как тяжкое преступление, ведь они полагали, что когда Мортос вырастет, из-за него может погибнуть их подземный мир.

Нынешняя королева Регалии Нерисса была болезненной девушкой, которую мучили смутные видения о будущем. Когда Грегор направлялся домой, она сунула в карман его куртки свиток с пророчеством. Он-то вначале решил, что это «Пророчество гибели» и что она вручила его ему на память — но дома обнаружилось, что это еще не известное ему пророчество — «Пророчество крови».

— Можешь изучить на досуге, — сказала тогда Нерисса.

Теперь он понял, что она имела в виду: пророчество невозможно было прочитать, не имея под рукой зеркала.

— Грегор, ну давай же! — снова постучала Лиззи, и в голосе ее послышалось нетерпение.

Грегор открыл и увидел на пороге Лиззи и двухлетнюю Босоножку.

Обе были в пальто и шапках, хотя он точно знал, что на улицу ни та ни другая не выходили.

— Котю пи-пи! — прочирикала Босоножка, стягивая штанишки, и, спотыкаясь, направилась к унитазу.

— Сначала нужно войти, а уж потом снимать штаны, — в который раз наставительно сказала Лиззи.

Босоножка влезла на сиденье:

— Я узе басая деечка. Я могу сяма пи-пи.

— Какая ты молодчина! — похвалил ее Грегор.

Она просияла.

— На кухне папа готовит бисквитное печенье, он включил духовку, и там теплее, — сказала Лиззи, потирая руки, чтобы хоть чуточку согреться.

Дома было очень холодно. Зима выдалась морозной, последние пару недель температура все опускалась, и старые батареи плохо прогревали их квартиру.

— Хватит, Босоножка! Пора угоститься печеньем, — сказал Грегор.

Сестренка отмотала с километр туалетной бумаги — при желании ее можно было бы завернуть в эту ленту целиком. Но если бы кому-нибудь пришлось в голову ей помочь — он получил бы в ответ: «Не надя, я сяма».

Грегор проследил, чтобы она вымыла и вытерла ручки, и потянулся за увлажняющим лосьоном. Лиззи схватила его за рукав, когда он уже собирался выдавить содержимое себе на ладонь.

— Это же шампунь! — тревожно сказала она.

В последнее время Лиззи постоянно тревожилась из-за всяких пустяков.

— Точно! — сказал Грегор и тут же поменял бутылочку.

— А у нас есть желе, Гре-го? — спросила Босоножка, пока он втирал лосьон в ее нежную кожу.

Грегор улыбнулся — ему нравилось, как она теперь произносила его имя. Раньше у нее получалось «Ге-го», потому что она не выговаривала «эр», а недавно звук у нее получился, и она нарочно раскатывала его во рту, так что получалось довольно длинно: «Грррре-го».

— Виноградное желе, — понял Грегор. — Ну да, я купил его специально для тебя. Ты голодная?

— Дя-а-а! — закричала Босоножка, и он подхватил ее на руки.

В кухне было тепло и уютно. Папа как раз доставал из духовки противень с печеньем.

Грегор не уставал радоваться, видя его на ногах, пусть даже выполняющим столь нехитрое дело, как приготовление завтрака для детей. Два с половиной года папа провел в плену у жутких, безжалостных крыс, и этот плен превратил его в больного, немощного человека. Из последнего своего путешествия накануне Рождества Грегор привез папе лекарство, которое использовали жители Подземья. И кажется, оно помогло. Горячка теперь редко возвращалась, и папа даже немного набрал в весе. Конечно, до полного выздоровления было еще далеко, но в глубине души Грегор надеялся, что со временем под действием лекарства папа наконец сможет вернуться на свою работу в колледж.

Грегор посадил Босоножку в потрескавшийся красный пластиковый стульчик, в котором она сидела с самого младенчества. Сестренка нетерпеливо постукивала туфельками по подножке, не в силах дожидаться завтрака.

А завтрак выглядел весьма аппетитным, несмотря на то что был конец месяца, а значит — денег в семье почти не оставалось. Маме платили на основной работе в начале месяца, и к концу им приходилось довольно туго.

Папа положил каждому на тарелочку по два печенья и по яйцу, сваренному вкрутую. Босоножке он налил яблочного сока, который они разбавляли водой, чтобы подольше хватило, остальные пили горячий чай.

Папа велел начинать, а сам понес еду бабушке. Она проводила много времени в спальне даже в хорошую погоду, а уж этой зимой почти не выходила из комнаты. Они включали бабушке обогреватель и укрывали ее множеством одеял, и все равно, когда Грегор приходил ее проведать, руки у нее были холодны как лед.

— Зе-ле, зе-ле, зе-ле! — напевала Босоножка.

Грегор разломил ее печенье, пополам и на каждую из половинок положил по чайной ложечке желе. Она тут же впилась зубками в угощение и откусила большой кусок, измазав щеки.

— Эй, это нужно есть, а не намазывать на лицо! — шутливо сказал Грегор, и она звонко засмеялась.

Когда Босоножка смеялась, невозможно было не засмеяться в ответ. Лица остальных членов семьи осветили улыбки.

Грегор и Лиззи ели торопливо — чтобы не опоздать на уроки.

— Не забудьте почистить зубы! — сказал папа, когда они встали из-за стола.

— Конечно, пап. Если только мне удастся попасть в ванную, — произнесла Лиззи, искоса глянув на Грегора.

Это теперь была семейная шутка — о том, сколько времени он проводит в ванной.

У них была только одна ванная, и то, что Грегор теперь запирался в ней, конечно, не укрылось от внимания домашних. Мама предположила, что он прихорашивается для какой-нибудь девочки из класса, и он предпочитал, чтобы она думала именно так, потому что не хотел лишний раз ее тревожить.

К тому же он и в самом деле думал об одной девочке. Но не из класса.

И если честно, его совсем не волновало, что эта девочка думает о его причёске.

Его волновало, жива ли она.

Люкса. Они ведь одного возраста — ей тоже одиннадцать. И она была королевой Регалии.

Ну, то есть должна была ею стать по исполнении шестнадцати лет. Но несколько месяцев назад она, не считаясь с запретом Совета, тайно отправилась с Грегором в поход, чтобы помочь ему убить Мортоса. Люкса спасла жизнь Босоножке там, в Лабиринте, но сама бесследно пропала.

Где она? Блуждает в Мертвых землях? Ее взяли в плен крысы? Или она умерла?

А может, каким-то чудом она все-таки добралась до дома?

Вместе с Люксой пропала ее летучая мышь Аврора.

И Темп, таракан, который нес на спине Босоножку и не раз выручал ее из беды.

И Вертихвостка, крыса, чей нос был таким чувствительным, что она могла по запаху различать цвета.

Все они были его друзьями. С ними он шел навстречу опасности. И теперь они приходили к нему во сне и занимали все его мысли, когда он бодрствовал.

Грегор просил подземных сообщить ему, если они хоть что-нибудь узнают о судьбе его пропавших друзей. Они должны были послать ему весточку через портал в прачечной — ведь именно там был вход в Подземье.

Но почему-то до сих пор этого не сделали.

Что там сейчас происходит? Он ничего не знал о Люксе и остальных... Он бился над расшифровкой нового пророчества, пытаясь самостоятельно понять его смысл... Сколько раз, думая об этом, он приходил в отчаяние. Ему стоило невероятных усилий сидеть на уроках и делать домашние

задания, как ни в чем не бывало общаться со школьными друзьями и скрывать свою тревогу от домашних, ведь любой намек на его возможное возвращение в Подземье вызывал у них панику. Он был рассеян, не слышал, когда к нему обращались, и постоянно все забывал.

Вот как сейчас.

— Грегор, твой рюкзак! — Папин голос догнал его уже на самом пороге. — Думаю, он тебе может понадобиться!

— Спасибо, пап, — поблагодарил Грегор, стараясь не встречаться с ним взглядом, чтобы не выдать своего состояния.

Они с Лиззи спустились в холл и остановились, набираясь духу перед тем, как выйти наружу. Ветер проникал даже сквозь плотно закрытую дверь подъезда. Грегор увидел в глазах Лиззи слезы — этот ветер, и снег, и холод казались ей непереносимы.

— Ну, Лиз, давай уже сделаем это. Зато в школе будет тепло, — сказал Грегор.

Они стремглав перебежали улицу, а ледяной ветер подталкивал их в спину. К счастью, начальная школа Лиззи была недалеко — всего в паре домов отсюда. Для своего возраста Лиззи была маленькая, мама называла ее «изящной», а бабушка, обнимая, говорила, что ее «соплей перешибешь». И сегодня Грегор думал, что бабушка, пожалуй, права.

— Ты ведь встретишь меня после школы, правда? Ты ведь не забудешь? — спросила Лиззи уже у дверей.

— Разумеется, — ответил Грегор.

Она бросила на него недоверчивый взгляд — за этот месяц он дважды забывал забрать ее из школы и ей приходилось сидеть и ждать, пока кто-нибудь за ней придет.

— Я не забуду, Лиззи!

Грегор почти с облегчением повернулся лицом к ветру. Да, зубы у него стучали от холода, но зато наконец было время, пусть всего несколько минут, чтобы побыть совсем одному, не боясь, что кто-то нарушит ход его мыслей.

А мысли немедленно вернулись к Подземью и к тому, что сейчас творится где-то у него под ногами. Его возвращение туда было лишь вопросом времени — и Грегор это прекрасно знал. Вот почему он запирался в ванной так надолго, изучая пророчество, пытаясь понять смысл зашифрованных строчек — чтобы хоть как-то подготовиться к тому, что его там ожидало.

Ведь судьба Подземья вновь зависела от него.

Но эти подземные!

Поначалу он злился на них за молчание, но теперь — теперь он буквально сходил с ума от беспокойства. И не только за Люксу и других пропавших друзей — его в не меньшей степени беспокоила судьба Ареса, его летучей мыши, которой он доверял больше, чем кому-либо из людей.

Арес и Грегор поклялись защищать друг друга и помогать друг другу до самой смерти. Та экспедиция в поисках Мортоса — она была ужасна, но кое-что хорошее тогда все же произошло: отношения между Грегором и Аресом стали доверительными и близкими. Как это ни ужасно, Арес был изгоем среди людей и летучих мышей: он позволил Генри, с которым породнился, погибнуть, но при этом спас жизнь Грегору. И хотя Генри был предателем, а выбор Ареса оказался единственно верным, подземные возненавидели его. Теперь они ставили ему в вину то, что он не убил Мортоса, — хотя это был долг Грегора и только Грегор мог ответить за свое решение.

Грегора не покидала мысль, что где бы ни был сейчас Арес — в любом случае ему придется нелегко.

Переступая порог своей школы, Грегор постарался сосредоточиться на насущных вещах. Как всегда по пятницам, на первом уроке у них была контрольная, а потом — баскетбол в спортивном зале, опыты с кристаллами сахара на занятиях по химии и, наконец, обед.

Желудок Грегора свело от голода задолго до того, как он оказался в школьной столовой. Он постоянно мерз, а еще он старался есть дома как можно меньше, чтобы больше досталось остальным, и потому его не покидало чувство голода. Бесплатный школьный завтрак он съедал до последней крошки, даже если ему не нравилась еда. К счастью, по пятницам давали пиццу, а пиццу он очень любил.

— Слушай, возьми мою тоже, — сказала Грегору Анжелина, кладя свой кусочек пиццы ему на тарелку. — Я слишком нервничаю сегодня и есть вообще не в состоянии.

Сегодня вечером было представление в школьном театре, и ей досталась одна из главных ролей.

— Хочешь, еще порепетируем? — предложил Грегор.

И она тут же протянула ему листки.

— Если тебе не трудно. И лучше прямо сейчас!

Как будто он не мог обойтись без этих листочков. Грегор и его друг Ларри каждый день уже месяца два репетировали с ней эту роль. В основном этим занимался Грегор — у Ларри обострилась астма, и ему трудно было читать этот текст вслух. А на прошлой неделе он загремел с приступом в больницу и теперь выглядел бледным и осунувшимся.

— Ничего страшного не случится, если даже что-то забудешь, — сказал Ларри, рисуя на салфетке что-то похожее на глаз мухи и не глядя на Анжелину.

— Как ты можешь так говорить! — возмутилась она.

— Да чего напрягаться, когда это полная дрянь, как и предыдущий спектакль! — все так же не глядя на нее, сказал Ларри.

— Знаешь, мы еле высидели его до конца, — вздохнул Грегор.

Анжелина была в том спектакле просто неотразима — и все об этом знали. Но им хотелось ее позлить.

— Ты теперь кто? Жук какой-то, да? — спросил Грегор.

— Кое-кто с крылышками, — добавил Ларри.

Вообще-то ей досталась роль феи-крестной в спектакле про Золушку.

— Может, начнем? — нетерпеливо спросила Анжелина. — У меня нет никакого желания терпеть ваши дурацкие шуточки.

Грегор еще раз вместе с ней повторил роль. Ему это даже понравилось — он ненадолго отвлекся от мрачных мыслей.

«Ты в Наземье, парень, не забывай, — сказал он себе мысленно. — Сосредоточься на здешних делах и событиях».

И весь оставшийся день он много раз повторял себе эту фразу.

Сначала на занятиях, потом — когда забирал Лиззи из школы и вел ее домой, а потом — когда отправился в гости к Ларри. Мама Ларри заказала на дом китайскую еду, которая всем очень нравилась, и все вместе они пошли смотреть спектакль. Спектакль получился веселым, смотреть его было интересно, но особенно блистала Анжелина.

Дома Грегор угостил сестер пакетиком с печеньками-предсказаниями, который сохранил с обеда. Босоножка еще никогда не видела таких печенек и вначале хотела съесть их целиком, с бумажкой внутри.

В этот вечер все они легли спать раньше обычного, потому что было слишком холодно для чего-нибудь еще. Грегор укрылся одеялом, а сверху набросил на себя пальто и кучу полотенец.

Мама с папой пришли пожелать ему спокойной ночи.

Это так его согревало! Ведь папы сначала долго не было, а потом он тяжело болел. И теперь видеть в своей комнате и папу, и маму было для него невыразимым счастьем.

Итак, ему удалось целый день провести в Наземье, не думая о том, другом мире. Целый день.

Пока папа не обнял его и не прошептал в самое ухо, чтобы не услышала мама:

— Никаких известий.

Они с папой втихую нарушали правило. Ведь мама запретила кому-либо из них заходить в прачечную. Ее можно понять: ей пришлось столько пережить! Сначала пропал ее муж, затем в ту же дыру в вентиляционной решетке провалились Грегор с Босоножкой. Разве можно забыть о таком? На маме у них все держалось, и когда думал об этом, Грегор поражался, как она все выдерживает. Он знал, что мама у них замечательная. И ему не хотелось снова расстраивать ее, а потому сам он никогда не проверял портал в прачечной.

Но папа, видя, как отчаянно он ждет новостей о Люксе и остальных, однажды все-таки спустился в прачечную, чтобы проверить, нет ли там весточки для сына. И стал делать это регулярно. Маме они о том не говорили, конечно. В ее представлении все, кто жил в Подземье, представляли для ее мужа и детей смертельную угрозу.

Но у папы с Грегором внизу остались друзья.

Значит, никаких известий. То есть ни слова, ни привета.

Родители ушли, а Грегор долго пялился в темноту, и когда наконец ему удалось уснуть — сон его был весьма беспокойным.

На следующий день он проснулся поздно, и ему следовало поторопиться, чтобы успеть к миссис Кормацци. Он по-прежнему приходил к ней каждую субботу. Иногда ему казалось, что она выдумывает для него какие-то дела и задания, потому что его семья нуждается. Но сейчас, в такую холодную погоду, миссис Кормацци действительно нужна была помощь. От мороза у нее обострился артрит, усилились боли, и по обледенелым тротуарам она ходить не могла. Она часто говорила Грегору, что ужасно боится упасть и сломать ногу. И Грегору было приятно, что, во всяком случае, теперь он на самом деле зарабатывает деньги, которые она ему дает.

У миссис Кормацци его ожидал длинный список дел: сбегать в химчистку, в овощной магазин, в кондитерскую, на почту и в хозяйственный. Как и всегда, сначала она его накормила.

— Ты поел? — спросила миссис Кормацци и, не давая ему времени ответить, продолжила: — Впрочем, это совершенно не важно, даже если поел, — значит, поешь еще разок.

И поставила на стол большую миску с дымящейся овсянкой, посыпанной изюмом и коричневым сахаром, потом налила ему апельсинового сока и отрезала несколько ломтей хлеба.

Насытившись, Грегор готов был встретиться лицом к лицу с любой, пусть даже самой ужасной погодой, и ему были нипочем ни мороз, ни сбивающий с ног ветер. Следуя списку, он перебегал из одного пункта

назначения в другой, радуясь возможности постоять в очереди и погреться. Когда выгрузил покупки на кухонном столе, в награду он тут же получил большую чашку горячего шоколада. Потом они вдвоем отправились по тем двум адресам, где присутствие миссис Кормацци было совершенно необходимо и где Грегор не мог ее заменить, — в банк и в винный магазин.

На улице миссис Кормацци вцепилась в руку Грегора, и так они вместе преодолевали покрытые льдом тротуары, уворачиваясь и от машин, и от плотно замотанных в шарфы и ничего перед собой не видящих прохожих. В банке у них была возможность погреться, потому что миссис Кормацци не доверяла банкоматам и им пришлось постоять в очереди к консультанту. А из банка они направились в винный магазин, где миссис Кормацци купила бутылку красного вина для своей подруги Айлин.

Но руки у миссис Кормацци так замерзли и одеревенели, что она выронила бутылку прямо у дверей в квартиру, пока Грегор доставал ключи. Бутылка вдребезги разбилась, а вино разлилось на коврике у двери.

— Что уж тут поделать, — спокойно сказала миссис Кормацци. — Значит, Айлин получит на день рождения конфеты! У меня есть коробка вкуснейших конфет — кто-то подарил мне на Рождество. — На мгновение она задумалась, а потом добавила: — Надеюсь, это была не Айлин...

Миссис Кормацци заставила Грегора стоять на месте, пока она убирала осколки стекла, а потом подняла залитый вином коврик и протянула ему:

— Давай-ка сходим в прачечную! Его нужно сразу же застирать, не то пятна останутся.

В прачечную! Пока миссис Кормацци ходила в кладовку за стиральным порошком, Грегор лихорадочно придумывал причину, по которой он не может ее туда сопровождать. Можно, конечно, сказать что-нибудь вроде: «Мне очень жаль, но я не могу спускаться в прачечную, потому что моя мама боится, что из вентиляционной решетки выскочит огромная крыса и утащит меня глубоко под землю... а там сожрет!» Интересно было бы увидеть, какими глазами смотрела бы на него при этом миссис Кормацци.

Если хорошенько подумать, никаких реальных причин для того, чтобы человек не мог спуститься в прачечную, не существует. А потому Грегору пришлось нарушить мамин запрет.

Миссис Кормацци сначала прополоскала коврик, а потом засыпала порошок в стиральную машину и сунула в нее коврик. Ее замерзшие пальцы дрожали, когда она опускала монетки в щель стиральной машины. Одна из них упала, покатилась, позвякивая, по цементному полу, и закатилась под самую дальнюю сушилку. А Грегор полез ее доставать и наклонился к вентиляционной решетке, он увидел нечто такое, от чего на

мгновение потерял равновесие и стукнулся об сушилку головой.

Он поморгал, чтобы убедиться, что ему это показалось.

Нет, не показалось.

Из щели между решеткой и стеной торчал свиток.

ГЛАВА 2

— Ты там в порядке? — спросила миссис Кормацци, засыпая в стиральную машину порошок.

— Да-да, в порядке, — поспешно ответил Грегор, потирая ушибленное место.

Он поднял упавшую монету и едва справился с порывом немедленно извлечь из щели свиток. Стараясь принять беспечный вид, он вернулся к миссис Кормацци.

Он не мог достать при ней свиток. И ему оставалось только ждать. Он нисколько не сомневался, что в противном случае миссис Кормацци начнет выпытывать, что у него такое. И хотя она явно догадывалась, что история, которую Грегор рассказал ей перед Рождеством, мягко говоря, не совсем правдива — ему не хотелось ни рассказывать ей правду, ни нагромождать новую ложь. Да и вообще — какой из него вун, ведь он даже не смог придумать что-то сносное про то, почему ему нельзя спускаться в прачечную! Тот еще вун...

Дома миссис Кормацци налила в две большие миски куриного супа собственного приготовления. Грегор ел с удовольствием и изо всех сил старался не упустить нить разговора, но слушал вполуха.

Когда они закончили трапезу добрым куском пирога, миссис Кормацци взглянула на часы и сказала:

— Думаю, коврик уже отстирался и готов отправиться в сушку.

— Позвольте, я сам! — подскочил Грегор так стремительно, что опрокинул на пол стул. Он тут же исправил оплошность и постарался принять непринужденный вид. — Ох, простите! То есть... миссис Кормацци, вам не о чем волноваться, я сам могу просушить коврик.

— Ну что ж, пожалуй, — сказала миссис Кормацци, бросив на него странный взгляд.

— Просто я подумал, к чему нам обоим идти вниз, чтобы вытащить коврик... — произнес Грегор и пожал плечами.

— Ты прав. — Она вложила ему в руку несколько монет и посмотрела на него испытующе, прямо в глаза: — Слушай, а почему ваша семья перестала пользоваться прачечной в нашем доме?

— Что вы сказали? — Надо же, он никак не ожидал, что она об этом спросит! Тем более сейчас.

— Я говорю, почему ваша семья ходит в прачечную в паре кварталов

отсюда? — упорствовала миссис Кормацци. — Расценки там такие же. Я проверяла.

— Потому что... потому что... здесь машины слишком большие! — выпалил Грегор первое, что пришло в голову.

Они и правда были здоровенные. Так что это была не совсем ложь. Хотя, конечно, и не правда.

Миссис Кормацци некоторое время не сводила с него взгляда, потом покачала головой:

— Ладно. Иди, займись ковриком.

Лифт никогда еще не казался ему таким медленным.

Люди входили и выходили, какая-то женщина целую вечность придерживала дверь, пока ее ребенок бегал домой за шапкой. Когда же наконец Грегор оказался в прачечной, ему пришлось ждать, пока какой-то парень распахивает свою одежду по шести машинам — должно быть, тот копил ее месяц, не меньше.

Грегор сунул коврик в сушилку рядом с вентиляционной решеткой и ошивался поблизости, пока парень наконец не ушел. Как только тот скрылся из виду, Грегор лег на пол, вытянул из щели свиток, сунул его в рукав и быстро вышел из прачечной. Проскочив мимо лифта, он скользнул на заднюю лестницу и прикрыл за собой дверь. Пробежав один пролет, сел на ступеньку.

Здесь его никто не увидит, раз лифт работает.

Он вытащил свиток из рукава, трясущимися руками развернул его и прочел:

Нам нужно срочно увидеться. Я буду ждать на лестнице, где Арес тебя оставил, в четыре часа по наземному времени. Наша судьба зависит от тебя. «Пророчество крови» нависло над нами.

Прошу тебя, не бросай своих друзей в беде.

Викус

Грегор прочел записку трижды. Он был страшно разочарован. Ведь совсем не этого он ожидал.

В записке ни слова не говорилось о Люксе и других его пропавших друзьях. Впрочем, как и об Аресе.

Но это был крик о помощи.

«„Пророчество крови“ нависло над нами».

«Оно здесь», — подумал Грегор. Сердце его бешено колотилось, явно

пытаясь вырваться из груди.

«Пророчество крови».

Ему давно уже не требовалось зеркало, чтобы прочесть строки пророчества, которые навсегда запечатлелись в его сердце. В них, в их ритме и звучании, было что-то завораживающее, проникающее в душу — они запомнились ему сразу, как рекламные песенки в телевизоре. Они и сейчас звучали у него в мозгу, и он автоматически отбивал ритм, постукивая ботинком по ступеньке.

ТЕПЛАЯ КРОВЬ СТАНЕТ НЫНЕ ПРОКЛЯТЬЕМ.
КАЖДЫЙ ВЗДОХ БОЛЬЮ И СТРАХОМ НАПОЛНЕН БУДЕТ.
НА КОЖЕ ВЗДУЮТСЯ СМЕРТИ ПЕЧАТИ.
А ПОДЗЕМЬЕ РАСКИНЕТСЯ ОГРОМНЫМ БЛЮДОМ.

ПОВОРОТ, И ЕЩЕ, И ЕЩЕ, И ОПЯТЬ НЕ ТУДА.
ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО, НО НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ И КОГДА.
И ЗЛОДЕЙ И ГЕРОЙ ОКАЗАЛИСЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ,
А НАЧАЛО ПУТИ ОБНАРУЖИЛОСЬ В САМОМ КОНЦЕ.

ВНОВЬ ПРИЗЫВАЙТЕ ОТЧАЯННО ВОИНА СВЕРХУ,
СЕРДЦЕ ЕГО УЖЕ ТРОНУТО БЫЛО ЛЮБОВЬЮ.
С НИМ ПРИЗОВИТЕ ПРИНЦЕССУ, ИНАЧЕ НЕ СТАНЕТ
ПЛЕМЯ ПОЛЗУЧИХ УЧАСТВОВАТЬ В ВАШЕМ ПОХОДЕ.

ПОВОРОТ, И ЕЩЕ, И ЕЩЕ, И ОПЯТЬ НЕ ТУДА.
ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО, НО НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ И КОГДА.
И ЗЛОДЕЙ И ГЕРОЙ ОКАЗАЛИСЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ,
А НАЧАЛО ПУТИ ОБНАРУЖИЛОСЬ В САМОМ КОНЦЕ.

ТЕ ЖЕ, ЧЬЯ КРОВЬ ГОРЯЧА, ГОРЯЧА И КРАСНА,
ВМЕСТЕ ДОЛЖНЫ ОТЫСКАТЬ ТОТ БЕСЦЕННЫЙ ДАР,
ЧТО В КОЛЫБЕЛИ ПОКОИТСЯ. ОН ОДИН
МОЖЕТ ОТ ЯДА ОЧИСТИТЬ КРОВЬ И СПАСТИ.

ПОВОРОТ, И ЕЩЕ, И ЕЩЕ, И ОПЯТЬ НЕ ТУДА.
ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО, НО НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ И КОГДА.
И ЗЛОДЕЙ И ГЕРОЙ ОКАЗАЛИСЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ,
А НАЧАЛО ПУТИ ОБНАРУЖИЛОСЬ В САМОМ КОНЦЕ.

ЛЮДИ И КРЫСЫ ЗАБУДУТ НА ВРЕМЯ ВРАЖДУ,
ЕСЛИ ЖЕ ЗЛОБУ СВОЮ ПОБЕДИТЬ НЕ СУМЕЮТ —
СТРАШНОЕ ПЛАМЯ ВОЙНЫ УНИЧТОЖИТ ВСЕХ.
И НЕ ОСТАНЕТСЯ ТЕПЛОКРОВНЫХ В ПОДЗЕМЬЕ.

Грегор уже имел дело с двумя пророчествами Бартоломью из рода Сандвичей. Именно Сандвич привел людей глубоко под землю и основал там город под названием Регалия. В качестве наследства поверившим в него людям он оставил каменную комнату, стены которой испещрены письменами-пророчествами, что привиделись ему однажды.

Не только люди, но и остальные обитатели Подземья безоговорочно верили в его пророчества, в то, что Сандвич обладал даром предвидения.

Грегор вспомнил, как менялось его собственное отношение к предсказаниям Сандвича. Иногда он их ненавидел. Иногда был благодарен за их точность, хотя написаны они очень путано и толковать их совсем не легко. Но в общих чертах всегда можно понять, что именно ожидает тебя впереди.

Вот и сейчас, думая о новом для него пророчестве, Грегор понимал, что в нем говорится о какой-то катастрофе:

ТЕПЛАЯ КРОВЬ СТАНЕТ НЫНЕ ПРОКЛЯТЬЕМ.
КАЖДЫЙ ВЗДОХ БОЛЬЮ И СТРАХОМ НАПОЛНЕН БУДЕТ.
НА КОЖЕ ВЗДУЮТСЯ СМЕРТИ ПЕЧАТИ.
А ПОДЗЕМЬЕ РАСКИНЕТСЯ ОГРОМНЫМ БЛЮДОМ.

Пророчество явно свидетельствовало о грядущей гибели — гибели многих и многих людей. Но не только людей — всех теплокровных. Всех млекопитающих. Там, в Подземье, млекопитающими и теплокровными были люди, летучие мыши и крысы... — впрочем, возможно, был еще кто-то, кого Грегору пока встретить не довелось. И что значит здесь слово «блюдо»? Что их всех съедят?

ВНОВЬ ПРИЗЫВАЙТЕ ОТЧАЯННО ВОИНА СВЕРХУ,
СЕРДЦЕ ЕГО УЖЕ ТРОНУТО БЫЛО ЛЮБОВЬЮ.
С НИМ ПРИЗОВИТЕ ПРИНЦЕССУ, ИНАЧЕ НЕ СТАНЕТ
ПЛЕМЯ ПОЛЗУЧИХ УЧАСТВОВАТЬ В ВАШЕМ ПОХОДЕ.

Воин — это Грегор, тут и думать нечего. Он вовсе не хотел быть воином — он ненавидел сражения, хотя оказалось, что в бою он непобедим.

Грегор не хотел быть воином — но после того как сбылись два пророчества, в которых он назывался воином, Грегор наконец перестал в себе сомневаться. Смешно теперь вспоминать, как он надеялся на то, что его приняли за воина по ошибке и скоро придет другой, настоящий Воин.

Ну а принцесса... Он сразу понял, что речь идет о Босоножке. Тараканы, которых в Подземье называли ползучими, именовали ее принцессой и даже поклонялись ей. Но на самом деле она, конечно, никакая не принцесса. Но она дружит с тараканами, и ради нее они готовы чем угодно рисковать, даже жизнью.

В последней строфе, похоже, говорилось о том, что людям и грызунам — крысам то есть — необходимо объединиться, чтобы найти спасение. Но вот это как раз очень трудно себе представить! Обе стороны не обрадуются такой перспективе — ведь сотни лет они уничтожали друг друга. И вдруг на тебе — пророчество сообщает, что так дальше продолжаться не может, иначе всех ждут гибель и разрушение.

Грегору стало интересно, писал ли Сандвич когда-нибудь хорошие предсказания? Ну писал ли он что-нибудь о мире и благоденствии, о том, что нужно сделать, чтобы все было прекрасно и замечательно?

Скорей всего нет.

Больше всего в «Пророчестве крови» его раздражала повторявшаяся рефреном строфа — Сандвич будто молотком заколачивал эти строчки в мозг Грегора:

ПОВОРОТ, И ЕЩЕ, И ЕЩЕ, И ОПЯТЬ НЕ ТУДА.
ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО, НО НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ И КОГДА.
И ЗЛОДЕЙ И ГЕРОЙ ОКАЗАЛИСЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ,
А НАЧАЛО ПУТИ ОБНАРУЖИЛОСЬ В САМОМ КОНЦЕ.

Что это все означает? Полная бессмыслица!

Грегору необходимо было поговорить с Викусом. Ведь Викус — дедушка Люксы и один из самых влиятельных людей в Подземье — лучший в мире толкователь пророчеств. Если кто и сможет объяснить Грегору смысл этих строк, так это Викус.

Грегор вдруг обнаружил, что уже не сидит, а стоит, крепко вцепившись в перила. Он не знал, сколько прошло времени. Но ему надо было поторопиться — закончить дела с миссис Кормази и бежать домой.

Даже если он и отсутствовал слишком долго, миссис Кормацци не подала виду, что это заметила. Она дала Грегору сорок долларов и большую миску тушеного мяса для всей семьи. Когда он уходил, она обернула его шею еще одним шарфом, приговаривая: «У меня столько шарфов, ими можно лошадь запрячь!» Как будто она умела запрягать лошадь. И где она в наше время видела лошадей?

Миссис Кормацци всегда так поступала. Он еще ни разу не ушел от нее с пустыми руками.

Вернувшись домой, Грегор, улучив момент, остался на кухне с папой и показал ему письмо Викуса. Папино лицо сделалось тревожным.

— Что это за «Пророчество крови»? Ты знаешь о нем? — спросил он.

Грегор молча протянул ему свиток. Он уже обтрепался в кармане и даже местами порвался.

— И давно он у тебя? — тихо спросил папа.

— С Рождества, — ответил Грегор. — Я не хотел... не хотел волновать тебя.

— Я буду волноваться гораздо сильнее, если узнаю, что ты скрываешь от меня важные вещи, — сказал папа. — Больше так не делай, ладно?

Он развернул свиток и вопросительно поднял брови.

— Оно написано наоборот. Зеркально, — объяснил Грегор. — Но я его знаю наизусть.

И он прочитал пророчество вслух.

— «Кровь станет проклятием...» Звучит не слишком здорово, — протянул отец.

— Да уж. Это звучит так, будто куча людей заболит и умрет, — согласился Грегор.

— Значит, Викус снова хочет, чтобы ты спустился в Подземье. Но ты ведь понимаешь, твоей маме это не понравится, — сказал папа.

Грегор понимал. Он даже вообразить боялся, какой ужас охватит маму, если она обо всем этом узнает.

Сколько бессонных ночей она провела за кухонным столом, когда пропал отец. Сначала она плакала. Потом просто сидела неподвижно, глядя в одну точку, — словно каменная. И это было страшнее всего. А когда пропали они с Босоножкой, Лиззи говорит, она вообще ничего вокруг не замечала. И совсем перестала говорить.

Как же можно обречь ее на такое снова?

«Нет, я не могу!» — подумал он.

Но тут же мысли его вернулись к жителям Подземья.

Они погибнут. Все до одного.

Погибнут, если он не придет.

— Я должен хотя бы выслушать Викуса, пап, — сказал Грегор, и голос его дрогнул от волнения. — Я должен узнать, что там происходит. То есть, я имею в виду — я не могу сделать вид, будто ничего не получал, и жить дальше как ни в чем не бывало.

— Ладно-ладно, сынок, мы пойдем и поговорим с ним. Только прошу тебя не давать ему обещаний — особенно таких, которые не сможешь выполнить.

Они попросили миссис Кормацци прийти — под предлогом, что сами собираются в кино.

Она, кажется, с удовольствием пришла и была рада возможности пообщаться с девочками и бабушкой. В руках у нее были настольная игра «Рыбалка» и миска попкорна.

Она чуть ли не силой вытолкнула Грегора и его отца за дверь:

— Идите-идите, вам нужно побыть вдвоем.

Может быть, и так. Но не в этот раз.

Перед уходом Грегор убедился, что у него с собой хороший, мощный фонарик. Краем глаза он видел, как отец сунул под куртку ломик. Сначала Грегор решил, что это для защиты, но отец шепнул: «Он нам понадобится, чтобы туда добраться». То место, где Арес оставил Грегора, находилось довольно глубоко под Центральным парком. Своды у туннеля были каменные, и в такую погоду они наверняка обледенели.

Ради того чтобы успеть к условленному времени, им пришлось взять такси. К тому же папа еще плохо передвигался по улице, шел медленно и с трудом. Даже ходьба от входа в парк до места, где был подземный туннель, сильно его утомила.

Из-за холодов в Центральном парке было совсем немногочленно. Редкие прохожие торопливо бежали по аллее, втянув голову в плечи и сунув руки в карманы. Никто не обратил ни малейшего внимания на то, что Грегор отодвинул крышку люка, открывая вход в портал.

— У нас есть еще время в запасе, — сказал Грегор, вглядываясь в темноту.

— Может, Вика уже на месте. Давай спускаться. В любом случае мы хоть спрячемся от ветра.

И они погрузились в черную дыру.

Грегор вернул крышку люка на место. Дневной свет померк, и наступила абсолютная темнота. Он включил фонарик и осветил ступеньки лестницы.

— Арес оба раза оставлял меня в самом низу, — сказал Грегор.

Он начал спускаться, а сзади медленно и осторожно двигался отец.

Ступени вели в большой рукотворный туннель, выглядевший совершенно заброшенным. Воздух здесь был спертым, холодным и сырым. Сверху, из парка, не долетало ни звука, но вокруг постоянно раздавался тихий шум: возня и беготня животных, которые здесь обитали.

Уже добравшись до места, Грегор оглянулся на папу, который был еще примерно на полпути.

— Не спеши. Его еще нет.

Но едва он успел произнести эти слова, как кто-то вдруг резко схватил его за запястье. Фонарик выпал у него из рук.

Через мгновение — Грегор и голову еще не повернул — на него яростно набросилось нечто огромное, жарко дыша ему в лицо.

Это была крыса.

ГЛАВА 3

Грегор замахнулся ломиком, но крыса резко выдернула ломик у него из рук. Грегора подбросило вверх, а спустя мгновение он уже лежал плашмя на каменном полу. Хорошо хоть он успел выставить перед собой руки, чтобы не разбить лицо.

— Грегор! — тревожно вскрикнул папа.

Крыса уже прижала его к полу, навалившись всем телом, щеку вновь обожгло горячее дыхание. Грегор попытался освободиться — но напрасно, он не мог даже шевельнуться.

— Жалкое зрелище! Жалкое и ничтожное, — раздался прямо над ухом знакомый голос.

Грегор сразу его узнал — и почувствовал облегчение.

— Отпусти меня, ты!

Но крыса уселась поудобнее и злорадно добавила:

— Если ты потерял свет — считай, ты уже мертвец.

В этот момент их ослепил луч фонарика. Грегор прищурился и увидел папу, который приближался к ним с камнем в руке.

— А ну отпусти его! — замахнувшись, крикнул папа.

— Все в порядке, пап! Это Живоглот! — Грегор снова попытался освободиться, но крыс, кажется, весил целую тонну. — Он наш друг, — добавил мальчик, чтобы успокоить отца, хотя и сам понимал, что назвать Живоглота «другом» было слегка самонадеянно.

— Живоглот? — спросил отец. — Живоглот?

Он тяжело дышал, а глаза его сузились, словно он пытался вспомнить это имя.

— Ну да. Так меня называют. Я преподавал твоему мальчишке несколько уроков выживания. Но только зря потратил время, он ничему не научился! — Живоглот встал и зубами поднял Грегора за шкурку. Выражение его изуродованной шрамом морды было суровым. — Судя по всему, ты даже не думал практиковаться в эхолокации!

— Нет, что ты, я практиковался! — оправдывался Грегор. — С сестрой.

Это была правда. Хотя стоило добавить, что как раз Лиззи заставляла его это делать. Она всегда очень ответственно относилась к домашним заданиям. И как только услышала, что Живоглот велел Грегору практиковаться в эхолокации, тут же приняла это к сведению. Как минимум

три раза в неделю в холле, прихожей или на лестничной площадке она завязывала Грегору глаза и заставляла щелкать языком, чтобы он мог обнаружить, где она находится. Грегор должен был почувствовать, когда звук отразится от ее тела, и обнаружить сестру.

Но несмотря на все усилия Лиззи, успехи Грегора в эхолокации были весьма скромными. А если говорить честно — никакими.

А потому он поспешил занять оборонительную позицию:

— Я ведь говорил тебе, эхолокация не для меня. И вообще, где Викус?

— Он не придет, — ответил Живоглот.

— Но... он сам попросил меня о встрече... Я думал, ему это нужно, — растерялся Грегор.

— А я думал, что ты будешь один! — отрезал Живоглот. Он уселся на задние лапы и взглянул на отца Грегора: — Вы меня помните?

В руке у папы все еще был зажат камень, но он больше им не замахивался. Он пристально смотрел на Живоглота, словно пытаясь вспомнить какой-то сон. Долгий сон, наполненный одиночеством, страхом, таинственными голосами, звучащими в темноте... голосами крыс. Таких, как эта, что стояла сейчас перед ним.

Наконец отец сдвинул брови, припоминая.

— Ты... ты приносил мне еду. Там, в колодце. Ты иногда приносил мне еду.

— Верно, — кивнул Живоглот. — А кто-нибудь принес еду мне? Я умираю с голоду!

Только теперь Грегор заметил, что Живоглот здорово похудел. Он все еще был огромным, но куда подевался его живот! Перед Грегором стояла гигантская крыса, похожая на скелет, обтянутый шкурой.

Грегор не предполагал встретить Живоглота, тем более он не думал, что ему придется кого-то кормить. Но его рука автоматически потянулась к карману, где со вчерашнего обеда было припрятано печенье с предсказанием. Он протянул его Живоглоту со словами:

— Вот, возьми!

Живоглот не был бы самим собой, если бы не завопил с преувеличенным изумлением:

— О, небеса! Это все — мне одному?!

— Но я ведь не знал... — начал оправдываться Грегор, но Живоглот его перебил:

— Вот только не извиняйся!

Он отправил печенье в рот и тут же начал чмокать и чавкать, приговаривая:

— О, о, какая вкуснотища! — Прожевав, он облизнул усы и сообщил:
— Вот теперь я сыт.

— Но почему же ты такой голодный? — спросил Грегор.

— С тех пор как Соловет обрекла крыс на голод... — начал Живоглот.

И Грегор смутно припомнил, что об этом говорили в Регалии. Люди перекрыли крысам доступ к реке и рыбным местам.

— К тому же я вынужден кормить этого ненасытного младенца, которого ты мне любезно приволок... — закончил Живоглот.

— Мортоса? — оживился Грегор. — Как он?

— Как гвоздь в заднице, скажу начистоту, — ответил Живоглот. — Он ест три раза в день, так же, как большинство из нас, но при этом он не в состоянии охотиться! А если мы его не покормим, начинает скулить и тявкать. Поэтому мы, разумеется, его кормим — и он растет прямо на глазах и оттого скулит все громче и громче. Уж поверь — ему живется гораздо лучше, чем мне! — огрызнулся Живоглот.

Заметив на нижней ступеньке какую-то старую палку, он жадно схватил ее и начал грызть. Грегор заворуженно смотрел, как закручивалась деревянная стружка, словно кожа, срезаемая с яблока.

— А что Люкса? — спросил Грегор, боясь услышать ответ. — Она... дома?

— Нет, ее там нет, — сказал Живоглот, на этот раз куда более мягко. — Я очень надеюсь на то, что она не попала в плен к крысам. Существует вероятность, пусть и маленькая, что ей удалось выбраться из Лабиринта, но... я бы не стал на это рассчитывать.

Грегор едва заметно кивнул. Если бы Люксе удалось ускользнуть от крыс — она бы сразу вернулась в Регалию. Надежда в самом деле была совсем призрачной.

— А другие? — спросил он.

— Ее летучая мышь тоже не обнаружена, ни живой, ни мертвой. И про милейшую Вертихвостку тоже никаких сведений не поступало. Зато знаешь кто появился? Ползучий, который все ошивался вокруг твоей сестры. Как там его звали-то... Ток? Тинг? — засомневался Живоглот.

— Темп? — подсказал папа.

— Точно, Темп! Он пришел домой через несколько недель после вашего отлета, такой же бодрый, как и всегда. Некоторое время он провел в Мертвых землях — отрачивал себе новую ногу... или две, — сказал Живоглот. — И все уши прожужжал о том, как он мечтает снова увидеть свою принцессу.

Грегор с папой переглянулись. Если даже им удастся каким-то образом

убедить маму в необходимости возвращения Грегора в Подземье, то о том, чтобы туда вернулась Босоножка, и речи быть не могло.

Живоглот уловил этот их обмен взглядами и вмешался:

— Ну вот только не говорите, будто вы не в курсе, что она должна вернуться! Я думал, вы читали «Пророчество крови», разве не так?

— Я читал, — ответил Грегор уклончиво. — Но я... не особенно понимаю, что будет дальше.

— А я тебе сейчас расскажу! — заявил Живоглот. — Викус пришлет летучую мышь в твою прачечную в полночь. И вы с Босоножкой должны там ее ожидать. Вы все.

— А если нет? — спросил Грегор.

— Если нет... если нет — то ни у одного теплокровного в Подземье не останется ни единого шанса на спасение. У нас тут чума, парень, или, как еще говорят, мор, — и это очень большая проблема. Ты разве о том не слышал?

— Ну да. Еще того не легче! Как я смогу убедить маму не волноваться, если буду знать, что у вас эпидемия! — возразил Грегор.

— Чума, говоришь? Ну-ка расскажи, — попросил отец.

— Ну, типа чумы... — сказал Живоглот. — Высокая температура, высыпания на коже, а в конце отказывают легкие. Ее еще называют «проклятием теплокровных», потому что болеют только теплокровные. Крысыдохнут от нее как мухи. В Мертвых землях обнаружили несколько тел погибших от чумы летучих мышей. Что касается зубастиков — о них пока ничего не слышно.

— Зубастики? — переспросил Грегор.

— Ну да, мы так обычных мышей называем. Ты разве не знал?.. Но пока все не так уж плохо. В Регалии зарегистрировано всего три случая, так что вы будете в относительной безопасности. Самое главное — чтобы вы туда прибыли. Все теплокровные пришлют своих представителей. И прежде чем они будут допущены к участию в большом саммите, у всех проверят кровь на наличие заразы. Главное, чтобы вы появились — а потом сразу можете отправляться домой, — сказал Живоглот.

— Да? — В голосе Грегора звучало сомнение. — И только?

Обычно в пророчествах ему отводилась роль позначительнее.

— А что? В пророчестве говорится, что тебя доставят сверху. И потом — зачем тебе оставаться? Что ты можешь изменить? Тебе всего одиннадцать. Никто не ожидает от тебя, что ты победишь чуму, за пару часиков соорудив от нее вакцину, — ответил Живоглот.

Он был прав. Бороться с чумой и изобретать от нее лекарство —

работа докторов и ученых, не воинов.

Грегор с надеждой посмотрел на отца:

— Пап, это всего одна встреча. И ситуация с чумой пока под контролем. Все будет нормально, сам посуди.

— Ох, не знаю, Грегор, — сказал тот, качая головой.

— Воин непременно должен явиться. В этом никто не сомневается. А вот насчет его сестры сомнения есть, — вновь заговорил Живоглот.

— А почему это вы решили, что я непременно появлюсь? — спросил Грегор.

— Из-за твоей летучей мыши, Грегор. Из-за этой головной боли со скверным характером, — ответил Живоглот.

— Из-за Ареса? — удивился Грегор. — А как к этому причастен Арес? Они что, казнят его, если я не появлюсь?

— Боюсь, дело обстоит гораздо хуже, Грегор. — Живоглот выплюнул остатки деревянной стружки и устало глянул на мальчика. — Я говорил о трех случаях чумы в Регалии. Так вот, Арес — один из них.

ГЛАВА 4

— О нет! — тихо произнес Грегор.

Даже самые неприятные варианты развития событий, которые он безостановочно крутил все эти месяцы в голове, были лучше того, что он услышал.

— И насколько серьезно он болен?

— Серьезно. Он заболел первым. Все думают, что его заразили плотоядные клещи, когда атаковали на Водном пути, помнишь? Еще он мог подхватить чуму в Лабиринте, от крыс, — сказал Живоглот.

— Клещи? Но ты сказал, чумой болеют только теплокровные, — возразил Грегор.

— Да, так и есть. Но кровососущие и хищные насекомые могут переносить заразу от одного теплокровного к другому, — объяснил Живоглот.

— Так он... он умрет? — спросил Грегор севшим голосом.

— Ну-ну, не станем хоронить его раньше времени, — уклончиво ответил Живоглот. — В Регалии есть лекарства, которые могут облегчить его состояние, — в отличие от крыс, у которых таких лекарств нет. И потом — он сильный.

— Да, он сильный, — сказал Грегор чуть более уверенно. — Он самый сильный из всех летучих мышей, которых я знаю. Он будет бороться.

— Да, он будет сопротивляться болезни, потому что верит, что помощь уже в пути. Что Воин, с которым он породнился, прибудет. Что состоится большой совет. И будут начаты научные опыты для поиска средств спасения. Но если ты лишишь его этой надежды... — Живоглот не договорил и отвернулся, словно не желая видеть реакцию Грегора.

— Я там буду, Живоглот, — решительно сказал Грегор. — Я непременно буду.

— Но появляться там одному, без сестры, тебе не стоит. Это будет напрасная трата времени. Согласно пророчеству Сандвича, ползучие тоже должны прислать своих представителей, а они согласны сделать это только в том случае, если прибудет их принцесса, Босоножка, — продолжал Живоглот.

— Даже не знаю, как мне убедить маму, чтобы она ее отпустила, — с сомнением сказал Грегор.

— Твоя мама... А ты передай своей маме кое-что от меня. Скажи ей,

что если ты и твоя сестра здесь не появятся — крысы пришлют за вами эскорт! — заявил Живоглот.

— Что это значит? — нахмурился отец.

— Это значит — будьте в полночь в указанном месте! — отрезал Живоглот.

— Но... — начал было Грегор, но тот вдруг взревел и слегка подался вперед.

— Аххррр, мне срочно нужно чем-то набить брюхо. В следующую минуту это может быть кто-нибудь из вас! — проворчал он. — Уходите. Идите домой! Вы знаете, что вам делать — так делайте!

С этими словами Живоглот развернулся и исчез в темноте туннеля.

Грегор с папой вылезли обратно в парк, поставили на место крышку люка и поспешили домой.

— Что же делать, пап? — спросил Грегор, когда они стояли на обочине дороги, пытаясь поймать такси.

— Мы что-нибудь придумаем, — успокоил его отец. — Только не волнуйся.

Но Грегор уже волновался. И был уверен, что папа волнуется ничуть не меньше.

Мама была уже дома и ждала их. Она еще не переоделась и выглядела очень усталой.

Теперь она работала семь дней в неделю, без выходных. Даже на День благодарения и в Рождество, когда все на свете отдыхают. Она шутила, что ее выходные — это вечера субботы и воскресенья, потому в эти дни она заканчивала пораньше, в четыре. И при этом не упоминала, что в эти дни ей приходится вставать в шесть утра.

Мама никогда ни на что не жаловалась. Возможно, она слишком ценила то, что они снова вместе. И вот сейчас Грегору предстояло сообщить ей, что они должны снова отправиться в Подземье.

— Как вам кино? Понравилось? — спросила мама с улыбкой, когда они вошли.

— Мы не ходили в кино, мам, — сказал Грегор.

Мама вопросительно подняла брови, но прежде чем Грегор открыл рот, чтобы все объяснить, кухонная дверь слегка приоткрылась, и появилась голова миссис Кормази:

— Отлично, вы уже пришли! Ужин через три минуты, — сообщила она и исчезла.

— А она-то что тут делает до сих пор? — буркнул Грегор.

— Я пригласила ее остаться на ужин. Тем более что все равно она и

девочки не позволили мне самой идти стряпать — готовили сюрприз, — улыбнулась мама. — А что не так, Грегор? Я думала, тебе нравится миссис Кормацци.

— Нравится, — согласился Грегор. — Конечно, нравится.

— Ну, тогда отправляйся мыть руки и заодно подумай, куда подевались твои хорошие манеры, — сказала мама.

Дверь кухни снова приоткрылась, на этот раз появились головы Лиззи и Босоножки.

— Две минуты! — важно сказала Лиззи.

— Две минуты, — эхом повторила Босоножка.

— Иди, Грегор, помой руки, — довольно громко сказал папа. — Мы можем поговорить с мамой позже.

Ну конечно, не может быть никаких разговоров о Подземье, пока не уйдет миссис Кормацци.

Но кто знает, когда это будет? У них в запасе осталось лишь несколько часов.

Он нервно заглатывал пищу, желая, с нетерпением ожидая, когда же наконец уйдет миссис Кормацци. И при этом он чувствовал себя виноватым, ведь она явно получала удовольствие от общения с его семьей. Они все — его сестры, мама и папа — сидели теперь за столом, даже бабушка вышла из своей комнаты, чтобы поужинать со всеми. На ужин были рагу и теплый хлеб, а в качестве сюрприза миссис Кормацци с девочками испекли пирог. Получилось очень по-праздничному.

Но Грегор никак не мог присоединиться к общему веселью. Он не мог думать ни о чем, кроме того, что ему необходимо попасть в Подземье и помочь Аресу.

Ужин продолжался целую вечность, а когда он закончился, все перешли в гостиную, где продолжили завязавшуюся за столом беседу. Грегор старательно зевал во весь рот, надеясь, что миссис Кормацци это увидит, но она как будто ничего не замечала.

Наконец в половине десятого она встала, потянулась и сказала, что, пожалуй, ей уже пора.

Все так разгулялись, что еще целый час прошел, пока наконец все семейство не разошлось по своим комнатам.

Когда мама пришла пожелать ему спокойной ночи и поцеловать, Грегор взял ее за руку и молча повел на кухню. Папа вышел следом.

— Ну что теперь? Что вы задумали? — тревожно спрашивала мама.

— Я получил сегодня известие из Подземья. Мы спустились в портал под Центральным парком, где встретились с Живоглотом... Арес... он

умирает, мам! И я должен вместе с Босоножкой, должен вернуться туда сегодня же, чтобы спасти его! В полночь, мам! Сегодня в полночь! — Слова сыпались из Грегора, как бусинки с порванного ожерелья.

Но он тут же пожалел о своем порыве: лицо мамы было искажено ужасом. Выходит, слова он подобрал не самые удачные.

— Нет, ни за что! Никуда вы не пойдете! Вы никогда, никогда не пойдете больше в это ужасное место! — воскликнула она.

— Подожди, мам, ты не понимаешь... — начал Грегор, но она его прервала:

— Все я понимаю! Ровно столько, сколько надо! Сначала исчез твой отец — на годы! Потом вы с Босоножкой. Гигантские тараканы похитили моего ребенка! Тут и понимать нечего! И обсуждать тоже! Вы никогда больше туда не вернетесь, никогда!

Мама вцепилась в спинку стула с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели.

Тут в разговор вмешался папа. Он усадил маму за стол и постарался объяснить ситуацию спокойным голосом, рационально. Но чем больше он говорил — тем сильнее расширились ее глаза.

— Что ты ему сказал? Ты сказал этому крысу, что они там будут?! Что Грегор отправится туда вместе с Босоножкой?! — почти кричала она.

— Разумеется, нет! Но дело в том, что целая цивилизация может погибнуть. Много хороших людей!.. И еще животные... которые, кстати, рисковали своей жизнью, чтобы спасти меня, спасти наших детей... Мы не можем просто взять и отвернуться от их беды! — сказал папа.

— Я — могу, — возразила мама. — Легко!

— Мам, я все равно туда пойду, — решительно сказал Грегор.

— Нет, нет и нет! Ты не пойдешь никуда, кроме своей кровати! — заявила мама. — И не забудь почистить зубы. Я больше не желаю слышать ни единого слова ни о каком Подземье.

Лицо ее словно окаменело.

Грегор почувствовал на плече папину руку:

— Тебе и правда лучше отправиться спать, сынок. Не думаю, что нам удастся изменить мамино решение.

— Ничто не может его изменить! — подтвердила мама.

И тогда это началось. Сначала послышался тихий шорох. Затем — скрежет. И тут же кухня сверху донизу наполнилась шорохом и скрежетом, словно внутри стен бегали тысячи и тысячи маленьких когтистых лапок. И лишь несколько сантиметров штукатурки отделяли от них Грегора и его родителей.

— Что это?! Что это такое? — В голосе мамы слышалась паника. Она непонимающе крутила из стороны в сторону головой.

— Похоже на крыс, — ответил отец.

— Крысы?! Но ведь те крысы не выходят на поверхность, разве нет? — Мама уже едва владела собой.

— Подземные крысы не выходят. Зато обычные... И они знакомы друг с другом, — сказал Грегор.

Его обеспокоило происходящее.

— Возможно, именно это имел в виду Живоглот, когда говорил, что крысы пришлют за вами эскорт, — произнес папа.

В этот момент создания за стеной начали еще и попискивать, словно подтверждая его правоту.

«Скорее всего так и есть, — подумал Грегор. — Крысы пытаются напугать маму и заставить ее отпустить нас».

Но сколько времени это может занять? Крысы из Подземья знают, что их жизнь в опасности. И что все они погибнут, если Грегор с Босоножкой не появятся. А потому крысы не остановятся ни перед чем.

— Они убьют нас. Убьют — если мы останемся! — выпалил он не раздумывая.

— Так. Я звоню в полицию. Или пожарным. Нет, я звоню в службу спасения! — сказала мама.

Она ринулась в гостиную, а Грегор с папой побежали вслед за ней.

— Мам, это бесполезно! — пытался образумить ее Грегор. — Ну что пожарные могут сделать в этой ситуации?

А крысы тем временем добрались и до гостиной. И они шумели все громче.

— О Боже! Боже! — повторяла мама. — Девочки! Бабушка!

Она схватила телефонную трубку и начала набирать номер службы спасения.

— Давай, давай же! — Вдруг лицо ее еще больше побледнело: — Линия... линия не работает...

— Что ж, пора отсюда убираться! — воскликнул отец.

Они побежали в спальни, за девочками и бабушкой. Мама выхватила Босоножку из кровати, спящую, приговаривая:

— Они не получают Босоножку! Они больше ее не получают!

Папа расстелил на большой кровати одеяло и завернул в него бабушку.

— А что происходит? — удивленно спросила старушка.

— Ничего, мама. Нам кажется, что в здании пожар, и нам лучше выбраться отсюда — пока его не потушат, — успокоил ее папа.

Он покачнулся, когда взваливал ее к себе на плечо, словно ребенка.

В это время Грегор будил Лиззи. Та открыла глаза и подскочила в постели:

— Что это, Грегор?! Что это за звуки?

Крысы были уже и за стенами спален.

Но и в стенах гостиной шум не прекращался.

— Это крысы, да? — с ужасом спросила Лиззи. — Они что — в квартире?

— Нет, в квартире их нет. Они в стенах. Но нам нужно поскорее убраться отсюда. Пошли!

Он стянул ее с кровати и потащил в гостиную. От звуков, уже чрезвычайно громких, Лиззи начала дрожать.

— Давай же, Лиззи! Все будет хорошо — нужно просто выйти наружу! — подгонял ее Грегор, таща через комнату.

Он подхватил их куртки и шапки, а мама тем временем распахнула дверь и побежала вперед. Грегор волок за собой Лиззи, а отец, покачиваясь, с трудом нес бабушку.

— В лифт не заходим! — приказала мама. — Только по лестнице!

На верхней ступеньке лестницы отец поставил бабушку на ноги и позвал Грегора:

— Мне нужна твоя помощь, сынок, — я не смогу сделать это один.

Грегор сунул куртки Лиззи:

— Последи за ними!

Лиззи уставилась на него, в глазах ее плескался страх, она часто дышала и, кажется, не понимала, что он ей говорит.

— Все хорошо, Лиззи. Все хорошо. Прислушайся — здесь их даже не слышно!

На лестнице царила тишина. Тут не было квартир — это было пространство между лифтом и внешней стеной здания. И потом — ведь была уже ночь, а у большинства жителей дома были дети, совсем маленькие и чуть постарше, и даже в субботний вечер все они отправлялись спать не позже десяти часов.

Лиззи перекинула куртки через плечо и выдавила из себя:

— Я... постараюсь.

Грегор подхватил бабушку под руки, папа взял ее за ноги, — так они обычно носили ее по квартире, когда у нее обострялся артрит.

— Держись рядом с нами, милая, — сказал Лиззи папа. — И возьми меня за руку — чтобы я чувствовал, что ты здесь.

Вся семья медленно стала спускаться по лестнице.

Они прошли всего два лестничных пролета, и тут крысы вновь дали о себе знать. Это было не так громко, как в первый раз. Поначалу. Но шум усиливался с каждым шагом — и в конце концов им пришлось почти кричать, чтобы слышать друг друга.

— Быстрее! — приказала мама. — Осталось совсем чуть-чуть!

Вот уже показалась дверь, ведущая в холл.

Мама придерживала дверь, пока не подросли Грегор с отцом.

— Когда вырвемся отсюда — нужно бежать прямо на проезжую часть. Ловить такси. А потом — на автобусную станцию. Давай же, Лиззи, поторопись, детка! — говорила мама.

По щекам Лиззи струились слезы. Она остановилась на последней ступеньке и так тяжело дышала, что не могла вымолвить ни словечка.

Держа Босоножку одной рукой, мама свободной рукой обняла Лиззи за плечи и повела к выходу из подъезда.

Крысиный гам стал невыносимым: писк и скрежет доносились отовсюду, когти бешено царапали штукатурку, словно пытались процарапать стены насквозь.

Грегор с папой первыми подошли к выходу. Дверь подъезда была из закаленного двойного стекла. Они поставили бабушку на ноги, и папа взялся за ручку. Он уже почти открыл ее, когда Грегор кое-что заметил.

Он отпустил бабушку и рванулся к двери, плечом резко снова захлопнув ее. Папа потерял равновесие и упал на колени под тяжестью навалившейся на него бабушки. Грегор видел, как мама что-то кричит ему, видел, как открывается ее рот, — но не слышал ни слова, таким громким был крысиный шум.

Зная, что его никто не слышит, Грегор стал тыкать рукой в дверное стекло, привлекая внимание семьи к тому, что ожидало их за дверью. Снаружи к стеклу прижимались, истекая слюной и пытаясь прогрызть стекло, полчища крыс.

ГЛАВА 5

В страхе они отпрянули от двери и сбились в кучку в центре холла. Лиззи свернулась калачиком, обняв коленки. Она тяжело дышала, пальцы ее непрерывно двигались. Мама опустилась на колени прямо на пол. Одной рукой она обнимала Лиззи, в другой держала Босоножку, которая начала просыпаться, — малышка уткнулась личиком в материнское плечо, жмурясь из-за яркого света. Папа уже стоял на ногах, поддерживая бабушку, которая тоже зажмурилась, а еще она закрыла руками уши.

Грегор боялся отойти от двери и присоединиться к ним. Он боялся, что замок не выдержит напора крыс — и они волной хлынут в подъезд. Он прижимался спиной к двери и с отчаянием смотрел на своих близких.

Из дома они выйти не могут, это уже ясно. Но что же им делать?

Что-то привлекло внимание мамы — она, казалось, на мгновение даже перестала дышать.

Грегор проследил в направлении ее взгляда. Поначалу он ничего не увидел. А потом...

Кусочек пластика у основания стены слегка приподнялся, и оттуда высунулась когтистая лапа, царапающая пол, а вслед за ней показался крысиный нос.

— Ладно! — закричала мама. — Хорошо! Они могут пойти!

Все, что было дальше, походило на то, будто кто-то нажал на кнопку «выкл.».

Все звуки мгновенно стихли. Теперь Грегор слышал только тяжелое дыхание Лиззи, гудение ламп и звуки уличного движения, доносившиеся из-за двери.

Он глянул на стеклянную дверь — ни единой крысы. Но он знал, чувствовал, что они здесь, рядом, в стенах, вентиляции, под полом... Смотрят и ждут.

— Значит, мы можем идти? — спросил Грегор.

— Да, можете идти, — устало сказала мама. — Но в этот раз... в этот раз я тоже пойду с вами.

— Так, перестань! Давай-ка поднимемся наверх и все обсудим! — вмешался папа.

Грегор подошел к Лиззи и помог ей подняться.

— Ты как? В порядке? — спросил он.

— Мои пальцы... Они онемели... и их как будто колют иголками... —

пробормотала она.

— Я думаю, у тебя паническая атака, милая, — мягко сказал папа. — Не переживай. Когда поднимемся наверх, я дам тебе бумажный пакет — чтобы в него подышать. Это поможет успокоиться.

Он нажал локтем на кнопку лифта, и двери тут же распахнулись, будто лифт их поджидал.

Все вошли внутрь.

— Я могу нажать кнопку! — обрадовалась Босоножка.

Мама, которая держала ее слишком высоко, чтобы она могла дотянуться, нагнулась, и Босоножка нажала на нужную кнопку своим маленьким пальчиком.

— Видите? — гордо спросила Босоножка.

— Умница, — сказала мама глухо, и двери лифта закрылись.

Когда они вошли в квартиру, на часах было половина двенадцатого.

— У нас всего полчаса, — произнес Грегор.

Отец отнес бабушку обратно в ее комнату. Потом он велел Лиззи сесть в уголок и показал ей, как следует дышать в маленький бумажный пакет.

— Так тебе в легкие будет поступать больше кислорода, тыковка. Только не торопись.

Лиззи кивнула. Она очень старалась, но все равно выглядела несчастной и испуганной.

— Я не хочу... чтобы мама... не хочу...

— Думаю, она права, — повернулся к маме папа. — Ты нужна здесь. Лучше я пойду с Грегором и Босоножкой.

— Нет! — отрезала мама. — Я. Я должна.

— Но почему папа-то не может пойти? — спросил Грегор чуть более раздраженно, чем следовало. Мама метнула на него предупреждающий взгляд, и он тут же пошел на попятную: — Ну, я имею в виду — ведь он уже бывал там, люди его знают.

Это была правда. Но это была не единственная причина, по которой Грегор предпочел бы, чтобы с ними пошел папа.

Начать с того, что мама вне себя от гнева — она может наговорить подземным чего угодно!

И еще кое-что. В Подземье Грегор был особенным. Он был Воином. И даже несмотря на то что это высокое звание досталось ему без всяких усилий с его стороны, — ему было важно, что он такой один и что только он может сделать что-то, на что не способны другие.

И теперь ему казалось, что как-то несолидно, то есть не очень-то круто будет, если Воин вдруг явится в сопровождении мамы. Особенно его мамы,

которая не постесняется во всеуслышание заявить: «А теперь отправляйся мыть руки и заодно подумай, куда подевались твои хорошие манеры», — или отправить его в постель, нимало не заботясь о том, что подумают окружающие.

— Нет. Я не готова снова сидеть и ждать, не зная, что с вами происходит. На этот раз — нет. — Мама отпустила Босоножку и обняла Лиззи. — Ты ведь понимаешь, о чем я говорю, правда, Лиззи?

Лиззи кивнула.

— Я... я тоже... могу пойти, — сказала она храбро.

Но сама мысль об этом настолько ее ужаснула, что она снова уткнулась в свой пакет.

— Нет, милая, тебе как раз нужно остаться и присмотреть за папой и бабушкой. Мы ненадолго. Это всего-навсего одна встреча — и мы сразу вернемся обратно, — успокоила ее мама, нежно гладя дочку по голове.

— И тогда... мы... сможем... уехать отсюда? — спросила Лиззи с надеждой.

— Да, — кивнула мама. — Как ты смотришь на то, чтобы поехать на ферму вашего дядюшки, в Виргинию?

— Хорошо! — обрадовалась Лиззи, которой, кажется, стало лучше. — Это... будет... здорово...

— Вот поэтому-то тебе лучше остаться дома. Начни пока собирать вещи. Хорошо, детка? — продолжала мама.

— Ладно, — ответила Лиззи. И даже, кажется, улыбнулась.

Грегора словно ударили — так стыдно ему стало. Он все время заботился о том, достаточно ли классно будет выглядеть в глазах подземных, если мама появится там вместе с ним. И он совсем не думал о том, каково приходится ей, маме. И другим членам семьи.

Он подошел к Лиззи и похлопал ее по плечу:

— Мы очень скоро вернемся, Лиззи.

— Ну конечно, — подтвердила мама, поцеловав Лиззи и подмигнув ей. Затем она повернулась к Грегору: — Итак, что нужно взять с собой?

— Свет, — ответил Грегор. — Самое главное — свет. Я об этом позабочусь, мам.

Пока папа при помощи ломика открывал решетку вентиляционного отверстия в прачечной, Грегор носился по квартире в поисках пары фонариков и всех батареек, какие только можно было в ту минуту обнаружить. Мама же просто сидела в кресле, обнимая обеими руками девочек и тихонько рассказывая им о том, какая интересная жизнь ждет их в Виргинии.

Грегор зашел в спальню и с удивлением увидел, что бабушка не спит.

— Тебе обязательно надо вернуться туда, вниз, — сказала она. И это было утверждение.

— Вот именно, ба, в пророчестве снова говорится обо мне! — И он показал ей свиток.

— Кто тогда, кроме тебя? Ты можешь сколько угодно бегать и прятаться, пророчество все равно тебя догонит, — промолвила она.

— Похоже, именно это сейчас с нами и произошло, — согласился Грегор, поправляя ей одеяло. — Береги себя, ба, ладно?

— И ты береги себя, Грегор. Скоро увидимся, — сказала она.

Он поцеловал ее в лоб, и она улыбнулась ему в ответ. Конечно, они рисковали, оставляя бабушку совсем одну, пусть даже на короткое время, когда отправились в прачечную. Хотя вряд ли она попыталась бы встать с кровати. Да и крысам не для чего было возвращаться — они получили то, чего добивались.

Отец с трудом сдвинул с места сушилку. Теперь перед входом в туннель было небольшое свободное пространство. А в черноте туннеля клубился облаками тот же загадочный пар, что и в первый раз.

— Смотри-ка, опять облака, — заметил отец. — На них можно спуститься прямо в Подземье. Но Живоглот говорил, будет летучая мышь.

Не успел он вымолвить эти слова, как в дыре показалась покрытая мехом мордочка летучей мыши: она была редкого окраса — черная с яркими белыми полосками, идущими от носа к глазам.

Мама ахнула, а Лиззи коротко вскрикнула. И понятно: это был первый житель Подземья, которого они видели. Босоножка же протянула ручки и погладила полоски на мышинной мордочке.

— Ты похожа на зебру. Поёски, как у зебры. З — зебра. Привет!

— Приветствую вас, — ответила летучая мышь. — Меня зовут Найк, и я самка. Вы готовы отправиться в путь?

Они все переглянулись и молча обнялись.

— Но как мы... туда попадем, неужели полетим? — спросила мама, с сомнением глядя на мышь.

— Вы можете просто прыгнуть. И не бойтесь: облака очень плотные, вы легко долетите до места и без меня. Я здесь лишь для того, чтобы придать вам уверенности, — сказала Найк.

И мышь нырнула в темноту, освобождая проход.

Босоножка в нетерпении потянулась к portalу:

— Я, я, теперь я!

Грегор схватил ее в охапку, пытаясь сдержать улыбку — ему забавно

было смотреть на сестренку:

— На этот раз я буду за тебя держаться. Правильно, мам?

Мама опустила на колени возле отверстия и сунула голову внутрь:

— Мы... мы просто возьмем — и прыгнем? — Она высунула голову обратно, и Грегор увидел, как ей страшно.

— Подожди секундочку, — сказал он.

Он посадил Босоножку на пол и полез в облака тумана, одной рукой держась за край решетки.

— Теперь давайте мне Босоножку, — скомандовал он, и отец подал ему малышку, которую Грегор удобно взял свободной рукой. Она повисла на нем, словно детеныш коалы. — Давай, мам, не бойся. Прыгай, хватайся за нас — и мы все вместе полетим!

Мама закусил губу, еще раз оглянулась на папу и Лиззи и нырнула в дыру ногами вперед. По пути она схватилась за руку Грегора — и он отцепился от края.

Какое-то время они еще видели слабый свет, шедший из вентиляционного отверстия, потом стало совсем темно. Грегор крепко сжимал мамину руку и чувствовал, как колотится ее сердце — не меньше ста ударов в минуту, судя по пульсу. Сам он тоже старался избавиться от страха, связанного с высотой и падением, но это было выше его сил. В первый раз, когда это происходило, он смог успокоиться, убедив себя, что это сон, страшный сон.

Но сейчас у него в ушах звенел голосок сестренки — и это возвращало его к реальности.

Босоножка радостно вопила:

— Грррре-го! Мама! Мы летиииииим!

ГЛАВА 6

— Грегор! Мы же убьемся! — крикнула мама.

— Нет, мам, все будет хорошо, — ответил Грегор.

Голос его прозвучал на удивление спокойно — хотя внутри себя он этого спокойствия не чувствовал.

— Эй, Найк! — позвал он. — Может, лучше все-таки верхом?

Он не был уверен, что летучая мышь его слышала, — и вдруг оказалось, что он уже сидит у нее на спине.

Найк сделала изящный пируэт — и вот мама уже оказалась у нее за спиной.

— Конечно, можно и верхом, — сказала Найк. — Как вам будет удобнее.

Голос у нее был нежный — гораздо тоньше и нежнее, чем у обычных летучих мышей.

Правда, Грегор обычно говорил только с Аресом, который почти всегда пребывал в плохом настроении. Но и Ареса можно понять: у него было немало причин для плохого настроения.

— Спасибо, — произнес Грегор.

Он усадил перед собой Босоножку и включил фонарик. Луч света увяз в белом тумане, окружившем их: будто они летели по прекрасному, окутанному ватой лесу. Но все же Грегор смог различить каменные стены трубы, по которой они стремительно спускались.

— Я умею ездить на мышке! — сообщила Босоножка, потирая полосатую шею Найк ладошками. — З — зебра. З — зоопарк. Зззуб!

В последнее время Босоножка не на шутку увлеклась изучением алфавита.

— Я ожидала увидеть только двоих — тебя и твою сестру, Наземный. Третья — это твоя мама? — спросила Найк.

— Да, она тоже захотела побывать в Подземье, — ответил Грегор, а сам подумал: «Ага, очень хотела. Примерно так же, как получить пулю в лоб».

— О, в Подземье это будет большое событие. Ведь к нам прибывает та, которая является матерью и Воина, и принцессы! — сказала Найк. — Это большая честь для нас, Мать Воина!

— И для меня, — почтительно произнесла мама. — Но пожалуйста, зовите меня просто Грейс.

Хорошо, что был туман, — улыбку Грегора никто не видел. Он был уверен, что у его мамы сейчас идет борьба между неприязнью к летучим мышам и удовольствием от такого приема.

— Найк, мне кажется, я тебя раньше не встречал, — обратился он к мыши.

— Да, мы не встречались. Но я видела тебя, когда ты прилетал в нашу землю, — когда исполнилось «Смутное пророчество».

— Это когда мы встречались с королевой Афиной? — уточнил Грегор. Это был единственный раз, когда он посещал землю летучих мышей. Их были там сотни, а может — тысячи, под потолком гигантской пещеры.

Он помнил только королеву.

— Да, с моей матерью, — ответила Найк.

— Так это была твоя мать? Значит, ты принцесса! — воскликнул удивленный Грегор.

Она ведь не сказала им об этом.

— Ну да, так и есть. Но надеюсь, ты не станешь от этого хуже ко мне относиться, — рассмеялась летучая мышь.

— Мы, кажется, уже недалеко от Регалии, — заметил Грегор.

— Это хорошо. Чем быстрее мы туда прибудем, тем лучше, — ответила мама.

В первый раз, чтобы добраться до Регалии, Грегору понадобилось около двадцати минут — но тогда он сначала летел, а потом просто бежал. Передвигаться на летучей мыши было гораздо быстрее. И не успел он опомниться, как они уже влетали через охраняемые ворота. Под ними лежала Регалия. Было утро, и в городе кипела жизнь.

— Ох! — услышал он, как выдохнула за спиной мама.

Величественный каменный город с украшенными орнаментом башнями и изящными арками и на нее произвел впечатление.

Найк принесла их в Высокий зал дворца, где их ожидал Викус. Лицо старика выглядело озабоченным, а глаза как будто потускнели, потеряв свой обычный блеск. Однако при виде Грегора он радостно улыбнулся.

— Грегор Наземный! Я знал, что ты не оставишь нас в беде, — приветствовал он пришельцев. — И Босоножка здесь! Это так приятно!

— Привет! — сказала малышка.

Грегор и Босоножка слезли со спины Найк, а за ними и мама, которая немедленно схватила Босоножку за руку:

— Стой возле меня, никуда не отходи ни на шаг!

— Если мои глаза мне не изменяют — передо мной, должно быть, стоит женщина, которой Подземье во многом обязано своим

существованием, — с глубоким поклоном обратился к маме Викас. — Добро пожаловать! Это великая честь для нас — приветствовать вас на нашей земле, Мать нашего Света.

— Вы можете называть меня просто Грейс, — смущенно ответила мама.

— Грейс... — Викас словно пробовал это слово на вкус. — Подходящее имя для той, кто столько для нас сделал. Я Викас.

— Угу. Ну и где же ваше собрание? — спросила мама, беря Босоножку на руки.

— Теперь, когда вы прибыли, мы немедленно начнем подготовку к встрече. Сначала все делегации должны быть проверены на наличие вируса чумы. Простите нашу невежливость, но мы обязаны проверить и вас, — сказал Викас.

— Но у нас нет никакой чумы! — воскликнула мама, которую одна мысль об этом сильно взволновала.

— Я очень на это надеюсь. Однако наши доктора считают, что Арес скорей всего подцепил чуму, когда его атаковали плотоядные клещи во время путешествия в Лабиринт. А ваши дети — оба! — при том присутствовали, и Грегори был к тому же в тесном контакте с Аресом в течение нескольких последующих дней. Вот почему нам непременно следует проверить вашу кровь, — извиняющимся тоном ответил Викас. — И мы должны также убедиться, что ваши дети не заразили вас.

Грегори и в голову не приходило, что он или Босоножка могут подцепить чуму. А сейчас он вспомнил, как они исследовали шкуру Ареса вместе с Люксом, как обрабатывали следы укусов клещей. Его пальцы были перепачканы кровью Ареса. А ведь у него у самого были раны — от морского чудовища, которое чуть не утащило его под воду.

Это правда, кровь летучей мыши вполне могла попасть в его рану...

Теплая кровь станет ныне проклятием.

Свободной рукой мама притянула его к себе и крепко прижала.

— Но... если бы они заразились этой чумой — ведь они должны были бы плохо себя чувствовать? — с тревогой спросила она. — Ну, то есть ведь должны же быть какие-то симптомы, разве нет?

— Я не могу сказать точно, — покачал головой Викас. — У некоторых они проявляются в течение одного дня, у других лишь через несколько месяцев. Это все непредсказуемо и пока необъяснимо.

Маме пришлось выпустить Грегори из своих объятий, когда вслед за Викасом они вошли в залитую ярким светом комнату. Хрупкая маленькая женщина склонилась над столом с медицинским оборудованием. Там были

колбочки с цветными жидкостями, масляные горелки, горевшие голубым огнем, и еще какой-то прибор, должно быть, микроскоп.

— Доктор Нивива... — начал было Викус.

Но при звуке его голоса женщина от неожиданности подскочила, тоненькое стеклышко выпало у нее из рук и со звоном разбилось.

— Ох! — промолвила доктор Нивива, пытаясь восстановить дыхание. — Придется брать еще один образец. Но вы не беспокойтесь — оно не заразное.

— Прости, что напугал, — сокрушенно произнес Викус. — Это «проклятие теплокровных» сильно действует всем нам на нервы. Итак, — обратился он к пришедшим, — это доктор Нивива, наш ведущий ученый, она изучает вирус чумы и знает о нем больше, чем кто-либо в Наземье. Нивива, позволь представить тебе Грегора Наземного, его сестру Босоножку и их досточтимую мать, Грейс.

Нивива вскочила, ее бледно-фиолетовые глаза взволнованно перебегали с одного вошедшего на другого.

— Приветствую всех вас. Вы представить себе не можете, как мы вас ждали и как мы вам рады.

— Мы должны проверить их кровь — до собрания, — напомнил ей Викус.

— Да-да, сейчас, это много времени не займет! — засутилась Нивива, натягивая на руки пару резиновых перчаток.

Она уколола всем троем пальцы и исследовала их кровь под микроскопом.

Небрежно глянув на кровь Босоножки и мамы, она уверенно заявила, что они здоровы и вируса чумы в их крови нет.

А вот на стеклышко с кровью Грегора она смотрела очень долго, хмуря брови. И даже пару раз подкрутила колесико микроскопа.

«Да говори же, — думал Грегор обреченно. — Просто скажи — у тебя, Грегор, чума. Я вполне это допускаю».

Но к его величайшей радости, Нивива наконец вскинула голову и впервые за все время улыбнулась:

— Все чисто.

Грегор не сдержал вздоха облегчения.

— Ну а теперь что?

— А теперь, если присядешь, я проверю, нет ли у тебя в голове блох, — сказала Нивива.

— Блох?! У моего мальчика нет и никогда не было блох, — вмешалась мама с крайне недовольным видом. Ей показалось оскорбительным

подобное подозрение.

А Грегору стало смешно:

— Блохи? Да у нас и домашних животных нет!

— Прошу прощения, но мы вынуждены настоять на проверке, — серьезно сказал Викус. — Дело в том, что блохи могут переносить чуму с одного существа на другое. Нивива уже доказала, что у нас в Регалии именно потому всего три случая заболевания чумой, что у нас нет блох. А у крыс они есть — и сотни крыс заражены вирусом.

И эта неожиданная проверка на вшивость сразу перестала казаться всем такой уж забавной и нелепой.

Когда было подтверждено, что ни у кого из них блох нет, Викус пригласил их насладиться отдыхом, пока шла подготовка к большому совету.

— Как минимум час понадобится на то, чтобы освидетельствовать остальных участников, поэтому ступайте и постарайтесь расслабиться.

Викус отвел их в изумительно красивую комнату. Стены здесь были украшены затейливым тонким узором, у камина стояла изящная мебель, и даже тут и там красовались горшки с настоящими, живыми розовыми цветами. Для наземных принесли подносы с наивкуснейшей едой, а несколько музыкантов расположились со своими инструментами чуть в стороне и осведомились, не мешает ли Грегору и его маме тихая музыка.

Грегор понимал, что все эти знаки внимания предназначены прежде всего его маме, — ни он, ни Босоножка не удостаивались прежде такого роскошного приема.

— Ты никогда не говорил мне, что здесь так хорошо, — сказала мама.

— А здесь обычно все не так. Я думаю, просто кто-то очень хочет произвести на тебя впечатление... Мать нашего Света, — с насмешкой ответил Грегор.

Мама округлила глаза, но он мог бы поклясться, что ей все это на самом деле нравится.

Грегор смотрел, как она сидит в удобном кресле, и думал, что если кто и заслуживает почестей — так это она, его мама.

Самому ему хотелось бы остаться в одиночестве, и музыка была ему совершенно ни к чему — она была не похожа на то, что он обычно слушал, и не особенно ему нравилась.

Но у него было еще одно неотложное дело.

— Я пойду вниз — спущусь в ванную, — сказал он маме.

Едва выйдя за дверь, он стремглав помчался вниз — но отнюдь не в ванную. Путь его лежал в больничное крыло. Он так торопился, что

перепрыгивал через две ступеньки.

Больничное крыло находилось в той же стороне, где и зал заседаний суда. Должно быть, они держат Ареса там, предположил Грегор.

То ли он уже научился ориентироваться в хитросплетениях коридоров и лестниц дворца, то ли ему просто повезло, но очень скоро он оказался в дворцовой больнице. Врачи и сестры удивились, увидев его, но их удивление еще усилилось, когда они узнали о цели его прихода.

— Да, — с сомнением ответил на его вопрос один из врачей, — это возможно. Ты можешь на него посмотреть. Но тебе нельзя с ним общаться — он находится в изоляции, за тонкой стеклянной перегородкой.

— Что ж, я ему хотя бы помашу, — настаивал Грегор. — Я обязательно должен увидеться с ним, раз уж я здесь.

Если слова Живоглота были правдой и Арес до сих пор жив лишь потому, что надеется на встречу с Грегором, — им непременно нужно встретиться.

Врач повел Грегора по длинному коридору.

— Вот, это здесь, — остановился он у одной из палат и указал рукой. — Арес в палате справа от тебя, там, за поворотом, за стеклянной перегородкой. Но помни... он очень, очень болен.

— Да я знаю! — махнул рукой Грегор. — Я не сделаю ничего такого, что может его слишком разволновать.

Грегор знал, что в больницах нужно вести себя тихо и разговаривать шепотом, чтобы не волновать больных. Но прежде чем врач успел ему что-нибудь ответить, он направился вперед, торопясь поскорее увидеть Ареса. Он вдруг почувствовал, что волнуется, предвкушая встречу с другом, которого не видел несколько месяцев.

Он очень хотел, чтобы Арес, увидев его, понял, что теперь все будет хорошо — раз он, Грегор, здесь.

С этим проклятием будет покончено. Они снова будут летать.

Грегор шел все быстрее, с трудом удерживаясь, чтобы не побежать. Наконец он достиг поворота и свернул в следующий коридор. За длинной стеклянной перегородкой лежал Арес, его летучая мышь и лучший друг здесь, в Подземье.

Грегор глянул на него через стекло. И его тут же стошнило. Прямо на пол.

ГЛАВА 7

Да, Грегора вывернуло наизнанку. Весь его обед мгновенно оказался на каменном полу, стеклянной стенке и собственных ботинках.

Не успел он опомниться, как новая волна тошноты подкатила к горлу — и его снова вырвало. И еще раз. И еще.

Шеи коснулась прохладная рука, и женский голос, в котором звучало сочувствие, произнес:

— Идем, Наземный. Идем со мной.

Незнакомка отвела его в ближайшую ванную. Там он согнулся над одним из сооружений, которые здесь заменяли унитазы, крепко вцепившись в бортик. Проточная вода немедленно уносила все, что в нее попадало.

Какое-то мгновение Грегор думал, что в желудке уже ничего не осталось, но тут перед его глазами вновь возникло только что увиденное — и начался новый приступ рвоты.

Там, в палате, лежал распластанный Арес. Он лежал на спине, и вид у него был ужасный. От черной блестящей шерсти остались жалкие клочья, а на месте огромных проплешин вздулись жуткие фиолетовые нарывы величиной с дыню-канталупу. Несколько таких бубонов лопнуло, и из них сочилась кровь вперемешку с гноем. Язык Ареса, покрытый белым налетом, свисал у него изо рта, голова была запрокинута, и мышцы шеи словно свело судорогой. Ничего более ужасного Грегор никогда не видел. А ведь ему довелось уже многое повидать.

Его еще раз вырвало, уже в унитаз, и он теперь стоял, наклонившись, прислушиваясь к себе, гадая — повторится ли рвота. Тело его сотрясала мелкая дрожь, руки и ноги сделались ватными. Подождав еще минутую-другую, он вышел из туалета.

— Простите. Мне так стыдно, — признался Грегор.

Он и вправду чувствовал себя очень неловко от такой своей реакции на увиденное.

— Не стоит извиняться. И стыдиться тут нечего, — возразила женщина. — Многие реагируют примерно так же, когда видят подобное зрелище впервые. Мой муж, например, а он, кстати, храбрый военный, тут же упал в обморок. А кто-то вроде бы спокойно реагирует — а потом ночами спать не может. Это ведь на самом деле очень страшно.

— Арес ведь... он меня не видел? — с надеждой спросил Грегор. Ему

даже представить было жутко, что тот наблюдал из-за перегородки, как он блевал в коридоре.

— Нет, он спит. Не казни себя, не думай, что ты причинил ему вред или расстроил, — мягко сказала женщина. — Вот, прополощи рот. — И она протянула ему каменный стаканчик.

Он прополоскал и выплюнул жидкость в унитаз.

— Теперь, когда я снова его увижу, со мной все будет нормально. Это был просто шок, — пообещал Грегор.

— Да, конечно, — согласилась женщина.

Грегор впервые прямо взглянул ей в лицо, и оно показалось ему знакомым, хотя он был уверен, что никогда раньше ее не видел.

— Вы работаете здесь врачом? — спросил он.

— Нет, я посетитель, как и ты. Гость. Приехала с Источника. Меня зовут Сюзанна, — ответила женщина.

— О, значит, вы — мама Говарда! — догадался Грегор.

Вот почему ее лицо показалось ему знакомым! Эта женщина — мать одного из тех, кто сопровождал его в походе к Мортосу. И еще, выходит, она — дочь Викуса и Соловет. И тетя Люксы. Да они тут, похоже, все родственники.

— Да, мой сын очень много о тебе рассказывал, — ответила Сюзанна. — Он в долгу перед тобой за то, что ты спас ему жизнь, когда его собирались казнить за измену.

— Да им следовало присудить ему награду! — сказал Грегор. — Во всех испытаниях он вел себя как герой.

— Спасибо, — промолвила Сюзанна.

И глаза ее наполнились слезами.

— Что с вами? — испугался Грегор. Неужели его слова ее обидели?

— Я в порядке. Насколько это возможно в данных обстоятельствах, — ответила она.

Она взяла с полки полотенце и протянула Грегору, чтобы он вытер мокрое после умывания лицо.

— А как дела у Говарда? Он в Регалии? — спросил Грегор.

Сюзанна молча посмотрела на него, потом вздохнула:

— Ах, ну да, откуда тебе знать? Он в Регалии. Даже больше — он в нескольких шагах от нас.

— Здесь? В госпитале?! Но ведь он... он не болен?! — До Грегора вдруг дошло, что она имела в виду. — Вы ведь не хотите сказать... у него же не...

— У него чума, Грегор, — ответила Сюзанна. — Но диагноз поставили

только недавно. И Андромеде летящей тоже. Поэтому мы так ждали и надеялись, что ты придешь. Что проклятие будет снято и они не... — Она не договорила, прикусив губу.

Значит, Говард тоже заразился! И Андромеда, летучая мышь верного Марета, который тоже участвовал в походе за Мортосом.

В том походе погибла Пандора, летучая мышь Говарда, которую у них на глазах обглодали до костей кровожадные клещи. Потом они накиннулись на Ареса, который буквально чудом избежал смерти. Говард обрабатывал раны Ареса, а Андромеда спала, прижавшись к нему.

Ничего удивительного, что Викус велел внимательно изучить кровь членов семьи Грегора, как только они прибыли в Регалию. Босоножка не общалась постоянно с Аресом, но то, что он, Грегор, не заразился и его кровь оказалась чистой — это просто чудо.

— Даже не верится, что я сам не подцепил ее, — пробормотал он.

— Возможно, у вас, наземных, есть иммунитет, которого нет у нас, — сказала Сюзанна.

— Возможно, — согласился с ней Грегор.

Мама всегда внимательно следила за тем, чтобы прививки им делали строго по графику. Но вряд ли прививки от земных болезней могли способствовать выработке иммунитета от чего-то, подобного болезни Ареса.

Грегор взял специальную салфетку и вытер ботинки.

— Могу я их видеть? Всех троих. Если я пообещаю, что больше... что меня не стошнит, — смущенно добавил он.

— Разумеется. Думаю, твое появление для них — как проблеск надежды, — кивнула Сюзанна.

Она повела его снова в коридор со стеклянной стеной.

Кто-то уже убрал следы рвоты, и пол в коридоре и стекло вновь были совершенно чистыми.

Грегор собрал все силы в кулак и снова посмотрел на Ареса. На этот раз он не почувствовал ничего — ничего, кроме глубочайшей печали оттого, что его летучая мышь — его друг! — находится в таком ужасном состоянии.

— Ну надо же! — наконец промолвил Грегор. — И как долго он может так пролежать?

— Мы не знаем, — ответила Сюзанна. — Но он невероятно крепок телом.

Грегор кивнул, в глубине души сомневаясь, так ли это хорошо. Вдруг это означает лишь то, что Аресу суждено мучиться перед смертью гораздо

дольше и сильнее, чем всем остальным?

По крыльям Ареса пробежала дрожь, и он открыл глаза.

Поначалу Арес не мог сфокусировать взгляд, но потом как будто увидел Грегора.

Тот постарался не выдать своих чувств и послал Аресу, как он надеялся, ободряющую улыбку. Он прижал к стеклу правую руку и увидел, что Арес в ответ приподнял свой левый коготь. Они как будто обменялись приветствиями, которыми обмениваются только породнившиеся человек и летучая мышь.

Арес вновь закрыл глаза, а на плечо Грегора легла мягкая рука Сюзанны.

— Говард и Андромеда выглядят получше — им не так плохо, как Аресу. Пойдем, — сказала она.

И Грегор направился за ней по длинному коридору. Наконец они дошли до следующей палаты со стеклянной стеной.

Говард и Андромеда сидели на полу друг напротив друга, а между ними стояла шахматная доска. У Говарда Грегор увидел лишь один бубон размером с лесной орех — на шее. А золотисто-черная шерстка Андромеды вообще выглядела совсем как всегда — здоровой и блестящей. На их лицах при виде Грегора выразилось такое искреннее ликование, что ему не оставалось ничего, кроме как улыбнуться в ответ.

Говард и Андромеда буквально кинулись к стеклу. Слышать друг друга они не могли, но Грегор был уверен, что Говард говорит:

— Грегор! Это ты! Ты здесь!

Говард слегка склонил голову, слушая Андромеду, а потом губами проартикулировал ее вопрос:

— Босоножка?

Грегор кивнул:

— Она тоже здесь.

В этот момент открылась дверь в противоположной стене палаты и вошла женщина, одетая в защитный костюм, с маской на лице. У нее был поднос с лекарствами, и она немедленно отправила Говарда и Андромеду в постели.

— Это Нивива? — спросил Грегор. — Она проверяла мою кровь.

— Да, она сама занимается всеми больными, — ответила Сюзанна.

— Ого! Это работенка не для неженки, — с уважением произнес Грегор. И видя, что Сюзанна не понимает, о чем он говорит, объяснил: — Ну, надо быть очень храбрым, чтобы делать это.

— О да, Нивива настоящий фанат своего дела, — сказала Сюзанна. —

Это она обнаружила вирус, который мы теперь называем «проклятием теплокровных».

Говард начал стягивать штаны, и Грегор решил, что ему лучше отвернуться.

Да и мама наверняка уже начала волноваться. Пора возвращаться — пока его не хватились и не начали искать.

На обратном пути по больничному коридору Грегор услышал знакомый голос, доносившийся из одной из палат:

— Наземный!

Он заглянул внутрь — и увидел сидевшего на постели Марета.

— Ха, Марет, привет! — воскликнул Грегор. — Ну как же я рад тебя видеть, Марет!

Он не стал добавлять «живым» — это и так было понятно. Последний раз, когда он видел бравого солдата, тот лежал без сознания, истекая кровью от раны, нанесенной ему огромной водяной змеей, и ему предстоял долгий и опасный путь домой.

Марет встал с кровати и пошел навстречу Грегору, опираясь на костыль. И тут Грегор обратил внимание, что одной ноги у него нет — от нее осталась только культя.

— Твоя нога! — Слова сами сорвались с губ, прежде чем Грегор сообразил, что к чему.

— Да, — кивнул Марет, дотрагиваясь до обрубка. — Я очень много работаю, чтобы стать похожим на Темпа и вырастить себе новую.

— Ну да-а-а, — слабо протянул Грегор. — Это был бы тот еще фокус.

Таракан потерял две ноги во время атаки осьминога, но Живоглот говорил, что он снова отрастил себе новые в Мертвых землях.

— Ее нельзя было сохранить — инфекция проникла слишком глубоко. Но мне вполне достаточно и одной ноги, если я буду летать на Андромеде, — сказал Марет.

И прикрыл рукой глаза — видимо, вспомнил.

— Она поправится, Марет, — произнес Грегор. — Встреча начнется с минуты на минуту. Если существует средство победить эту чуму — его непременно отыщут.

— Я в это верю всей душой, — ответил Марет, взяв себя в руки. — Тебя проверили? Твоя кровь чистая?

— Я в порядке. И Босоножка тоже. Полагаю, и ты чист — раз ты здесь, а не за стеклянной стеной, — ответил Грегор.

— Ну да, как будто. Хотя мне это не понятно, — сказал Марет. — Не понимаю, почему одни заразились, а другие — нет.

— Да, ерунда какая-то получается, — произнес Грегор.

— Все очень боялись, что ты не придешь. Но я знал, что придешь обязательно, — тихо сказал Марет.

— Ну конечно, я должен быть прийти. Тем более что это совсем ненадолго.

Марет как будто смутился.

— Ненадолго? Это Викус так сказал? — спросил он.

— Ну да! Он сказал, что вам тут нужно провести встречу на высшем уровне, а сразу после встречи мы отправимся домой, — ответил Грегор. — И тогда, типа, будет найдено средство от проклятия.

— Неужели он так сказал?! — удивился Марет. — И тебе не придется отправляться в путешествие с крысами, чтобы найти средство от чумы? И ты тоже в это веришь?

— Ну да, раз он так сказал, — растерялся Грегор.

Он вдруг засомневался. И на несколько секунд задумался.

— А ведь... слушай, Викус на самом деле ничего такого не говорил! Он вообще ничего толком не сказал! Прислал Живоглота, чтобы тот меня позвал, — задумчиво произнес Грегор. — Не мог же Живоглот соврать...

И тут вдруг к нему пришло ужасное прозрение. Ну разумеется, Живоглот-то как раз и мог!

Если он думал, что это единственный способ заманить Грегора и Босоножку в Подземье, он, ни секунды не сомневаясь, непременно бы соврал. И он так и сделал.

ГЛАВА 8

Грегор бегом вернулся в то роскошно убранное помещение, где его ожидали Викус, мама и Босоножка. Ему нужно было поговорить с Викусом с глазу на глаз — он не мог обсуждать эти запутанные вопросы в мамином присутствии.

Возможно, Марет ошибается, а Живоглот говорил правду. Возможно, речь идет именно о том, чтобы искать средство от чумы в лаборатории, а не о том, чтобы отправиться в очередной полный опасностей поход. Возможно, все это не более чем недоразумение.

— Где тебя носило, силы небесные?! — воскликнула мама, заведя Грегора. — Ты сказал, что идешь в ванную!

— Я... меня... меня стошнило, — сказал Грегор. — И понадобилось некоторое время, пока мой желудок успокоился.

— Ты заболел? — Рука мамы немедленно оказалась у него на лбу.

— Нет, мам, я прекрасно себя чувствую, все нормально, — ответил он.

— Наверное, рагу было слишком жирным и острым. А тут еще все эти полеты. У тебя всегда был слабый желудок, — заметила мама. — Его всегда укачивало в длительных поездках, — сообщила она Викусу. — И мы постоянно держали наготове пакетик.

Вот и началось то, чего так опасался Грегор. Папа никогда не стал бы рассказывать посторонним людям, что их Воин путешествует в обнимку с пакетиком. И ведь она даже не представляет, о чем говорит, — тем более что полеты на летучих мышках не вызывали у его желудка ни малейшего протеста. Но все равно это было лучше, чем рассказывать ей сейчас об Аресе.

— Мам, я же говорю: я в порядке. Что там с этой встречей в верхах?

— Что ж, позвольте пригласить вас на стадион, — ответил Викус.

Найк и Еврипид, большая серая летучая мышь Викуса, быстро доставили их на овальный стадион — место спортивных состязаний и военных тренировок. Поверхность земли здесь была сплошь покрыта мягким пружинящим мхом, а каменные скамейки уходили ввысь по всему периметру, создавая высокие стены.

Стадион располагался на окраине Регалии, и от города его отделяли высокие каменные ворота. За полем виднелось несколько туннелей, одни вели вверх, другие — еще глубже под землю, но все они уводили за пределы города.

Когда они прибыли, скамейки на стадионе были пусты. Большинство участников встречи в верхах расположились на поле. Крысы, летучие мыши и тараканы держались обособленно, не смешиваясь между собой и не общаясь.

Грегору это напомнило начало соревнований, когда команды, одетые в форму своих цветов, собираются в кучку и осматривают поле, на котором предстоит выступать.

— Ты готова завести новых друзей? — обратился он к маме, стараясь, чтобы голос его звучал как можно бодрее.

Она просто поплотнее сжала губы, пытаясь не выдать охватившего ее при виде гигантских созданий Подземья отвращения:

— Расскажи-ка мне еще раз, кто есть кто и кто на чьей стороне.

Грегор качнул головой:

— Это не так-то просто. Большинство крыс и людей ненавидят друг друга. Летучие мыши с людьми неплохо ладят. Тараканы больше всего хотели бы, чтобы все оставили их в покое. Но они любят Босоножку, и раз она здесь — они тоже здесь. А в пророчестве сказано, что искать средство от чумы должны все сообща.

Найк и Еврипид опустили их на землю возле группы летучих мышей, в которой Грегор заметил королеву Афины. Афина взгромоздилась на небольшой каменный помост.

Живоглот и еще две крысы сидели в отдалении — в нескольких ярдах от других. Все трое были заняты тем, что пытались отряхнуться от какой-то желтой пудры, которая осыпала их целиком — с головы до ног.

— Что это у них за желтая пыль на шкурах? — в недоумении поинтересовалась мама, глядя на крыс с содроганием, и Викаус ответил:

— Эта пудра убивает блох. Но мы продезинфицировали их лишь в целях предосторожности — их кровь чиста. Просто обычно у них есть блохи, а блохи — разносчики болезней, и потому мы не можем рисковать и позволить блохам проникнуть в город.

В спокойном ожидании, чуть в стороне, расположились тараканы. У переднего был сломан усик.

— Темп! — радостно взвизгнула Босоножка. — Я вижу Темпа!

Она вырвалась из рук Грегора и помчалась к тараканам.

— Босоножка! — Мама хотела ее остановить, но Грегор схватил маму за руку и взволнованно зашептал ей в самое ухо:

— Нет, мам, не надо! Это Темп! Без него ее бы уже не было в живых! Тараканы ее боготворят, не вмешивайся! А то только напортачишь.

— Прошу прощения — что я сделаю? — Брови мамы гневно взлетели

вверх, и Грегор поспешил поправиться:

— Ну, то есть — постарайся быть повежливее.

Его голос звучал виновато — дома он никогда не командовал мамой.

Мама, сузив глаза, смотрела на тараканов. Тем временем Темп опустил на задние лапы, и Босоножка оказалась прямо в его объятиях.

— Привет! Привет, Темп! Ты проснулся! — радостно вопила Босоножка.

— Темп проснуться, Темп, да, — прошелестел таракан.

Босоножка чуть отступила назад и с любопытством уставилась на Темпа, а потом начала пересчитывать его ноги:

— Раз, два, три, четыре, пять... шесть! Все на месте! Все!

— Нравятся мои новые ноги, нравятся тебе? — спросил Темп.

— Дя-а-а! Ты покатаешь Босоножку? Поедем кататься? — спросила Босоножка.

Темп опустил на живот, Босоножка привычным движением залезла на панцирь — и они принялись наворачивать круги вокруг стадиона.

— Мам, иди познакомься с тараканами. Они прикольные, — сказал Грегор.

Мама бросила на него такой взгляд, будто считала его безумцем, но позволила ему подвести ее поближе к насекомым. Тут подбежал Темп, неся на спине Босоножку.

— Смотрррри, Темп, это мама, моя мама! — крикнула Босоножка, слезая с его панциря и прыгая в объятия к маме.

Тараканы выглядели совершенно ошеломленными. Грегор услышал, как они перешептываются:

— Это она, мухобойка, она? Мухобойка быть, она, мухобойка?

Они даже будто стали меньше ростом, приникнув к земле.

— Добро пожаловать, Прародительница Принцессы и Повелительница Наводящей Ужас Мухобойки, — неожиданно складно произнес Темп.

— Как это они меня называют? — обратилась мама к Грегору.

— Гм. По-моему, звучит неплохо: Прародительница Принцессы и Повелительница Наводящей Ужас Мухобойки, — повторил он.

— И что это значит?

— Что ты мама Босоножки и... мам, давай говорить прямо — ты прихлопнула кучу тараканов своей мухобойкой, — негромко сказал Грегор.

— Да, но я в жизни не планировала прихлопывать таких огромных существ! — возразила мама, бросив на него сердитый взгляд.

— Мам, ведь это не я дал тебе это имя! — резонно заметил Грегор.

— Ладно, послушайте-ка, тараканы, — обратилась к насекомым мама.

Те замерли и еще сильнее вжались в землю, будто ожидая, что она немедленно их прихлопнет. Только Темп с трудом прошелестел:

— Да, Прародительница Принцессы и Повелительница Наводящей Ужас Мухобойки, мы слушать тебя, мы.

— Отныне называйте меня Грейс. Просто Грейс, понятно? — сказала мама твердо, а потом повернулась ко всем остальным на стадионе и громко заявила: — Это всех касается — меня зовут Грейс, прошу, обращайтесь ко мне именно так!

Она взяла Босоножку за руку и потащила ее к летучим мышам, бормоча себе под нос:

— Повелительница Наводящей Ужас... надо же... Вот кошмар!

Пока Викус представлял маму летучим мышам, Грегор подошел к Живоглоту.

— О, посмотрите-ка, кто это! Я смотрю, мамочка все-таки разрешила тебе к нам присоединиться! — произнес крыс.

— Тебе не стоило врать, Живоглот, что нам придется провести здесь всего несколько часов, — без предисловий сказал Грегор. — И не стоит рассчитывать, что мы с Босоножкой отправимся с вами в очередной поход, на этот раз в поисках средства от чумы.

— Ты ведь читал пророчество. Там сказано, что ты обязан явиться — спуститься сверху, — возразил Живоглот. — И теперь, когда ты отметился здесь, лично для меня было бы предпочтительнее, чтобы ты отправился домой. И уж поверь — мне совсем не улыбается отправляться в какое-либо путешествие с твоей болтливой сестрицей и ее шестиногими друзьями.

— Это ты выразил общее мнение? — поинтересовался Грегор. — Ну, то есть тут все думают, что я здесь только ради этой вашей встречи в верхах?

— А это ты спроси у остальных. Я не в курсе, что творится в микроскопических мозгах тараканов.

Живоглот стряхнул желтую пудру с уха и произнес, повысив голос:

— Викус, нельзя ли уже начать это обреченное на неудачу действо? Некоторым из присутствующих и без того есть чем заняться. И очень прошу — покороче!

— Но где же зубастики? — спросил Викус.

— Понятия не имею. Коготок и Пролаза должны были передать приглашение, — сказал Живоглот, кончиком хвоста указав на своих спутников.

— Ну, мы этого не сделали, — прошипела Коготок. — С какой вообще стати?!

— Вот именно, она права! — подхватил Пролаза. — Больно надо возиться с этими зубастиками, чтобы они, видите ли, оказали нам честь! Да если они все передохнут от чумы — это только повод для радости!

— Кому они нужны? — продолжила Коготок. — В пророчестве даже не упоминается про зубастиков! — И она принялась яростно чесать себе плечо. — Что за гнусный яд?! Я не пойму, он в самом деле убивает блох — или заставляет их звереть и кусаться еще сильнее?!

— Но у вас был приказ! — взревел Живоглот, переворачиваясь на спину и отчаянно елозя спиной по мху, пытаясь облегчить зуд.

— Ну, пока ты не официальный правитель — мы тебе не подчиняемся и приказов твоих не выполняем! — отрезал Пролаза.

Живоглот поднялся на лапы и повернулся мордой к крысам. Они съежились в ожидании, но он лишь произнес:

— Мы закончим этот разговор в туннелях.

— Что ж, это, конечно, не здорово, но раз зубастики присутствовать на нашем саммите не будут — значит, мы ждем лишь доктора Нививу и Соловет, — сказал Викус. — Кстати, вот и они!

Со стороны Регалии к ним приближалась летучая мышь, на спине которой сидели Соловет и доктор Нивива. Соловет объявила встречу в верхах открытой и попросила Нививу рассказать о чуме. Доктор сняла со спины летучей мыши большую книгу в кожаном переплете, положила ее на мох, а сама встала рядом с ней на колени.

Книга была большая и очень толстая. Когда Нивива открыла ее, Грегору показалось, что он слышит скрип пергамента.

— Я изучила старинные летописи в поисках упоминания о подобных случаях в прошлом, — начала Нивива. — Примерно два с половиной века назад в Подземье случилась эпидемия, которую называли «проклятием теплокровных». Еще одна произошла около восьмидесяти лет назад. В обоих случаях заразившиеся страдали от жара, затрудненного болезненного дыхания, на коже у них выступали большие фиолетовые бубоны. Чума унесла тогда тысячи жизней.

— Чудненько, — произнес Живоглот. — Ну а что там с лекарством — есть упоминания?

Нивива перевернула страницу и продемонстрировала всем рисунок, сделанный чернилами: растение с листьями в виде звезд.

— Вот, это растение и есть лекарство, противоядие. Оно называется звездolist. И произрастает у нас в одном-единственном месте.

— Я никогда не видела ничего подобного, — протянула Коготок. — Может, оно растет наверху, в Наземье?

— Нет. Согласно летописям, оно растет там же, откуда пришла чума, — сказала Нивива.

— «В колыбели найдете лекарство», — процитировал Викус строчку из пророчества.

— Это где — на острове с клещами?! — в ужасе спросил Грегор.

Он не представлял, как они смогут добыть оттуда лекарство. Клещи же не оставят от них живого места!

— Нет, Грегор. Клещиный остров — новый, а доктор Нивива только что сказала, что чума как минимум дважды уже бывала в наших краях. Клещи, видимо, перенесли чуму на остров — но это не колыбель, — ответил Викус.

— Тогда где же? — спросил Пролаза.

— Скорее всего колыбель расположена где-то в самом низу долины. Где-то... где-то у Виноградников.

Последовало мертвое молчание.

Наконец Коготок произнесла:

— К Виноградникам не подобраться. Лучше сразу задушить себя, чем идти туда.

— Но не зубастикам, — возразила королева Афина. — Вы их туда загнали без зазрения совести.

— У зубастиков в распоряжении было все Подземье, — мрачно сказал Пролаза.

— Да? А какой реально выбор у них был? Мертвые земли? Или, может, Огненные точки? — вмешалась Соловет.

— Уж кому говорить, Соловет, а тебе бы помолчать — в данных-то обстоятельствах, — заметила Коготок.

— Прошу вас! — Викус постарался прекратить перебранку. — Не забывайте — на кону наши жизни. Итак, это растение, Нивива, — оно произрастает только там?

— Были попытки пересадить его на поля Регалии, но там оно сразу погибает. У нас нет другого выхода: нужно принести образцы растения с Виноградников и сделать из него вытяжку.

— Вы хотите, чтобы мы отправились на Виноградники и помогли вам искать лекарство, но где гарантии, что мы его тоже получим? — спросила Коготок. — Мы, крысы, голодаем! По вашей вине! Чума выкашивает нас словно косой, по туннелям словно огонь прошел. А сегодня вы обсыпали нас этой желтой пудрой, которая якобы убивает блох, а на самом деле их, по-моему, только больше стало! Где гарантии, что вы нас не предадите?

— Но это вы на нас напали, — произнесла Соловет, и в голосе ее

звучал металл. — А теперь скулите, хотя это вполне справедливое наказание.

— Ах, мы скулим? — прорычала Коготок.

Они с Пролазой изготовились к атаке, и Соловет положила ладонь на рукоять меча.

Грегор не понимал, что происходит, но готов был поклясться, что ничего хорошего.

Живоглот встал между кипевшими от злости крысами и Соловет.

— Попридержи коней, Соловет, — сказал он спокойно. — Вспомни, что чувствуешь ты, когда твои собственные щенки кричат от голода и когда чума выжигает их сердца. Ведь и сейчас твой внук лежит там, в палате со стеклянной стеной.

— А что насчет моей внучки, Люксы? Где лежит она, Живоглот? Где?! — крикнула Соловет.

— Я не знаю. Но у нас лишь два варианта, Соловет: либо ты успокоишься и продолжишь беседу, либо пойдешь домой и велишь своим людям готовиться к смерти, — ответил Живоглот. — Мы сейчас как никогда нужны друг другу, Соловет.

Грегор так и не узнал, что ответила на это Соловет. Потому что в этот момент стражи начали трубить в рог, предупреждая об опасности, которая приближалась со стороны туннелей. Туда стремительно направились летучие мыши.

— А чего они трубят? — удивился Живоглот. — Никто из крыс не вторгнулся в Регалию.

— Случилось что-то ужасное, — сказала Соловет. — Иначе они не стали бы подавать такой сигнал.

— Но кто мог напасть на Регалию сейчас? — недоумевал Викас.

Ответ на этот вопрос пришел из туннеля. Это была летучая мышь с ярко-оранжевой шкуркой — Грегор никогда не видел такую прежде.

С этой летучей мышью что-то было не так: крылья ее беспорядочно били по воздуху, а траектория полета была весьма причудливой. Иногда мышь даже закручивалась вокруг своей оси.

— Это Икарус! Но что с ним?! — произнесла Найк.

Когда Икарус снизился и пролетал у них над головами, Грегор вдруг заметил у него фиолетовый бубон, сочившийся кровью и гноем. А еще он увидел покрытый белым налетом язык, свисавший изо рта, и безумный, лишенный всякого выражения, блуждающий взгляд.

— Это чума! — закричал Грегор. — Он болен чумой!

Икарус перекувырнулся в воздухе, крылья его затрепетали, и он

окончательно потерял контроль над своим телом. Общий крик ужаса и тревоги раздался, когда летучая мышь стремительно обрушилась прямо на поле, туда, где собрались делегации подземных.

ГЛАВА 9

Икарус упал с такой высоты и с такой скоростью, что слышно было хруст, с которым переломались его кости. Он умер мгновенно. Ни малейшего движения — только кровь и гной из фиолетовых бубонов.

— Не трогайте его! — предупредила Нивива. — И не подходите близко!

Это было излишне — все и так инстинктивно отпрянули от распластанного на земле тела.

Грегор, не удержавшись, отошел в сторонку и опустился на мох — ноги не держали его. Две летучие мыши стремительно взмыли в воздух и там нечаянно столкнулись.

И только мама, стоявшая в нескольких шагах от того места, куда рухнул несчастный Икарус, не шелохнулась. Она обхватила Босоножку и словно выросла в землю. Придя в себя, Грегор вскочил и подбежал к ней.

— Сжечь тело! — приказала Соловет.

— Нет! — взревел Живоглот, когда трое солдат потянулись факелами к трупу. — Нет! — Он скрежетал зубами от злости. — Убирайтесь отсюда! Все! Бегите! — кричал он.

Но его не послушали. И когда огонь охватил тело Икаруса, Грегор понял, что имел в виду Живоглот.

Пламя едва дотронулось до шерстки летучей мыши — и тут словно волна маленьких черных искорок хлынула прочь с мертвого тела.

— Блохи! — закричал Викус. — Бегите!

Грегор сграбастал Босоножку в охапку, схватил за руку маму и почти силком затащил ее на спину ближайшей летучей мыши — это оказалась Афина. Возможно, так запросто вскочить на спину королеве было нарушением этикета, но сейчас времени на политес не оставалось.

Взлетев, Грегор увидел, как крысы и тараканы прячутся в туннели, ведущие в Подземье. А люди попрыгали на летучих мышей и тоже взмыли в воздух.

— В королевскую ложу! — командовал Викус. — В город никого не пускать!

Королева Афина летела к скамьям в самом верхнем ряду, отгороженным от остальных. Грегору они напомнили места для почетных и богатых зрителей на стадионе «Янки».

Должно быть, отсюда смотрела спортивные соревнования королевская

семья.

Едва они приземлились, Нивива развела их в разные стороны.

— Соблюдайте как можно большую дистанцию меж собой, — велела она.

Грегор отошел подальше от мамы и королевы Афины, но не выпустил Босоножку: она бы тут же начала бегать по всей ложе, к тому же ложа находилась на большой высоте.

Мама хотела было подойти к Грегору с Босоножкой, но Нивива вернула ее на место:

— Нет! Между вами должно быть свободное пространство!

Доктор открыла свой чемоданчик и достала из него что-то вроде флакончика с духами — из таких опрыскивают входящих в магазин покупателей во время рекламных акций. Она прикрыла глаза, направила флакончик раструбом на себя и нажала на грушу. Облачко желтой пудры вырвалось из распылителя и осело на ее коже и одежде. Эта было то же вещество, которое с таким остервенением пытались выскрести из своих шкур крысы.

Пудра от блох.

Нивива быстро передвигалась от одного к другому, по очереди всех опрыскивая.

— Втирайте вещество в кожу, волосы. Постарайтесь захватить все доступные вам открытые участки тела, не пропускайте ничего, — инструктировала она.

Когда подошла очередь Грегора, он закрыл ладонями глаза Босоножке, а малышка подняла свои ладошки кверху. Грегор чувствовал, как пудра окутывает его кожу — у нее был острый, горьковатый запах.

Нивива направилась к маме, а Босоножка вывернулась из его рук и посмотрела на него с интересом.

— Ты золтый! — сообщила она.

— Ага. И ты тоже, — ответил Грегор, втирая пудру ей в волосики. — А какая буква первая в слове «желтый»?

— З! — сказала Босоножка. — З — золтый.

— А еще что с этой буквы начинается? — Грегор хотел отвлечь ее внимание, а сам в это время втирал ей пудру в кожу головы.

— Исё зук! И зыраф! И заба! И зако, — перечисляла Босоножка.

Она никогда в жизни не видела ни жирафа, ни этого загадочного жако — разве что на картинке в детской энциклопедии. И Грегор не видел. И вообще, наверное, мало кто знал бы про этого попугая жако, если бы на букву «ж» были другие животные...

В считанные минуты шесть летучих мышей и шесть человек были обработаны желтым порошком.

— Думаю, это должно нас на некоторое время уберечь, — с удовлетворением констатировала Нивива.

Теперь все сгруппировались в центре ложи. Внизу, на поле, обуглившееся тело летучей мыши лежало в луже воды, огонь уже был потушен.

— Мышка заболела. Мышке нужно сок, — грустно сказала Босоножка.

Когда она заболела — мама прежде всего наливала ей стакан сока.

— Она спит. Ей дадут сока, когда она проснется, — ответил Грегор.

Он всегда чувствовал себя беспомощным, когда нужно было говорить с Босоножкой о смерти.

— Яблосный сок.

Босоножка присела на корточки и пальчиком стала рисовать узоры на желтой пудре, ровным слоем устилавшей теперь каменный пол ложи.

— Нужно обработать ядом все поле, — приказала Соловет одному из гвардейцев, которые парили неподалеку на своих летучих мышах. — Хотя подождите! — Она повернулась к Нививе: — Этого достаточно, Нивива?

— Еще необходимо опрыскать туннели, что ведут в Регалию, — сказала Нивива. — Блохи не смогут проникнуть в Регалию через каменные двери, и допрыгнуть до скамей они тоже не смогут. Но некоторые из них могли оказаться в туннеле, и оттуда они попадут в Подземье. Поэтому следует вызвать всех стражей и обработать их тоже.

— Делайте, что она говорит! — приказала Соловет гвардейцам.

— А что с крысами и тараканами? — спросил обеспокоенно Викус.

— Ни одна блоха не могла проникнуть на обработанные ядом шкуры крыс. А тараканов блохи не кусают. Так что они в безопасности, — улыбнулась Нивива.

— А мы, здесь присутствующие? — осведомился Викус.

— Даже если какая-то блоха успела запрыгнуть на кого-то из нас — сейчас она стопроцентно мертва, — ответила Нивива. — Но мы обязательно всех вас разденем и скрупулезно исследуем каждый сантиметр вашего тела и одежды, когда прибудем в Регалию, — чтобы проверить, нет ли укусов.

— Но мы не... — раздался возмущенный голос мамы Грегора. — Мы вовсе не собираемся возвращаться в Регалию!

— Пожалуйста, Грейс, прошу вас... Я знаю — все это так неожиданно и пугающе, но... — начал Викус.

Но она не стала его слушать:

— Мы немедленно отправляемся домой! Немедленно! Мы прибыли на

это ваше собрание, или как его там! И нам сказали, что это единственное, что следовало сделать! Так что давайте прикажите летучей мыши отнести нас обратно!

И мама ткнула пальцем в направлении Найк.

— Кто вам такое сказал — что мы ждем только вашего участия во встрече в верхах? — поразился Викус.

— Живоглот, — сказал Грегор. — Он сказал, что мы прибудем сюда на пару часов. Что нет необходимости в том, чтобы я принял участие в экспедиции за противоядием. А еще он наслал полчище крыс на нашу квартиру — чтобы как следует нас напугать и заставить прибыть сюда.

По взглядам, которыми обменялись Викус и Соловет, Грегор понял, что они впервые об этом слышат.

— Боюсь, он ввел вас в заблуждение, — сказал Викус.

— Что вы имеете в виду? — тревожно спросила мама.

— Он имеет в виду, что Живоглот соврал, — ответила Соловет.

— Ну, может, он и правда думал, что их присутствие не столь уж необходимо... — начал Викус мягко, но Соловет повторила:

— Он соврал! Не оправдывай его. Он прекрасно знал, что поход за противоядием не может состояться без Наземного! Просто он решил, что не важно, каким способом заманить его сюда. И я сделала бы то же самое, Викус! Не знаю, как ты...

Грегор понял, что она говорит правду — да, она бы тоже это сделала. Соловет не задумывалась о том, чего хочет он и его семья. Ее ничто, кроме Регалии, не интересовало.

— Мы не можем удерживать их силой, Соловет! — возразил Викус. Грегор никогда не видел его таким сердитым. — Их заманили сюда обманом. Мы не можем удерживать их силой!

Мама схватила руку Викуса, как утопающий хватается за соломинку:

— Вы нас отправите домой, ведь так? Мы сможем уйти?

— Нет! — крикнула Соловет.

— Да! — еще громче крикнул Викус. — Найк! Приготовься доставить наземных домой!

— Охрана! — рявкнула Соловет.

Грегор никогда не видел, чтобы Викус и Соловет ссорились публично, и он растерялся.

Кто из них уполномочен принимать такие решения? И что случится, если его семья покинет Подземье, оставит его жителей со своей бедой? И что делать ему, Грегору?

— Подождите! — Грегор взял маму за руку. — Послушай, мам. Я... я

ходил к Аресу, я видел его. Он очень плох — он умирает, мам. Я не могу его оставить в таком состоянии. Давай сделаем так: вы с Босоножкой вернетесь домой, а я останусь и попытаюсь помочь! Ладно? Ты возьмешь Босоножку, и Лиззи, и бабушку — и вы все отправитесь в Вирджинию, а папа подождет моего возвращения, и мы с ним тоже туда приедем. А?

— Это было бы вполне приемлемо, — сказал Викус, заглядывая маме в глаза.

— Это еще надо обсудить с Советом! — заявила Соловет, хотя в голосе ее уже не было уверенности.

— Нет, Грегор, я не могу оставить тебя здесь, — покачала головой мама. — Мне очень жаль твоего друга, правда. Но — нет, я не могу разрешить тебе остаться.

— Мам, но я же не говорю, что нам всем троим надо остаться, — продолжал уговаривать Грегор. — Но я не думаю, что мы все трое можем отсюда улететь. Прошу тебя, забирай Босоножку и отправляйся с ней домой.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал. И сразу заметил, что что-то не так.

Мама что-то ему говорила — но он не слышал ее слов, они не проникали в его сознание. Он ощупывал пальцами кожу на тыльной стороне запястья мамы. Нет, ему не показалось. Так и есть.

— Грегор, да ты меня не слушаешь! — возмутилась мама.

Он не слушал. Он пытался осознать то, чего больше всего на свете ему сознавать не хотелось, но о чем недвусмысленно сообщали ему его глаза и руки. Как бы он хотел, чтобы это было неправдой, чтобы это ему померещилось! Но ничего не поделаешь...

Грегор медленно поднес руку мамы ближе к горящему факелу и стряхнул с нее желтую пудру. На коже в свете факела отчетливо был виден красный след от укуса.

ЧАСТЬ 2

ДЖУНГЛИ

ГЛАВА 10

Мама взглянула на свою руку и окаменела. Стоявшие поблизости тоже его увидели, и очень скоро все замерли, а звуки стихли — не было слышно ни шепота, ни трепета крыльев.

Босоножка вытянула шейку и стала расталкивать всех, чтобы посмотреть, что там такое.

— Тут надо рррозовое, — сказала сестренка, увидев на маминой руке след от укуса.

Грегор знал, что та имеет в виду, — розовый успокоительный лосьон от укусов насекомых и солнечных ожогов, которым они пользовались летом.

— Мне нужно домой, — прошептала мама.

— Мы не можем отпустить вас, — покачал головой Викус. — Не сейчас.

— Если вирус чумы вырвется наверх, в Наземье, — это будет означать уничтожение всех теплокровных на земле. Абсолютно всех, — сказала Соловет.

— Мы должны сейчас же поместить вас в изолятор, — произнесла Нивива.

Соловет дотронулась до маминого плеча.

— Нам очень, очень жаль, что так получилось! — Она вздохнула. — Найк, отнеси ее и скажи, чтобы проверили как следует еще на укусы.

Грегор все еще держал маму за руку — он просто не мог ее отпустить.

— Мам...

Она тихонько высвободила пальцы из его руки и отступила:

— Ты немедленно вернешь свою сестру домой.

Неужели он кивнул в ответ? Грегор сам не был уверен, что сделал это. А мама села на спину Найк и исчезла.

— Нужно проверить всех присутствующих на укусы, — велела Нивива.

Через мгновение все уже были на летучих мышах, но летели они не через город, а через какие-то туннели, которые привели их к белым барашкам реки, бегущей мимо Регалии.

На пристани не было ни души, никто им не помогал — желтая пудра оказалась прекрасным средством не подпускать к себе никого.

Всем пришлось хорошенько помыться, а потом они разделись догола и

команда из семи докторов внимательно исследовала каждый сантиметр их тела при ярком свете. Босоножка, которая боялась щекотки, все время хихикала. Ни у Грегора, ни у Босоножки следов от укусов не обнаружили.

«Можешь бежать куда угодно, можешь прятаться — пророчество все равно тебя найдет», — вспомнил он слова своей бабушки.

Вот оно и нашло его. А теперь скалится, насмехается над ним. И над Босоножкой. И теперь у них нет возможности выйти из игры, пока она не закончится. Ведь мама заражена вирусом чумы.

Так что давай, Воин... и ты, Принцесса... вам нужно срочно найти противоядие. Грегор готов был молиться, чтобы больше никто не заболел — никто, кроме Ареса, Говарда и Андромеды. Он уже собирался отправиться за противоядием. Но мама никогда, ни за что не позволила бы Босоножке лететь вместе с ним... на эти, как их? Виноградники.

И вот, чтобы пророчество сбылось, маме пришлось выбыть из игры. И она может стать жертвой. Да, если рассуждать с точки зрения пророчества — все получилось именно так, как и должно было быть.

Грегор вдруг почувствовал, что смертельно устал от шатаний по Подземью. Здесь от него постоянно ожидают подвигов, решения всех проблем. А его близкие постоянно попадают в какие-то неприятности, хотя они-то тут при чем?

После того как обнаружилось, что у них с Босоножкой нет укусов, им выдали новую шелковую одежду, сотканную пауками. Грегор попытался было вступить в переговоры, чтобы ему вернули любимые ботинки, но их тоже необходимо было проверить и продезинфицировать.

Они сели на скамейку в ожидании вестей об остальных, и Босоножка положила головку ему на плечо. Да и понятно — она ведь совсем не выпалась.

Викус вызвал Далея — няню, что присматривала за малышкой раньше. Далея взяла Босоножку на руки и тронула Грегора за плечо:

— Мне очень жаль... Я слышала про твою маму. Но ты не падай духом. Вы обязательно найдете лекарство, я в том не сомневаюсь.

Ее голос звучал так искренне и тепло, что Грегор чуть было не расплакался. Если бы Далея знала, как ему нужно найти это лекарство, как нужно, чтобы мама была жива! Он не мог себе представить, что будет с ним и его семьей, если вдруг не станет мамы. Ей нельзя умирать, ведь он не в состоянии вообразить себе, что мир будет существовать без нее. Он боялся и винил себя... Эта жуткая болезнь... эти фиолетовые бубоны... невозможность дышать... — а все потому, что он решил отправиться сюда, в Подземье, а она этого не хотела...

Но он сказал только:

— Спасибо, Далеей.

Когда осмотрели всех, кто присутствовал на саммите, в изолятор поместили троих: маму Грегора и двух летучих мышей, Кассиопею и Поллукс.

Грегор встретил Нививу в холле. Она писала что-то на доске. Подойдя к ней, тронул ее за руку.

— Ох! — подскочила она. Рука ее дернулась, и жирная черта перечеркнула то, что она писала, слева направо.

— Простите! — извинился Грегор.

Вот это да, какая она прыгучая! Ну еще бы — ведь она провела столько времени без сна и отдыха, изучая вирус и помогая тем, кто заразился.

— Вы можете мне сказать, где моя мама? — спросил Грегор.

— Мы ее изолировали, — ответила Нивива. — Пойдем, она сейчас спит, но ты можешь ее увидеть.

И повела Грегора по коридору.

— Она знает, что нас с Босоножкой проверили и мы в порядке?

— Да. Но она все еще очень взволнована, — сказала Нивива, потирая пальцем веко, будто у нее тик. — Я дала ей лекарство, чтобы немного успокоить.

Грегор подумал, что Нививе и самой не мешало бы принять лекарство, но промолчал.

Мама лежала в том же крыле, что Арес, Говард и Андромеда. Грегор через стекло увидел, что остатки желтой пудры с нее смыли и она переоделась в чистую белую пижаму. Она выглядела такой маленькой и беспомощной в этой больничной обстановке.

Хорошо, что мама спала — если бы им пришлось разговаривать, она непременно велела бы Грегору отправляться вместе с Босоножкой домой, и ему бы пришлось объяснять ей, почему они не могут выполнить ее приказ, и это привело бы ее в отчаяние.

Грегор всматривался в родное лицо, чтобы всегда-всегда его помнить. Как бы ни сложились обстоятельства. Ведь он не знал, вернется ли из похода. И какой найдет маму, когда вернется. Он попытался отогнать от себя эту мысль и повернулся к Нививе.

— Мне необходима ваша помощь. Прошу вас, расскажите мне все, что вам известно об этой болезни, — сказал он.

— Я иду в лабораторию, где как раз изучаю ее возбудителей. Не хочешь составить мне компанию? — спросила Нивива. — Это за

пределами Регалии, но встреча в верхах состоится не так уж скоро — нужно время, чтобы все заново организовать.

Найк унесла их из дворца и пронесла над городом, над стадионом, с которого уже убрали тело погибшей летучей мыши. Весь мох арены был теперь засыпан ровным слоем желтой пудры.

Нырнув в один из туннелей, они взяли факелы из подставок на стене. Когда впереди показалась развилка, Грегор вдруг понял, что он здесь уже бывал.

— Разве пещера Ареса не где-то рядом? — спросил Грегор.

— Наверняка. Я там никогда не бывала, — ответила Нивива. — Но, говорят, она ловко спрятана от посторонних глаз. Вот почему Андромеде и Говарду пришлось потратить несколько дней, пока они нашли Ареса и принесли его ко мне в госпиталь.

— Он не пришел, когда стал плохо себя чувствовать?

— Нет. Викус долго не имел о нем никаких известий. И тогда Говард с Андромедой полетели искать его убежище. Он уже был так слаб, что им пришлось нести его на себе, — сказала она.

Грегор представил себе Ареса, как больной, слабый и одинокий тот сидит в своей пещере... Большинство друзей умерли или пропали без вести. А Грегор, с которым он породнился, далеко, так далеко, что и не дозовешься...

— Бедный Арес!

— Да, — кивнула Нивива. — С Аресом несправедливо обошлись, наказав его за то, в чем он не виноват. И вот результат.

Ее слова удивили Грегора — в Подземье Ареса недолго любили. Ему не доверяли, а многие люди и летучие мыши открыто желали его смерти. Поэтому Грегор тут же почувствовал расположение к Нививе — за ее дружелюбие.

— Вы его хорошо знаете? — спросил он.

— Не очень. Когда ты покинул Регалию, Арес не вернулся в город, опасаясь, что его снова посадят в тюрьму. Викус велел мне обследовать его раны от укусов клещей в своей лаборатории. Но даже тогда Арес прилетал ко мне лишь поздно ночью, когда никого уже не было, кроме меня.

— Спасибо. Я очень ценю то, что вы для него делали, — сказал Грегор.

— Не за что. Ведь я уже говорила: я считаю, что он не заслужил такого к себе отношения, — возразила она.

Ее лаборатория располагалась в анфиладе соединенных между собой пещер.

На каменных полочках располагалось различное оборудование. Вокруг занимались своей работой люди в белых халатах, масках и перчатках. И даже несколько летучих мышей были тут же. Они что-то изучали с помощью микроскопов и обсуждали увиденное с людьми.

Нивива провела Грегора в комнату, которая была отделена от остальной лаборатории тяжелой каменной дверью.

— Здесь я и провожу свои исследования, — сказала она, закрывая за собой дверь.

Это был мир, населенный стеклышками для образцов, колбочками, пробирками и микроскопами.

У одной из стен он увидел контейнер, встроенный в каменный куб, — это было похоже на кулер с водой. Грегор подошел ближе, чтобы посмотреть, что там. В контейнере метались маленькие черные точки. Блохи.

Указательным пальцем Грегор дотронулся до маленького красного озерца на верхушке контейнера. Кровь!

Он отскочил подальше и тут же неловким движением свалил другой контейнер, стоявший на полке, но тут же ловко поймал его — к счастью, этот контейнер был пустым.

— Прошу прощения! Ох, извините! — бормотал он, ставя на место контейнер.

— Отличная реакция, — улыбаясь, сказала Нивива. — К счастью, у меня здесь все предусмотрено. И все, что касается чумы и представляет хоть малейшую опасность, надежно закреплено и защищено. На то, чтобы этого добиться, понадобилось немало времени — но это нужно было сделать, ведь его предшественник разбился. А этот, новый, я приготовила, чтобы испытывать в нем будущее противоядие.

Грегор закрепил факел в подставке и сунул руки в карманы — не хватало еще что-нибудь здесь расколотить. Меньше всего ему хотелось испортить эксперимент, который может спасти жизнь его мамы.

Нивива рассказала ему все, что знала о чуме. Она передается только через кровь. А это означает, что ею нельзя заразиться, если кто-то на тебя чихнет. Ты можешь заболеть, только если чья-то кровь попадет в твою. Вот почему опасны блохи — они переносят заразу от одного теплокровного к другому.

— Со многими вирусами дело обстоит так, что насекомое само от него погибает — вирус накапливается в теле и в конечном итоге убивает его. Но в данном случае это не так. Мы считаем, что для насекомых эта чума не опасна. Не погибают от него рыбы и моллюски. Вот почему мы и прозвали

его «проклятием теплокровных», а не «проклятием Подземья», — объяснила Нивива.

— Живоглот говорил, вы в Регалии умеете облегчать симптомы, — с надеждой в голосе сказал Грегор.

— Да, мы можем уменьшить боль, снизить жар, дать лекарство, которое поможет спать... но все это не спасает от чумы, не лечит, — ответила она. — Мы пытались найти хоть какое-то действенное средство, но пока безуспешно. Да и мало кто верит, что это возможно. — Слабая улыбка коснулась ее губ. — А я верю, что у нас получится. Нужно только время.

Время. Времени-то у них как раз и не было.

— Как протекает болезнь?

— О, очень по-разному. Арес, например, был первым из подземных, кто ею заразился, но он продемонстрировал удивительную сопротивляемость. Кажется, у летучих мышей инкубационный период вообще дольше, чем у людей. У Говарда и Андромеды симптомы появились лишь в последние несколько дней. Но мы не знаем, когда именно они заразились: когда клещи напали на Ареса или потом, когда несли Ареса в госпиталь. А твоя мама... она человек, и ей хватило укуса блохи с Икаруса, у которого была последняя стадия болезни...

Нивива замолчала.

— Мне нужна правда. Сколько у нее времени? — настойчиво спросил Грегор.

Нивива отвела взгляд и провела рукой по лбу.

— Если дела пойдут не лучшим образом... прости, Грегор... думаю, недели две — не больше...

ГЛАВА 11

Каменный пол был довольно холодным. Грегор лежал на животе, держа маленькое зеркальце у лампадки. Он пытался прочесть «Пророчество крови», но сейчас у него ничего не получалось.

— Вообще-то я уже выучил его наизусть, — сказал он наконец.

— Да, мы знаем, но мы с Нериссой решили, что тебе важно хорошенько изучить оригинал пророчества, — ответил Викус. — Возможно, там есть подсказки — именно в том, как оно написано.

И Грегор вновь уткнулся носом в зеркало. Первые два пророчества, в которых говорилось о нем, были написаны большими буквами посреди каменной комнаты, где Сандвич сначала грезил, а потом запечатлевал свои видения. А вот третье пророчество невозможно было хорошенько разглядеть. Оно было начертано на полу в самом дальнем и темном углу комнаты. К тому же оно было написано очень мелкими буквами и со множеством дурацких завитушек, наползающих одна на другую. Ну и, кроме всего прочего, оно было написано наоборот — зеркально.

Сколько бы Грегор ни ползал и ни извивался, как ни старался прочитать витиеватое нагромождение букв — все было напрасно, он лишь натыкался на собственное отражение в зеркале, а пророчество ему не давалось. Когда руку, которой он держал зеркало, начала сводить судорога, он сдался.

— Да что не так с этим пророчеством?! — воскликнул он. — Такое впечатление, что Сандвич не хотел, чтобы его вообще кто-нибудь прочитал!

— Нет, Грегор, он хотел, — мягко возразил Викус. — Иначе он просто не стал бы его записывать.

Старик встал на колени и принялся ощупывать пальцами буквы, вырезанные в камне.

— Но Нерисса полагает, что он намеренно сделал это пророчество таким трудным для чтения, — добавил он.

— Вот как? И зачем же он так поступил, Нерисса? — спросил Грегор, не сводя с нее взгляда.

Когда Люкса пропала в одном из крысиных туннелей, Нериссу как последнюю оставшуюся в живых представительницу рода короновали. Против этой коронации выступали многие, ведь у Нериссы бывали видения, и вообще она была слишком странной, чтобы занимать королевский трон. Многие сомневались, что она, слабая физически, сможет

выполнять свои нелегкие обязанности.

Теперь она сидела на полу, откинувшись спиной на стену. С тех пор как Нериссу короновали, она стала лучше одеваться, и волосы ее теперь всегда были убраны в высокую прическу. Но она оставалась все такой же болезненно худой и странной.

— Пророчество трудно прочесть, а это значит — его непросто разгадать, — сказала Нерисса.

— На самом деле меня смущает только одна его часть, — произнес Грегор. — В первой строфе говорится про чуму — ладно, мы с ней столкнулись. Третья строфа велит доставить сверху Грегора и Босоножку — тоже ладно, сделали. Дальше говорится о том, что теплокровные должны найти противоядие — ладно, они постараются. В седьмой строфе говорится о том, что мы либо сделаем это, либо все погибнем. Хорошо, мы это поняли. Но строчки, что повторяются рефреном во второй, четвертой, шестой и восьмой строфах как припев... Это очень странные строчки.

Поворот, и еще, и еще, и опять не туда.
Ты знаешь, что, но не знаешь, где и когда.
И злодей и герой оказались в одном лице,
А начало пути обнаружилось в самом конце.

— Поворот, еще поворот... Это что значит? — недоуменно спросил Грегор.

— Прежде чем я нагружу тебя теорией, которая вырабатывалась лучшими умами Подземья на протяжении нескольких веков... скажи, Грегор, сам-то ты что об этом думаешь? — осведомился Викас.

Грегор прокрутил в голове эти странные строчки.

— Ну, для меня это звучит так, будто Сэндвич пытается сказать... предупредить, что мы ошибаемся. И, типа, все, чего мы ждем... все будет не так.

— Да, но не только это. Еще — что пока мы будем крутиться, делать все эти «поворот, еще поворот» — мы не узнаем правды, — согласилась Нерисса.

— Тогда... ну если мы все равно ошибемся... зачем мы все это делаем?! — спросил Грегор. — Зачем собираемся к этим Виноградникам или как их там?

— Но у нас нет выбора, — сказал Викас. — И потом — путешествие предопределено. Мы должны дойти до колыбели, чтобы обнаружить там

лекарство. Оно, видимо, представляет собой что-то вроде виноградной лозы, что растет на Виноградниках. Так что нам следует поторопиться, и не исключено, что в пути мы сможем понять смысл этой строфы и исправить свои ошибки.

— Когда вы говорите «нам следует поторопиться» — вы имеете в виду себя и меня? На этот раз вы пойдете в поход вместе со мной? — с надеждой спросил Грегор.

Викус улыбнулся:

— Нет, Грегор, я сказал «нам» в более широком смысле. Я идти не могу. Но с тобой хотела отправиться Соловет.

— Ну, это уже кое-что, — кивнул Грегор.

Викус, конечно, непревзойденный толкователь пророчеств, но в бою Соловет гораздо надежнее. И если это место — Виноградники — на самом деле так опасно, как про него говорят, это здорово, что с ними будет Соловет.

— А Живоглот? Он с нами?

— Он сказал, что ни за что на свете не упустит такую возможность, — ответил Викус.

Грегор почувствовал, как его сердце подпрыгнуло. С Живоглотом и Соловет у них появляются реальные шансы.

В дверь постучал один из подземных и сообщил, что их ищут.

— Должно быть, крысы и тараканы вернулись, — сказал Викус. — Нам надо продолжить встречу в стенах дворца. Пойдем.

Уже на выходе из комнаты Грегор протянул карманное зеркальце Нериссе, но та сказала:

— Сохрани его. Может, оно тебе еще понадобится.

И он сунул зеркальце в задний карман штанов.

Едва переступив порог зала, Грегор сразу узнал место, куда привел его Викус. Да и мог ли он его забыть? Он смотрел на каменные скамьи, уходившие вверх по кругу, и на возвышение в центре этого круглого помещения. На этом возвышении они с Аресом дали друг другу клятву верности. Сейчас постамент пустовал, зато скамьи были заняты самыми разными существами. Люди занимали здесь одну из секций. Летучие мыши сидели справа от людей, тараканы слева, а крысы расселись на скамьях напротив их всех.

Викус и Нерисса направились к людям.

А Грегора охватило то же чувство, как в тот день, когда Анжелина и Ларри не пришли в школу и он обедал совсем один. Он не знал, куда сесть. Не с крысами — это точно. Но и члены Совета не особенно его привлекали

— ведь они, возможно, все еще считали его заслуживающим наказания изменником.

Летучие мыши не лучшим образом обошлись с Аресом, сделав его жизнь невыносимой.

Наконец Грегор развернулся и пошел к тараканам. Они были единственными, с кем он чувствовал себя комфортно.

Викус открыл собрание, поприветствовав присутствующих. И сразу перешел к делу:

— Так сложились обстоятельства, что поход к Виноградникам с каждой минутой становится все более насущной потребностью. И начать его следует немедленно. В нем будут участвовать Грегор и Босоножка — Воин и Принцесса. Кроме того, в него отправляется Найк — в качестве летящей и — на всякий случай — в качестве еще одной принцессы, если окажется вдруг, что мы неправильно интерпретировали роль Босоножки. Живоглот, Пролаза и Коготок представляют крыс. И так как Сандвич упомянул о тараканах, Темп любезно предложил свои услуги.

— Нам что, придется всю дорогу терпеть этого ползучего? — спросил Пролаза.

— Полагаю, мы можем просто съесть его, если он будет тормозить, — ответила Коготок.

Эта реплика вызвала смех среди летучих мышей и даже людей. Да, над тараканами всякий норовил поиздеваться. Темп ничего не ответил — только слегка задрожал.

Грегор посмотрел на крыс в упор:

— А может, давайте съедим тебя, Коготок? Я никогда в жизни не пробовал крысятины. Возможно, если приготовить правильный соус — оно и ничего, а?

В ответ на эту шутку засмеялся только один голос — и это был Живоглот.

— Что ж, по крайней мере этот поход обещает быть нескучным!

— А никакого похода не будет, — прошипела Коготок, — пока мы не убедимся, что наши интересы гарантированы!

— Совет согласен открыть вам западный проход к рыболовным угодьям, — ответил Викус. — Это должно обеспечить грызунов продовольствием.

— А желтая пудра? — спросил Пролаза. — Чтобы бороться с блохами?

Со стороны людей не последовало ни слова в ответ, Грегор только услышал, как тихонько вздохнул Викус.

— Нет пудры — нет разговора! — заявила Коготок.

Ну и дела! Поход может не состояться лишь из-за того, что люди не захотят дать крысам блошиную пудру! Что тут обсуждать?!

Грегор подумал о фиолетовых бубонах, которые лопаются, кровоточат, сочатся гноем...

Он вскочил на ноги и заорал Совету:

— Да что с вами такое?! Дайте им пудру! Вы видели Ареса? Вы вообще видели, что делает с больными чума? Какая разница, насколько вы ненавидите крыс, — неужели вы и вправду желаете им *такого*?

Наступила долгая тишина. И наконец последовал ответ.

— У тебя большое сердце, Грегор Наземный, — сказала Соловет. — Ты великодушен.

Это была неправда. Да, Грегор не хотел, чтобы крысы умирали такой ужасной, мучительной смертью. Он подумал с чувством: «Да я бы заклятому врагу такого не пожелал!» Но он вовсе не простил крысам того, что они сделали с его отцом. Не простил им Тик, Вертихвостку, Аврору и Люксу. У него был целый список того, что он никогда не сможет простить им.

— Нет, — сказал Грегор с горечью. — Вовсе я не великодушен. Но мама и Арес больны чумой. И ваша больница постепенно заполняется все новыми больными. Крысы нужны нам для того, чтобы найти лекарство. Итак, что будем делать, Соловет?

ГЛАВА 12

Выбора у них не было. Подземным пришлось дать крысам достаточно желтой пудры, чтобы бороться с блохами. Грегор не ожидал, что этот вопрос будет так горячо обсуждаться и вызовет такую неоднозначную реакцию. Ему искренне казалось, что все собравшиеся в зале — союзники, все на одной стороне. Но людям это решение далось нелегко: они яростно спорили несколько минут, потом Соловет объявила о том, что Совет принимает условия крыс, после чего несколько человек заплакали, а один в знак протеста покинул зал.

Такая ненависть к крысам была за гранью понимания Грегора: ведь всем этим людям грозила реальная опасность и даже смерть! И неужели тот, что покинул высокое собрание, предпочтет смотреть, как умирают его близкие, лишь бы не помогать крысам? Но что удивительно — похоже, так оно и было.

Следующим поводом для спора стало обсуждение самого похода. Впервые Грегор увидел карту Подземья. Четверо подземных развернули огромный свиток на постаменте, закрепив все четыре уголка мраморными пирамидками. Карту было отлично видно со всех сторон, с любого места в зале. На карте территория Подземья была поделена на сектора, и каждый был обведен черным контуром и раскрашен в свой цвет.

На севере Грегор обнаружил Регалию. Крысы владели регионом на юге, хотя часть их сектора была сверху закрашена и поверх нее шла надпись «Оккупирована». Водный путь занимал большой участок в центре. На юго-западе от Регалии Грегор увидел земли, принадлежавшие летучим мышам и тараканам, но еще на карте было много названий, которых он прежде не встречал.

Грегор все время возвращался взглядом к надписи на карте — «Оккупирована». Через надпись просвечивала линия реки. И теперь он четко мог представить себе, что раньше эти места принадлежали крысам, а теперь контроль над ними перешел к людям. Река такого размера скорее всего богата рыбой. Это, вероятно, и есть те самые рыболовные угодья, о которых говорил Живоглот, когда обвинял людей в том, что они вынуждают крыс умирать с голоду. Нет реки — нет рыбы. Но теперь люди согласились открыть проходы к реке крысам, поскольку крысы тоже принимали участие в походе.

Соловет подошла к постаменту с указкой в руке и привлекла всеобщее

внимание к большому зеленому треугольнику, который находился за крысиными землями на полдороге к Водному пути.

— Предположительно Виноградники находятся именно здесь. — Она ткнула кончиком указки в пятнышко, которое находилось так глубоко в джунглях, словно оно было уже за пределами карты. — Это очень близко к Огненной земле, но другой путь к этому месту — с запада — блокирован кусачками.

— Кто эти кусачки? — тихонько спросил у Темпа Грегор.

Тот посоветовался с другими тараканами, пощелкал жвалами, потом ответил:

— Муравьи, некоторые называют их муравьи.

— А с какой стати муравьи станут мешать нам и блокировать путь? — удивился Грегор.

— Ненавидеть теплокровных, муравьи ненавидеть, — объяснил Темп.

Грегору захотелось узнать побольше о муравьях, но в то же время он боялся пропустить что-нибудь важное из того, что происходило на встрече.

— Да в этих джунглях можно блуждать всю жизнь! — буркнул Пролаза. — Как вы собираетесь найти эти Виноградники в море виноградных лоз?

Нерисса прочистила горло и впервые подала голос:

— Я нашла для вас проводника.

— Ты... нашла? — спросил Живоглот и посмотрел на Викуса с нескрываемым удивлением.

Но старик и сам выглядел не менее удивленным.

— Когда же ты успела, Нерисса?! — воскликнул он.

— Довольно давно. И я ему абсолютно доверяю, — ответила Нерисса. — Я видела его в своем видении — вместе с Наземным.

Приехали! Опять эти видения. Вряд ли ее слова кого-нибудь обрадовали.

Если к пророчествам Сандвича все относились с большим почтением и трепетом, то видения Нериссы особого доверия не вызывали. И если люди не осмелились подвергать их сомнению в открытую, в присутствии Нериссы, то крысы не постеснялись так поступить.

— Видения? — переспросила Коготок таким тоном, будто она разговаривала с неразумным ребенком. — У меня тоже было однажды видение — но только один раз, и то после того, как я объелась нехорошими грибами. Может, вам не стоит кушать грибы, ваше величество?

— Нерисса не ест грибов. И хотя ее видения не всегда понятны, мы все же придаем им большое значение, — сказал Викус резко.

— Кто этот проводник? — спросила Соловет.

— Я не могу пока сказать. Я дала слово. Скажу только, что вы встретите его через восемь часов пути отсюда у Арки Тантала, — сказала Нерисса.

— Вот как? Ты уж не обмани мои ожидания, детка, — вмешался Живоглот. — Я прекрасно знаю это место и люблю его. Там всегда найдешь косточку-другую, чтобы погрызть. Но ты уверена, что тебе этот загадочный проводник не приснился?

— Даже если мне это приснилось, для вас это будет не самым худшим вариантом развития событий, — возразила Нерисса. — Арка Тантала — такое же подходящее место для входа в джунгли, как и остальные.

— Ну да, если не обращать внимания на кучи костей, которые попадают там на каждом шагу, — местечко высший класс! — воскликнул Живоглот.

По залу прокатился гул одобрения.

— Именно там вас будет ждать проводник, Живоглот, — повторила Нерисса. — Хотите вы или нет — вам придется с ним встретиться.

Грегор не мог не поддержать Нериссу. Должно быть, нелегко противостоять в одиночку насмешкам, особенно если на твоей стороне нет никого из людей, кроме Викуса. И потом — она ведь как-никак королева. А кроме всего прочего — она спасла ему жизнь на суде, когда дело касалось «Пророчества Погибели».

— Так, ладно. Туда я и пойду, — сказал Грегор громко. — К Арке Тантала. Слова Нериссы для меня вполне достаточно.

— Так тому и быть! — согласился с ним Живоглот, буравя его взглядом.

«Ты идиот!» — вот что говорил его взгляд.

Крысам, которым предстояло преодолеть этот путь к Арке на собственных лапах, пришлось отправиться в путь немедленно. Летучим мышам требовалось меньше времени, чтобы прибыть туда, поэтому у Грегора появилось несколько часов на подготовку к походу.

Он отправился в ту самую комнату, где они были с мамой и Босоножкой, и попросил у подземных что-нибудь, чем можно написать письмо.

Ему тут же принесли три свитка, бутылочку чернил и птичье перо. Справиться со всем этим богатством оказалось не так-то просто. Два первых свитка он испортил, а когда ему наконец удалось вывести на третьем какие-то буквы, похожие на иероглифы, на бумаге было столько клякс и разводов, что ему оставалось лишь надеяться на то, что написанное

все-таки можно прочитать.

Что касается содержания письма... Он долго вымучивал его из себя, и получилось следующее:

Дорогая мама.

Я делаю то, что, я уверен, делала бы ты, если бы я заразился чумой, — пытаюсь найти противоядие. Прошу тебя, не волнуйся, со мной все будет в порядке.

Люблю тебя.

Грегор.

Он думал было написать еще и отцу, но эта короткая записка к маме заняла у него столько времени! И потом — понадобилось бы несколько страниц, чтобы объяснить оставшимся наверху членам семьи катастрофичность положения, в котором они оказались.

Лучше уж он попросит Викуса написать и оставить письмо на том же месте — возле вентиляционной решетки.

В дверях появился Марет. Он опирался на костыль, и ему явно мешал рюкзак, который он держал в руке. Лицо покраснело от натуги, а дыхание было неровным и тяжелым — длинная прогулка по дворцу далась ему нелегко.

— Привет, Марет. Заходи, садись, — Грегор поспешно освободил ему место в кресле.

— Разве что на минутку, — отдуваясь, сказал Марет.

Он сел и отставил костыль.

— Я каждый день тренируюсь, гуляя по дворцу. Но эти ступеньки... пока они даются мне с трудом.

Грегор почувствовал острый укол жалости — он вспомнил тренировку с Маретом. Как быстро тот двигался, каким был сильным! Интересно, чем Марет будет заниматься теперь?

Если Андромеда выздоровеет — они смогут снова вместе летать.

Но... солдатом ему больше не быть.

— Что в рюкзаке? — спросил Грегор.

— О, у меня была возможность взять кое-что для тебя в музей. Конечно, ты можешь пойти туда и сам. Но я ведь был с тобой в обоих предыдущих походах — и у меня есть кое-какое представление о том, что тебе может понадобиться, — сказал Марет.

Грегор открыл рюкзак и увидел в нем несколько фонариков и целую

обойму батареек.

— Спасибо, Марет, это правильный выбор — я бы взял в точности то же самое.

— А вот тут моток липкой ленты, — продолжал Марет, показывая Грегору упаковку скотча. — Говард рассказывал, что вы использовали ее для закрепления повязок и фиксации переломов, когда я был в отключке.

— Отлично. Да уж, клейкая лента... она оказалась как нельзя более кстати, — кивнул Грегор.

Он заглянул в другой карман рюкзака — там была бутылка воды с шикарной этикеткой.

— Тут написано, что это вода с ледника, — произнес Марет, тыча в этикетку пальцем. — Что такое ледник?

— Это, знаешь... такая здоровенная грудa льда, — ответил Грегор.

— Я слышал про лед. Вода становится твердой как камень, да? И что, эта вот вода с ледника — она какая-то особенная? Лучше обычной? — полюбопытствовал Марет.

Что мог ответить Грегор? В его семье пили воду из-под крана. Мама включала воду на пару минут, чтобы слить ту, что застоялась. И уж конечно, они никогда не стали бы тратить по четыре бакса за бутылочку воды с ледника!

Грегор неуверенно провел большим пальцем по этикетке.

— Хм... ну не знаю. То есть, знаешь, я думаю — это просто вода.

Но видя, что Марет как будто немного разочарован, поспешно добавил:

— Но я уверен, она очень чистая, потому что когда воду замораживают, а потом размораживают — она становится очень чистой, без всяких примесей. Да, точно, видишь, и на этикетке написано: «экстра чистая».

— Ага, — удовлетворенно кивнул Марет. — Чистую воду не всегда легко найти, особенно там, куда вы направляетесь. И... я принес еще кое-что, хотя и не совсем уверен, что тебе это понадобится. Я даже не очень понимаю, что это. Но мне кажется, она должна доставлять удовольствие. И еще я подумал... она может напомнить тебе о доме.

Марет вынул из кармана пачку жвачки. Обертка у нее была ядовито-розовой, и на ней пучеглазые дети радостно выдували огромные пузыри.

Грегор рассмеялся.

— Ух ты, жвачка! Моя сестра Лиззи любит такую. Ты прав — мне это напомнило о доме. Спасибо, Марет!

В комнату вошел подземный с подносом еды и принялся накрывать на

стол.

Марет поднялся, чтобы уходить.

— Не уходи, — попросил Грегор. — Здесь столько еды — поешь со мной!

Марет колебался. Грегор был уверен, что тот боится нарушить какие-то правила — видимо, солдатам Регалии не положено находиться в таких роскошных покоех.

— Да ладно, Марет. Ты же наверняка голодный. Все знают, как плохо кормят в больницах, — уговаривал Грегор.

Правда, если уж начистоту, когда он навещал своего друга Ларри в больнице, куда тот угодил с приступом астмы, еда, которую ему приносили, выглядела довольно аппетитно. Но ведь все пациенты непременно жалуются на больничную кормежку! Видно, когда лежишь в больнице, особенно если по-настоящему плохо себя чувствуешь, начинаешь испытывать отвращение к еде.

— Да, еда там полная дрянь, — улыбнулся Марет, соглашаясь. — Хотя после того как некоторое время питаешься только сырой рыбой, привередничать не приходится.

— Останься. Я так не хочу есть один, — настаивал Грегор.

Марет снова опустился в кресло и отставил свой костыль:

— Еда как на праздник.

В самом деле, угощение было изысканным и не уступало тому, что подавали на торжественном обеде по случаю коронации Нериссы. Здесь был савойский пирог с сыром и яйцами, фаршированные грибы, стейк, маленькие свежие овощи и блюдо, которое Грегору уже приходилось пробовать, — креветки в сливочном соусе.

Грегор ткнул пальцем в сторону креветок:

— Это любимое блюда Живоглота! В прошлый раз он сунул морду в миску и вылизал ее изнутри.

— О, я его понимаю, — сказал Марет, беря маленькую креветку.

— Эй, ты вполне можешь позволить себе съесть больше, — запротестовал Грегор и вывалил чуть не все содержимое миски Марету в тарелку.

Себе он взял кусок сырного пирога. Желудок его все еще был беспокоен после приступов рвоты, но Грегор понимал, что надо поесть, — ведь ему нужны силы для того, чтобы отправиться в дорогу. К тому же вкус у пирога оказался потрясающий.

— Слушай, Марет, а с чего это вы морите голодом крыс? — спросил он.

Марет ответил не сразу:

— Это решение Соловет. Она хочет показать им, что, напав на нас, они будут жестоко наказаны.

— Но ведь это означает, что детеныши крыс недоедают и умирают от голода, — сказал Грегор. — Не только взрослые крысы. Тебя это не смущает?

— Меня? Меня это очень смущает! — воскликнул Марет, а потом покачал головой и вздохнул: — Трудно разобраться в том, что у нас тут происходит, Грегор. Мы рождаемся и взрослеем в мире, где действует один закон: убей — или тебя убьют. Иногда я пытаюсь представить себе, каким был бы наш мир без этих бесконечных войн и борьбы за выживание. Кем бы мы были тогда? Что бы делали?

— А что бы ты хотел делать? — спросил Грегор.

— Не знаю... просто жить... Но это, знаешь... это сказка, — вздохнул Марет. — У вас в Наземье сказки есть?

— Сказки — есть, — кивнул Грегор.

— Ну вот, значит, ты понимаешь.

Когда они поели и пришел слуга, чтобы убрать со стола, Грегор спросил его, показывая на недоеденные остатки креветок в сливочном соусе:

— Можно я возьму это с собой?

— С собой? Куда с собой? — растерялся подземный.

— В поход. Вы можете положить это в пакет или в контейнер? — настаивал Грегор.

Подземный стоял, держа в руках тарелки, и с сомнением смотрел на сливочный соус:

— Положить в пакет?

Видимо, пакеты здесь были не в ходу.

— Ты можешь положить еду в бурдюк — тогда соус не прольется, Люцент, — подсказал Марет. — И он легкий.

— О, точно, — с облегчением произнес Люцент. — Бурдюк для вина.

Грегор проводил Марета обратно в больничное крыло и попросил его проследить, чтобы мама получила письмо. Там Грегору как раз сказали, что его уже ожидают на пристани.

Оказалось, ждут только его.

Викус, Соловет и два высоких гвардейца оседлали летучих мышей.

— Я думал, вы не с нами, — сказал Грегор Викусу.

— В целях безопасности мы с гвардейцами будем сопровождать вас до Арки Тантала. А дальше направятся уже только участники экспедиции, —

ответил Викус.

Найк, у которой пока не было седока, прихорашивалась, приглаживая свою полосатую черно-белую шерстку. Рядом с ней стояла Далея, держа на руках спящую Босоножку, а у ног своей Принцессы смиренно сидел Темп.

Грегор чуть не спросил: «Где Арес?» — но вовремя спохватился.

Он подошел к Найк.

— Итак, я полагаю, мы полетим в этот поход с тобой? — спросил он.

— Если не возражаешь, — кивнула она. — Я, конечно, не такая сильная и большая, как Арес, зато ловкая и проворная.

— Ты само совершенство, — сказал Грегор.

И она не стала возражать. Заменить Ареса было невозможно, но Найк была в самом деле очень хороша и грациозна.

Грегор внезапно ощутил, насколько он устал: он не спал с субботней ночи, а сейчас, должно быть, был уже вечер воскресенья.

— Найк, ты не будешь против, если я немножко посплю? — спросил он.

— Спи, конечно, — ответила мышь.

Грегор перекинул рюкзак назад и вытянулся на спине Найк животом вниз. Бурдюк для вина, где были креветки, оказался довольно удобной подушкой. Далея положила Босоножку рядом с ним, а Темп свернулся калачиком у них в ногах.

— Если Босоножка проснется, а мы еще будем лететь, — разбуди меня, ладно, Темп? — попросил Грегор.

— Разбудить тебя, я буду, если проснуться она, разбудить тебя, — сказал Темп, и Грегор решил, что это означает «да».

— Высокого тебе полета, Грегор Наземный, — сказала Далея.

— Высокого тебе полета, Далея, — ответил он.

И как только Найк взмыла в воздух, обнял Босоножку и провалился в сон.

А когда проснулся — обнаружил, что лежит на камне. Бурдюк все так же был у него под головой. Кто-то укрыл его одеялом, хотя в этом не было нужды — воздух был теплым. Руки его были пусты, но он слышал, как где-то неподалеку Босоножка болтает с Темпом.

И почувствовал запах готовящейся пищи.

Оглянувшись, Грегор увидел костер, на котором жарились несколько больших рыбин.

Летучие мыши спали, сбившись в кучку.

Люди и крысы разделились на группы и разговаривали.

Босоножка каталась верхом на Темпе, играя в простую игру: она

кидала мячик — а он бежал за ним со всех ног.

Они находились на большой поляне, со всех сторон окруженной джунглями.

Грегор достал из рюкзака фонарик и посветил. Это были не деревья — это была виноградная лоза. Тонкие, гибкие, как лианы, побеги сплетались друг с другом и образовывали причудливые силуэты над головой. Из глубины этих сплетений доносилось какое-то жужжание или гул — словно бы механическое. Там что-то щелкало, визжало и стучало. Там была своя, интенсивная жизнь.

Грегор сел и сразу наткнулся взглядом на кучу белых костей, сваленных неподалеку от места, где он лежал. Сначала он подумал, что это неудачная шутка Живоглота, но, посветив фонариком по сторонам, убедился, что такие же кучки костей белеют всюду. Значит, они добрались до Арки Тантала.

Теперь Грегор увидел и саму арку, которую образовывали огромные валуны. Сооружение выглядело крайне неустойчивым — казалось, оно рухнет от легчайшего прикосновения или неосторожного движения.

Похоже, сюда никто никогда просто так не ходил.

Грегор надеялся, что Нерисса знала, о чем говорила.

— Это все какая-то чушь, — ворчливо говорила Коготок. — Мы просто сидим здесь и ждем, пока нас сожрут. И ради чего? Все это — шутка чокнутой девицы...

— Она не чокнутая, — прервал ее Викус.

— Вы можете носиться с ней и принимать всерьез все, что она говорит. Но все же... не пора ли посмотреть правде в глаза? Помнишь, как она говорила, что я переплыву Источник на плоту с армией лобстеров? — спросил Живоглот.

— Так ведь ты и пытался, и переплыл Источник с армией лобстеров, — возразил Викус.

— Да, но ведь это случилось за несколько лет до рождения Нериссы. Правда в том, что она говорит наобум, а со временем она обходится крайне легкомысленно. Кто поручится, что этот проводник, кто бы он ни был на самом деле, не был здесь три дня назад? Или три года назад — разница-то небольшая! — сказал Живоглот.

— Они правы, Викус, — вмешалась Соловет. — Мы только теряем время и можем накликать неприятности, оставаясь здесь. И теперь — давай честно: ты правда думаешь, что Нерисса нашла проводника? Она же... не в себе.

Грегор не мог понять, что происходит между Соловет и Викусом —

они не смотрели друг другу в глаза.

— Еще несколько минут, — ответил Викус. — И потом мы двинемся дальше.

— Я кидаю в небо! — крикнула Босоножка.

Грегор повернулся и увидел, как она кидает мячик высоко вверх.

«Ну вот, больше мы его не увидим», — подумал Грегор. Он проследил фонариком путь мячика, который полетел в сторону джунглей.

И он не ошибся. Мячик исчез. Но не в зарослях виноградной лозы, как он ожидал. Мяч Босоножки угодил прямо в пасть невероятных размеров рептилии.

ГЛАВА 13

Грегор видел только голову этого динозавра, покрытую сине-зеленой чешуей. Голова эта возвышалась над ним на высоте примерно пяти метров. Существо глотнуло — и Грегор увидел, как по его горлу прокатилась волна.

— Мячик! Мой мячик! — закричала Босоножка.

Темп рванулся было за мячиком, но вид чудовищной ящерицы остановил его.

Босоножку не так легко было сбить с толку. Она соскользнула со спины таракана и побежала вперед, тыча пальчиком в сторону ящера:

— Ты! Ты съел мой мячик!

— Нет, Босоножка! — закричал Грегор, вскакивая на ноги и спотыкаясь о кучу костей — ногой он угодил в чью-то грудную клетку. — Нет!

— Ты съел мой мячик! — повторила свое обвинение Босоножка.

Она схватила ручкой одну из лиан на границе опушки и затрясла ее в негодовании. Ящер повернул голову в ее сторону.

Темп выпустил крылья и полетел прямо в морду чудовищу, защищая свою принцессу. Но тараканы летают редко, и Темп почти сразу запутался в лианах, зацепившись за них лапками.

Грегор отчаянно пытался освободиться от приставших к его ногам чьих-то костей.

— Босоножка, вернись!

Он видел, что другие члены экспедиции тоже бросились на помощь малышке, но разве они успеют?

— Ты! Отдай Темпу мой мячик! — приказала Босоножка ящерице. — Ты-ы-ы-ы! Отда-а-ай!

Ящер посмотрел на Босоножку и пошире раскрыл пасть. Из его рта вырвалось ужасающее шипение, а вокруг шеи раздулся гребень всех цветов радуги, отчего он стал казаться как минимум раз в пять больше.

— Ой! — только и смогла произнести пораженная Босоножка.

Она ручками взялась за голову и растопырила пальчики — будто у нее тоже был гребень.

— Ой!

Несколько мгновений огромный ящер и маленькая девочка стояли друг против друга, словно карикатурное отражение в кривом зеркале: рты у обоих были открыты, «гребни» подняты, глаза широко распахнуты. А

потом неожиданно раздался чей-то смех.

Звук шел со стороны ящера, даже как будто из его рта. Но смех был явно человеческий, поэтому Грегор решил, что все-таки у смеха должен быть другой источник.

Сине-зеленый хвост ящера высунулся из джунглей, кончик его опустился рядом с Босоножкой. Зашелестели лианы, и кто-то спустился по хвосту.

Бледный подземный с фиолетовыми глазами легко приземлился возле Босоножки.

Он все еще смеялся, вставая перед ней на одно колено.

— Ты что, тоже из ящеров? — спросил он.

— Нет, я Босоножка, — ответила она, опуская ручки. — А ты кто?

— Я — Хэмнет. А это моя подруга Гребешок, — представился подземный, указывая на ящера, гребень которого уже почти опустился.

Босоножка несколько мгновений изучала Гребешок.

— Это ик-ик-икуана, — сказала она наконец.

Она явно хотела сказать «игуана». Это было еще одно странное животное из азбуки — у создателей ее были трудности с поисками животного на букву «И». Зато все знают, кто это.

— Да, думаю, так оно и есть, — согласился Хэмнет. — Кто бы эта ик-ик-икуана ни была.

— Она съела мой мячик! — произнесла Босоножка обвиняющим тоном.

— Ну, она не хотела. Давай-ка подумаем — может, можно его вернуть? Гребешок, ты не могла бы отдать нам мячик? — обратился Хэмнет к ящерице.

Шея Гребешок дернулась — и мячик оказался у нее во рту, после чего она бережно положила его на ладонь Хэмнета. Тот стал вытирать его о свою рубашку, и Грегор заметил, что рубашка сшита из другой ткани, не такой, какую носили в Регалии. Одежда Хэмнета выглядела так, будто была сшита из кожи рептилий.

— Ну вот, он в полном порядке, если не считать, что его немножко обслюнявили, — сказал Хэмнет и протянул мячик Босоножке.

У вас такое бывает? Когда вы вдруг понимаете, что все это уже когда-то происходило и вы это видели? Кажется, это называется дежа-вю. У Грегора случилось такое дежа-вю.

Он как будто вернулся в тот момент, когда Люкса, стоя на одном колене, протягивала мячик Босоножке с полуулыбкой на лице... Тогда они встретились в самый первый раз.

Сходство Хэмнета и Люксы было столь поразительным, что Грегор чуть было не выкрикнул ее имя. Кто же этот человек? Они наверняка родственники.

И что он делает здесь, в джунглях? Неужели этот незнакомец с огромной ящерицей и есть их проводник?

Грегор обернулся к остальным в надежде получить объяснения — и увидел довольно странную картину. Люди стояли неподвижно, как каменные — будто увидели призрака. Викас бережно обнимал за плечи Соловет — в этот момент они впервые за все это время были похожи на семейную пару. И только Босоножка радостно потянулась за мячиком.

Грегор вспомнил, как Люкса отодвигала ладонь с мячом от его сестренки, приговаривая: «Ты должна быть либо сильнее, либо хитрее меня...»

Пальцы Хэмнета с готовностью разжались, когда Босоножка дотронулась до мяча.

— М — мячик, — сообщила она с улыбкой.

— Да. А еще М — милая. Как ты, — сказал Хэмнет и дружески погладил ее по голове.

Она хихикнула и глянула на Темпа, который все еще болтался в лианах, безуспешно пытаясь высвободиться.

— Темп! Спускайся! Мячик вернулся! — крикнула Босоножка.

— Оххххх... — застонал Темп.

Хэмнет легко распутал лианы и помог таракану спуститься на землю.

— Кто же этот отчаянный смельчак-ползучий, который осмеливается летать прямо перед мордой ящера? — спросил он с уважением.

— Я есть Темп, я есть, — ответил Темп, складывая крылья и убирая их под панцирь.

Босоножка тут же оседлала его и подбросила мячик, и они снова начали носиться по поляне, словно ничего и не произошло — не обращая никакого внимания на громадную голубоватую ящерицу, которая тоже замерла, как и остальные.

Наконец Хэмнет обернулся к остальным. На губах его все еще играла легкая улыбка.

Последовало долгое молчание.

— Вы только посмотрите! Это же Хэмнет! Он не умер! — наконец нарушил молчание Живоглот.

Он поднял с земли что-то, до неприличия напоминающее человеческий череп, и стал грызть его.

— Кости очень приятны на ощупь, ты не находишь, Живоглот? —

спросил Хэмнет.

— О да, согласен. Как поживаешь?

— Замечательно, просто замечательно — особенно учитывая обстоятельства, — сказал Хэмнет. Глянув через плечо на ящера, он добавил: — Все в порядке, здесь безопасно. Можешь выходить.

Зашуршала листва — и по хвосту Гребешок спустился маленький мальчик. Не так ловко, как Хэмнет, но все-таки он приземлился удачно, хотя и пробежал несколько лишних шагов вперед. Что-то с этим мальчиком было не так, неправильно. Точнее, не то чтобы не так...

Он просто был другим, непохожим на остальных. И Грегор вдруг понял, чем тот отличался.

Кожа у него была такая же бледная и почти прозрачная, как у остальных подземных, а вот густые кудрявые волосы были... черными. А глаза у него были зеленые — как лимонный леденец.

Кто же это такой? Он не был похож на подземных, но и на выходца из Наземья тоже.

Мальчик взял Хэмнета за руку и обвел присутствующим своими удивительными зелеными глазами.

— Это мой сын Газард, — сказал Хэмнет.

— Не только живой-здоровый, но еще и с сынком-полуземным! — хмыкнул Живоглот. — Умеешь ты произвести впечатление.

Полуземный. Что же это означает? Что половина крови у него от подземного, а вторая половина — от наземного?

Тогда понятно, почему он выглядит так необычно.

Викус выпустил из объятий Соловет и сделал несколько шагов в сторону Газарда. Он вдруг упал перед ним на колени и взял в свои руки его маленькую ладошку:

— Приветствую тебя, Газард! Я твой дедушка, меня зовут Викус.

— Мой дедушка живет в Нью-Йорке, — возразил мальчик. — Моя мама хотела меня туда свозить и познакомить с ним. Но она умерла.

Он говорил с акцентом: что-то среднее между тем, как говорил Грегор, и тем, как говорили подземные.

— У тебя два дедушки, мальчик. Я — отец твоего отца, — произнес Викус.

Газард вопросительно посмотрел на Хэмнета. Тот едва заметно кивнул.

— А я и не знал, что их у меня два! — сказал Газард. — И где же ты живешь?

— Я живу в Регалии, — ответил Викус.

— Я не знаю, где это. А мы поедem к тебе в гости?

— Мы всегда... будем... тебе рады.

Викусу пришлось выпустить руку мальчика, потому что на глаза ему навернулись слезы. Он отошел к Соловет и стоял, отвернувшись от Хэмнета и Газарда, закрыв лицо руками.

Грегору уже доводилось видеть его плачущим. Но сейчас он никак не мог понять, что происходит. Если Хэмнет сын Викуса — то почему Грегор никогда о нем не слышал? Как получилось, что тот встретил женщину из Наземья и у них родился сын? Что он делает здесь, в самом центре гибельного места, где людям нельзя долго находиться? И откуда его знает Нерисса? Но главное — как она могла знать, что он появится здесь, когда все думали, что он...

А что он? Мертв? Неужели его считали умершим?

Грегор предположил, что, возможно, Хэмнета когда-то изгнали из Регалии — тогда понятно, почему никто никогда о нем не говорил. Но людей выгоняют лишь за тяжкие преступления. Хотя... с тех пор как Совет чуть было не принял решение об изгнании Ареса, а самого Грегора хотели казнить, — он уже не был так уверен в беспристрастности и справедливости местного суда.

— Зачем ты пришел, Хэмнет? — раздался хриплый от волнения голос Соловет. — По-моему, ты достаточно причинил нам боли десять лет назад. Убежать, не подумав о нас, близких... заставить нас поверить в свою смерть... Зачем ты пришел?

Убежать?! Такая мысль Грегору не пришла в голову. И разве из Регалии можно убежать? Ведь это означает верную смерть — без поддержки и защиты города...

Однако вот он — тот, который убежал. И выжил. И выглядел вполне довольным. Тогда почему он убежал?

Грегору было очень любопытно это узнать, но он рассудил, что сейчас неподходящий момент для вопросов. Ему и так было неловко быть свидетелем этой семейной сцены.

— Я здесь потому, что обещал быть здесь, — сказал Хэмнет. — Десять лет назад, когда покидал Регалию, маленькая девочка вцепилась в меня и заставила пообещать, что я буду здесь сейчас. Она сказала мне тогда, что со мной будут ящер и ребенок-полуземный. Я решил, что она чокнутая, — и согласился, чтобы она оставила меня в покое. А десять лет спустя, все еще живой, я вдруг обнаружил себя в обществе ящера и ребенка-полуземного и подумал, что, пожалуй, ей и правда было видение. Где Нерисса? Она жива? — спросил Хэмнет.

— Не только жива, она на троне, Хэмнет, — ответил Живоглот.

— На троне?! — удивился Хэмнет. — А как же...

— Твоя сестра Юдит и ее муж погибли — их убили крысы. Твоя племянница Люкса несколько месяцев назад пропала в Лабиринте. Скорее всего ее нет в живых, — сказала Соловет. — Но у тебя больше нет права скорбеть о них, Хэмнет. Твоя сестра-близнец Юдит... ее муж... твоя племянница — ты отрекся от всех них, когда нас оставил.

Вот это да! Теперь Грегору вообще захотелось провалиться сквозь землю (если такое возможно под землей) — все-таки у таких сцен не должно быть свидетелей.

— Не надо указывать мне, мама, — ответил Хэмнет. — Не надо указывать мне, что я должен делать, как я должен думать и даже — как мне скорбеть.

— Значит, ты наш проводник? — вмешалась Коготок, нервно дергая хвостом.

— Понятия не имею. А я проводник? — спросил Хэмнет.

— Это слова вашей чокнутой королевы, — хмыкнул Пролаза. — Она сказала, что ты появишься и поведешь нас в Виноградники.

— Она так сказала? А вас-то зачем туда несет?! — удивился Хэмнет.

— «Пророчество крови», никуда не денешься, — ответил Живоглот. — Предположительно Виноградники — это колыбель.

Его зубы тем временем безостановочно разгрызали очередную кость.

— «Пророчество крови»... Да, я отсутствовал слишком долго. Но... но где же Воин?

— А вот перед тобой. Увяз в костях, — сообщил Живоглот.

Грегор, который все еще пытался вытащить ноги из чьей-то грудной клетки, застыл под взглядом Хэмнета. Живоглот не мог выбрать более удачный момент для представления — Грегор чувствовал себя полным дураком.

— Это и есть Воин? Ты уверен? — усомнился Хэмнет.

— Ну да, к гадалке не ходи! Доказано уже двумя пророчествами. И не волнуйся — на самом деле он гораздо толковее, чем кажется на первый взгляд. Хотя и нагловат... Он даже возомнил о себе, будто он яростник.

— Воин, да еще и яростник. Мечта моей матери сбылась, — глядя на Грегора с явной неприязнью, произнес Хэмнет.

Грегор злобно дернул ногой и наконец получил свободу. Он ненавидел сейчас Живоглота за то, что тот во всеуслышание назвал его яростником. Как сказала тогда Вертихвостка? «Яростник — прирожденный убийца»... Кому же хочется быть убийцей? Грегору точно не хотелось. Да он вообще

не желал об этом говорить!

— Ну, в джунглях яростник найдет только лишние приключения на свою пятую точку, — сказал Хэмнет. — Надеюсь, ты сможешь держать свою ярость под контролем. — Его слова звучали недружелюбно и даже саркастически.

— А я надеюсь, что ты знаешь, куда нас вести, потому что у меня очень мало времени, — отозвался Грегор.

Этого делать не стоило.

— Не помню, чтобы я давал согласие куда-то тебя провожать, — заметил Хэмнет.

— А я не помню, чтобы о чем-то просил тебя! — запальчиво ответил Грегор.

Он понимал, что обмен колкостями никому сейчас не нужен, но почему-то не мог остановиться.

— Вот и замечательно. Значит, мы друг другу ничего не должны, — кивнул Хэмнет. — Пойдем, Газард.

И он потянул мальчика обратно к ящерице.

Пролаза издал разъяренный рык и повернулся к Соловет:

— Вы, дешевки! Ничтожные твари! Все вы! Вы затащили нас сюда, в этот гадюшник, и для чего?! Твой собственный сын отказывается помогать тебе искать это чертово противоядие!

— Мы не нуждаемся в его помощи, — сказала Соловет.

— Да тебе ничья помощь не нужна! Для тебя будет правильно и хорошо, если мы все останемся здесь и сгнием в джунглях, — произнесла Коготок.

— Так идите отсюда! Идите, возвращайтесь в свои пещеры! Мы найдем противоядие и без вас, — резко сказала Соловет. — Только потом не скулите под нашими дверьми, что ваши щенки умирают!

— Вот как вы выполняете свои обещания! Тогда вот вам наше — вам тоже несдобровать! — прошипел Пролаза и приготовился к атаке.

Гвардеец, стоявший возле Соловет, схватился за меч, второй гвардеец вскочил на летучую мышь и взмыл в воздух. Коготок заняла позицию рядом с Пролазой.

Грегор понимал, что столкновение неминуемо, а значит, кто-нибудь непременно погибнет.

Но неожиданно один из гвардейцев опрокинулся на спину, а его меч оказался в руке у Хэмнета. Пролаза было дернулся, но Хэмнет метнул меч, который воткнулся в трещину в камне, в сантиметре от крысы. Усы с одной стороны его морды оказались словно сбриты. А когда отклонялся от меча,

он навалился на Коготок, та потеряла равновесие и упала. Крысы сцепились в клубок. Когда же гвардеец верхом на летучей мыши спикировал вниз, Хэмнет подпрыгнул, схватил его за руку, в которой был меч, и сдернул на землю. Секунда — и гвардеец лежал животом вниз в беспомощной позе, а его разломанный надвое меч валялся возле каменного валуна. Никто даже пикнуть не успел.

Крысы и гвардейцы очумело крутили головами, пытаясь понять, что произошло. Грегор вообще стоял, открыв рот. Он даже не уловил, каким образом Хэмнету удалось остановить начинающуюся схватку и сделать так, чтобы в ней никто не пострадал, не считая разве что усов Пролазы.

Грегор глянул на Живоглота, который продолжал как ни в чем не бывало грызть косточку, не обращая внимания на разыгравшуюся сцену.

— Я знал, что он обо всем позаботится, — сказал Живоглот, пожимая плечами.

Хэмнет извлек меч из трещины в камне и осмотрел его:

— Ничто не меняется, а?

— Но ты... — сказала Соловет. — Ты изменился. Иначе почему эти крысы до сих пор живы?

Хэмнет перевернул меч лезвием к себе, а рукоятку направил в сторону Соловет.

— А почему ты до сих пор жива? — спросил он.

— Потому что я никогда не избегаю боя, — ответила она резко, забирая у него меч.

— Хватит, — прервал их Викус. — Перестань! — Он вытер лицо платком и повернулся к сыну: — Хэмнет, у нас лютует чума. Наш госпиталь уже принял первых заболевших, а среди крыс началась страшная эпидемия. Мы должны добраться до Виноградников. Ты не мог бы все-таки помочь нам сделать это?

Хэмнет отрицательно покачал головой. Но в это время Газард потянул его за руку:

— Ты же знаешь, где это. Виноградники — ты же знаешь.

— Газард, ты не понимаешь... — начал Хэмнет, но Газард продолжил:

— Мы должны помочь им. Я могу поговорить с летучими мышами. И с тараканами. — Он посмотрел Хэмнету в глаза. — Он и правда твой отец? Как ты — мой?

Этот вопрос заставил Хэмнета вздрогнуть. Он стоял, держа Газарда за руку, лицо его пылало.

— Да? Это твой папа? — настаивал мальчик.

— Да-да, это мой папа, — ответил наконец Хэмнет. — Хорошо! Кого я

должен отвести туда? Не всю же эту толпу?

— Нет-нет, лишь некоторых. Трех крыс, двух наземных, ползучего, пару летучих мышей и... твою мать, — ответил Живоглот.

— Нет. И речи быть не может ни о моей матери, ни о ее летучей мыши! — резко сказал Хэмнет.

— Послушай, она будет нам полезной, если мы попадем в неприятности, — возразил Живоглот.

— Нет! Если вы хотите, чтобы я помогал вам, — отрезал Хэмнет. И обратился непосредственно к Соловет: — Ты слышала? Если вы хотите, чтобы я помогал вам, ты туда не пойдешь.

— Так эта леди твоя мама? — широко распахнув глаза, спросил Газард.

— Убирайся! Или ты уберешься отсюда — или идите в джунгли сами! — крикнул Хэмнет, дергая мальчика за руку так сильно, словно собирался ему ее оторвать, а потом бросил ему в сердцах: — Замолчи! И больше не задавай мне вопросов!

Гвардейцы вопросительно глянули на Соловет, и та кивнула. Они вскочили на своих летучих мышей, все трое. Викус хотел сделать то же самое, но в последний момент передумал и вдруг подошел к Хэмнету и заключил его в объятия. Хэмнет стоял, опустив руки, — он не обнял Викуса в ответ, но и не попытался оттолкнуть его.

— Ты можешь прийти в любой момент. Помни об этом. Есть масса дел, которыми ты можешь заниматься — тебе не обязательно сражаться! — сказал Викус.

— Викус, я не могу... — пробормотал Хэмнет.

— Нет, можешь! Просто подумай об этом. Подумай о ребенке. О том, что будет с ним, если с тобой что-то случится. — Викус слегка отступил назад и потряс Хэмнета за плечи. — Что ты такое делаешь здесь, чего не можешь делать там, Хэмнет?

— Я не причиняю боли, — ответил Хэмнет. — Я больше никому не причиняю боли.

Викус медленно опустил руки и кивнул. Повернувшись, он оседлал свою летучую мышь.

— Высокого полета! — сказал он, обращаясь непонятно к кому.

Соловет подала сигнал взлетать, и вся группа быстро поднялась в воздух.

— Пока! Пока-пока! — закричала Босоножка и замахала ручками.

— Как я рад, что это закончилось! — произнес Живоглот. — Все эти сцены... они так портят аппетит!

— Понимаю, — согласился Хэмнет. — Итак, а Сюзанна... она тоже мертва?

— Нет, она в порядке. Полный дворец детей. Наземный с одним из них знаком, — ответил Живоглот. — Как его зовут?

— Его зовут Говард, — сказал Грегор.

Он был слегка обескуражен и чувствовал себя не в своей тарелке от того, что здесь только что произошло.

— Я помню Говарда. Он был примерно в том же возрасте, что Газард сейчас, когда я бежал, — произнес Хэмнет. — Ну и как он тебе, яростник?

Последнее слово прозвучало презрительно. Восхищение тут же покинуло Грегора.

— Говард в изоляторе, — сказал он сухо. — Но я надеюсь, что смогу сказать ему «привет!», когда вернусь. Если он, конечно, доживет.

Живоглот провел хвостом по голове и спине Грегора. Это движение было слишком слабым для того, чтобы опрокинуть его, но вполне достаточным для того, чтобы Грегор почувствовал боль.

— Аккуратнее, парень, полегче на поворотах! — сказал Живоглот.

Грегор дернул головой и метнул на него сердитый взгляд, но возражать не стал. По правде говоря, еще не разобрался, что за фрукт этот Хэмнет. К тому же Хэмнет явно здорово сердит на Соловет. А она наверняка сходилась с ума, когда он бежал из Регалии. Но может, у него были на то веские причины? Может, Грегору стоит разузнать, что тогда произошло?

Хотя ему, конечно, лучше заняться своим делом — отправиться на поиски противоядия.

Хэмнет собрал всех вместе, и они образовали три группки: Грегор, Босоножка, Темп и Найк — в одной группе, Хэмнет, Газард и Гребешок — в другой, а крысы — в третьей.

— Так, и кто у нас теперь главный? — спросил Грегор.

Хэмнет был их проводником, но трудно было себе представить, что кто-нибудь возьмется командовать Живоглотом.

— Только не ты. И это все, что тебе положено знать! — отрезал Живоглот, а крысы и Хэмнет засмеялись. — Ты что-то хочешь сказать, Хэмнет?

— Спасибо, Живоглот. Теперь, прежде чем мы войдем в джунгли, вам следует зарубить себе на носу: джунгли — не место для махания мечами и когтями. Ешьте только то, что несете с собой. Следите за огнем — чтобы ни искорки, ни легкого дуновения пламени, иначе случится пожар. Не собирайте ягоды, не рвите листья, держитесь подальше от корней, — сказал Хэмнет.

— Что?! Как это мне не есть ягоды?! — воскликнула в негодовании Коготок.

— Никто тебе не запрещает, — возразил Хэмнет. — Просто тебе следует знать, что в таком случае ты рискуешь своей жизнью.

— Но это всего-навсего растение! — не унималась Коготок.

— Да, некоторые — растения. А другие — только притворяются безобидными растениями, а на самом деле они ядовиты. Это могут быть ловушки. Или голодные хищники, — ответил Хэмнет. — А выглядят они так же, как обычные растения. Пахнут так же. Шевелятся так же. Ты уверена, что отличишь то, что можешь съесть, от того, что может съесть тебя?

— Да ладно, с чего бы это им есть нас... — неуверенно сказал Грегор. Хэмнет глянул на него с усмешкой:

— А ты спроси. Вот хотя бы у этих скелетов.

ГЛАВА 14

Пока Грегор предавался сомнениям, хватит ли у него храбрости гулять по опасным джунглям, Хэмнет занимался организацией похода.

Первым на повестке дня был свет. С факелами ходить по джунглям нельзя, поэтому жители Регалии взяли с собой переносные лампадки, заполненные светлым, сладко пахнущим маслом. У лампадок были заслонки и фитили, а значит — даже если какая-то из них опрокинулась бы на землю, масло бы не вытекло и пламя не распространилось по джунглям.

Батарейки в фонарике Грегора уже умерли — хотя он почти не пользовался им.

Но его поразило другое: он мог видеть! Не очень хорошо, не так, как при дневном свете, конечно. Но вполне различал силуэты лиан у себя над головой. Хотя костер был погашен, в фонаре не было батареек и светильники тоже не горели — он прекрасно видел джунгли.

Поставив светильник на землю, он пошел посмотреть, откуда идет свет.

Казалось, он исходил от земли. Поднимался вверх на три-четыре метра и постепенно растворялся в крошечной темноте.

Грегор двинулся к тому месту, где свет казался ярче, и увидел узкую, но глубокую расщелину, из которой как раз и пробивались его лучи. Он уже видел что-то подобное в тараканьей земле — такие щели, на дне которых словно извергались маленькие вулканчики, но они не были такими большими и не светили так ярко, как эта.

Грегор сунул пальцы в расщелину и почувствовал, как по ним течет теплая вода.

— В джунглях сотни таких расщелин, — сказал Живоглот у него за спиной. — Не лазь в них, не пей из них. И постарайся не совать в них пальцы — целее будут.

Грегор отдернул руку как раз в тот момент, когда в них готовы были впиться чьи-то зубы.

— Это что было? — спросил он, отходя подальше от расщелины.

— Что-то, что считает тебя очень вкусным, — ответил Живоглот.

— А почему пить-то оттуда нельзя? Вода что, тоже опасная? — поинтересовался Грегор.

— Вода ядовитая. Выпьешь — умрешь, — коротко сказал Живоглот.

Грегор тут же подошел к Темпу и объяснил ему, что расщелины очень

опасны и ему надлежит следить за Босоножкой и ни в коем случае не подпускать ее к ним.

— Щели плохо, — согласился Темп.

Но когда Грегор велел Босоножке держаться подальше от воды, она с восторгом оглянулась по сторонам и тут же кинулась к расщелине:

— Водичка! Мы будем купаться?

Ему ничего не оставалось, как схватить ее за руку.

— Нет! Не купаться! Это плохая вода, Босоножка! Нельзя трогать воду!

Видимо, он сказал это слишком резко и напугал ее — уголки губ малышки поползли вниз, а глаза наполнились слезами.

— Эй, все в порядке, не реви! — Грегор обнял сестренку. — Просто не подходи к воде, ладно? Она... она слишком горячая, — сказал он. — Можно обжечься. Бо-бо пальчики.

Это ей было понятнее: иногда дома из крана текла очень горячая вода, почти кипятки. И однажды Босоножка ошпарила себе ручку.

— Ой? — уточнила она.

— Да, именно «ой». — Он поднял ее на руки. — Поедешь на Темпе?

— Дя-а-а!

Босоножка вывернулась из его рук и запрыгнула на спину таракана.

— Незя трогать водичку, Темп! — строго сказала она.

У Грегора немного отлегло от сердца.

— И растения! — добавил он.

— И рррастения! — повторила Босоножка.

Люди тем временем подготовили несколько рюкзаков с вещами и припасами. Один рюкзак, в котором находились аптечка и горючее, предназначался Грегору. Три других рюкзака, побольше размером, были для крыс: у них были ляжки, в которые продевались передние лапы, а потом эти ляжки закреплялись на животах.

Найк была нагружена сразу несколькими тяжелыми кожаными мехами с водой.

Грегор с сомнением посмотрел на сплетенные лианы, образовавшие почти непроходимую стену.

— Ты что, собираешься нести все это одна, Найк?

Она не сможет летать там, среди лиан, а путешествовать пешком для летучих мышей — страшное мучение.

— Чуть повыше есть места, где посвободнее, — сказала Найк. — Я смогу лететь над лианами, а потом присоединюсь к остальным. Вы с сестрой полетите на мне?

Грегор думал, что это будет уже слишком — просить ее нести еще и его с Босоножкой в придачу к бурдюкам с водой. А ведь есть еще Темп, и он не захочет остаться на земле без них.

— Спасибо, мы пешком, — поблагодарил он.

Он зажег лампу и тоже стал готовиться к походу. На замену лампе он закрепил на запястье при помощи петли фонарик. Большой рюкзак с аптечкой и маслом перекинул на спину, а тот, что поменьше, который дал ему Марет, с фонариками и припасами, повесил на грудь. В нем также лежало то, что дала для Босоножки Делей: запасная одежда, одеяльце, какие-то игрушки, немного печенья и расческа. Из заднего кармана штанов Грегор вытащил зеркальце Нериссы и тоже положил в рюкзак. Босоножке нравилось играть дома с зеркальцем, и это зеркальце могло пригодиться, чтобы ее отвлечь. На шею Грегор повесил бурдюк с креветками в сливочном соусе. Он попросил упаковать тогда еду для Живоглота и собирался сразу отдать тому это угощение, но теперь решил приберечь — в качестве аргумента в возможных спорах: любимое блюдо все-таки.

Грегор решил, что вполне готов, и в этот момент почувствовал, что Темп легонько тянет его за рубашку.

— Не забудь, это не забудь, — сказал таракан, протягивая ему вложенный в ножны меч.

Откуда он тут взялся? До этого момента Грегор его даже не видел. Или меч оставила Соловет? Он крепко приладил кожаные ножны к штанам и постарался придать мечу такое положение, чтобы он не мешал при ходьбе. Сначала повернул его к правому бедру — и кончик меча стал торчать вперед. Это выглядело как-то... неправильно. Тогда он повернул его к левому бедру — острый конец меча стал смотреть назад, за спину Грегора, а правой рукой он мог теперь взяться за рукоять и легко вытащить меч из ножен. Вроде все.

— Ну как, Воин, работает? — услышал он голос Хэмнета и увидел, что тот смотрит на него в упор. Сам Хэмнет был без меча — у него на поясе был только короткий нож в чехле.

— Полагаю, я смогу понять, когда будет необходимо пустить его в ход, — ответил Грегор, поправляя ножны и цепляя их к ремню с таким видом, будто проделывал это не раз. Но теперь меч уперся ему ровнехонько между ног.

— Сколько тебе лет, парень? — спросил Хэмнет.

Грегор хотел было сказать, что тринадцать или даже четырнадцать — он ведь довольно высок для своего возраста. Может, если он скажет, что старше, чем на самом деле, Хэмнет станет относиться к нему с большим

уважением. Хотя нет, это вряд ли.

— Одиннадцать, — ответил Грегор.

— Одиннадцать, — повторил Хэмнет, и выражение его лица изменилось.

Теперь он выглядел почти грустным.

— Вообще-то мне уже скоро двенадцать, — уточнил Грегор.

Он сказал это так, будто это имело какое-то значение, хотя, если честно, это означало лишь одно: когда ему исполнится двенадцать, он должен будет платить за проезд полную цену. И все. Довольно глупая мысль для Воина.

— А что?

— Я подумал, что моей матери было совсем не трудно поймать тебя на крючок, — сказал Хэмнет.

Грегор почувствовал, что свирепеет:

— Послушайте, я не знаю, что у вас с ней произошло. Но я здесь не из-за вашей матери. А скорее из-за своей. Она подцепила чуму...

Мысль о маме расстроила его. Даже слезы навернулись на глаза, хотя он и не собирался плакать. Повернувшись спиной, он посмотрел вниз и снова занялся ремнем — еще не хватало, чтобы этот Хэмнет увидел его слезы.

— Может, вы наконец заткнетесь и займетесь своими делами, а? — сказал он довольно грубо.

— Я заткнусь и займусь своими делами, если ты оставишь этот меч в покое и пообещаешь не прикасаться к нему без особой надобности. Согласен? — ответил Хэмнет.

Грегор молча кивнул. Ему понадобилось некоторое время, чтобы успокоиться. Когда поднял голову, он увидел, что Хэмнет помогает Живоглоту фиксировать ремни рюкзака на плечах.

И Грегор почувствовал облегчение. Ему не хотелось ругаться с Хэмнетом. Хватит того, что с ними вместе идут три крысы, которых хлебом не корми — дай над ним поиздеваться. К тому же он и не собирался вытаскивать меч из ножен.

Грегор как-то упустил из виду, что Гребешок, до сих пор сидевшая в своем убежище из лиан, тоже идет с ними. Она вышла, и стало понятно, что она вовсе не такая высокая, как ему поначалу показалось, просто там, в зарослях, она поднялась на задние лапы. Но даже встав на все четыре лапы, она оставалась существом весьма внушительных размеров. К тому же она была примерно шести метров в длину, от носа до кончика хвоста. А эта сине-зеленая чешуя, покрывавшая каждый дюйм ее тела! Гребень вообще

был всех цветов радуги — но его можно было видеть, только когда она его раздувала. И лапы, великолепные, сильные лапы, и на каждой — пять длинных пальцев, способных хватать все вокруг.

— Какая у тебя дивная ящерица! — сказал Грегор Газарду.

Мальчик посмотрел на него с удивлением.

— Спас-с-с-си-и-и-бо, — протяжно прошипела Гребешок.

А ведь Грегор воспринял ее как домашнего питомца — щенка или котенка! Он снова совершил ту же ошибку, как в первый свой визит, с летучими мышами. Гребешок так же мало походила на домашнего питомца, как Арес. Она понимала, что говорят люди, — и разве она не выплюнула мячик Босоножки обратно в ладонь Хэмнету?

— Прости, — сконфуженно сказал Грегор. — Я просто не знал, что ты умеешь...

— Ду-у-у-ума-а-а-ать? — просипела Гребешок.

Газард повернулся к ней и издал несколько длинных шипящих звуков, Гребешок ему ответила — и они оба рассмеялись. Грегор никогда прежде не слышал, что люди в Подземье могут говорить на языке других его обитателей.

Гребешок склонила голову, и Газард стал надевать ей на шею рюкзак из змеиной кожи. Они продолжали обмениваться шипением, которое усилилось, когда Газард протаскивал рюкзак через гребень Гребешок.

— Что он делает? — осведомился Живоглот, нахмурясь. — Он разговаривает с этой шипучкой на ее языке?

— Газард разговаривает со всеми. Пытается по крайней мере — со всеми, кто дает ему такую возможность, — не без гордости ответил Хэмнет. — Попробуй поговори с ним на крысином.

— Что? — не понял Живоглот.

— Обратись к нему на крысином, — повторил Хэмнет.

Живоглот, подумав, что-то тонко пропищал. Газард в точности повторил его писк — человеческое ухо не могло бы обнаружить отличие.

— Что это означает? «Здравствуй»? Я немного говорю по-мышьиному, но они говорят «здравствуй» вот так. — И Газард снова пискнул, на этот раз повыше, и все три крысы тут же поморщились.

— Что ж, в кой-то веки кто-то из людей пытается разговаривать не на своем языке, — сказал Живоглот. — Это было бы неплохой тенденцией для всех остальных, вынужденных учить человеческий язык, чтобы иметь возможность общаться с вами. А ты — ты тоже так можешь?

— Я немножко владею змеиным, — ответил Хэмнет. — Знаю несколько слов на остальных языках. Но у меня нет такого слуха, как у

Газарда.

— Ты просто начал учиться слишком поздно. Смотри — вот она, если начать прямо сейчас, к концу нашего путешествия будет свободно говорить по-тараканьи, — ткнул кончиком хвоста в сторону Босоножки Живоглота. — Да даже наш доблестный Воин... впрочем, нет, про Воина забудь — он несколько месяцев *безрезультатно* практиковался в эхолокации. А ты, мальчуган, береги голову. Не хотелось бы, чтобы такие отличные мозги пропали зря.

Грегор ничего ему не ответил. Но про себя решил, что лучше выкинет креветки в сливочном соусе в расщелину с кипятком, чем даст хоть кусочек Живоглота. Глупая, противная крыса!

— Итак, мы можем наконец выступить? — спросил Живоглот.

— Да уж, что-то мы засиделись, — ответил Хэмнет. — Гребешок пойдет впереди, я буду замыкающим. Помните: идти следует аккуратно. Старайтесь ничего не трогать. И не сводите глаз со своих продуктов. Летящие не стали бы называть это место Аркой Тантала просто так.

— А что такое этот Тантал? — спросил Грегор, проверяя, прочно ли закреплены у Найк на спине мешки с водой.

— Не что, а кто. Эта история из далекого прошлого. Тантал совершил ужасное преступление и в наказание обречен был вечно стоять по горло в воде посреди сада с чудесными сочными плодами. Его мучили страшные жажда и голод. Но когда он пытался попить — вода исчезала, а когда тянулся к фруктам — тяжелые ветки отодвигались от него.

— Поэтому он и умер? — уточнил Грегор.

— Он был уже мертв, — ответила Найк. — Это — вечная мука, которой нет конца.

Грегор недолго думал об услышанном. Очень скоро он переключился на мысли о том, что ждет их в джунглях. Тем временем их маленький отряд начал наконец движение через арку. Гребешок шла впереди, у нее на шее восседал Газард. Следующими были Пролаза и Коготок, потом Грегор с Темпом и Босоножкой. Живоглот шел сзади вместе с Хэмнетом, а Найк было совсем не видно, ведь она летела над лианами.

Как только они прошли через арку, все моментально переменилось, будто они открыли дверь в другую реальность. Под ногами вместо камня оказался мох. Воздух стал густым и насыщенным ароматами диковинных трав и цветов. И хотя точно измерить температуру воздуха они не могли, Грегор готов был поклясться, что она повысилась как минимум градусов на десять. А звуки джунглей, которые прежде были едва различимы, теперь стали громче и отчетливее.

Не прошло и нескольких минут, как его кожа покрылась липким потом, и он всерьез стал подумывать о том, чтобы сделать из штанов шорты. Лямки рюкзака впивались в плечи. В носу щекотало от теплого, влажного воздуха.

Прежде ему не бывало жарко в Подземье, а мерз он только тогда, когда оказывался вымокшим в воде. Обычно температура здесь была вполне комфортной, как бывает не особенно жарким летом.

Вскоре мягкий ковер мха сменился торчавшими из земли корнями. Они сплетались в причудливые узоры, и в неверном и смутном свете трудно было определить, как высоко поднимать и куда ставить ногу, чтобы не подвернуть ее и не споткнуться.

К тому же Грегор был в ботинках, замечательных ботинках. Но они были слишком ему велики. Так велики, что ему приходилось набивать их туалетной бумагой, чтобы они не болтались на ноге. Он так их любил, что носил не снимая, и родители подсмеивались, говорили, что в этих ботинках Грегор, видимо, будет ходить всю свою жизнь. Ботинки отдала ему миссис Кормац. Их носил ее теперь уже взрослый сын, когда ему было лет тринадцать-четырнадцать. И теперь Грегору было трудно в них идти, трудно и неудобно.

Остальные, казалось, шли легко: Гребешок, крысы, Темп на своих тоненьких тараканьих лапках...

Грегор обернулся, чтобы взглянуть, как идет Хэмнет. И конечно, тут же споткнулся о корень, впечатавшись в спину шедшего впереди Пролазы.

— Почему бы тебе просто не снять эти кошмарные штуки?! — рявкнул Пролаза.

Но Грегор побоялся это сделать: кто знает, что за существа могут быть там, под ногами? Он подумал о ядовитых клыках и жалах, о шипах и колючках — и решил ботинки не снимать.

Босоножка, удобно устроившись на спине Темпа, славно проводила время, обучая своего шестиногого друга «Алфавитной песенке». Таракан уже справился с буквами до «эл», но все, что было дальше — это «элэмэнопэ», — вызвало у него затруднения: эта часть песенки пелась быстро, и Босоножка произносила названия этих букв как одно слово. Но в конце концов учительница была довольна своим учеником. Она громко пела «Элэмэнопэ!», а Темп безропотно вторил: «Элеменеопео!» — и у обоих мордочки светились радостью.

Некоторое время Газард просто наблюдал за ними, сидя на шее у Гребешок и слушая их пение с большим вниманием. Потом сполз с шеи Гребешок и подошел к певцам поближе.

— Что вы поете?

— Мы поем алфавит, — сообщила Босоножка. — Ты кто?

— Я Газард, — представился мальчик, легко перескакивая через мощный корень. — Научишь меня?

Научит ли она? Да конечно! Больше всего на свете Босоножка любила кого-нибудь чему-нибудь учить. И вскоре уже три голоса всюду распевали немудреную песенку.

Грегор ожидал, что их пение приведет в бешенство крыс, но, как ни странно, Коготок и Пролаза спокойно шли впереди, о чем-то перешептываясь, а шествовавший сзади Живоглот посвящал Хэмнета в события, произошедшие за десять лет его отсутствия.

Единственным, кого это сводило с ума, был сам Грегор. Ему хотелось поразмышлять, собраться с мыслями, заново вдуматься в каждую строчку «Пророчества крови», но он никак не мог сосредоточиться под жизнерадостное трехголосое пение «Алфавитной песенки».

Наконец Хэмнет объявил привал. К этому моменту Грегор буквально взмок — от макушки до носков. Лямки тяжелого рюкзака больно впивались в плечи. Пить хотелось ужасно, он бы, кажется выпил целое озеро — но, подумав, решил сохранить бутылку с ледниковой водой, что дал ему Марет: вдруг Босоножка попросит пить или сам он потеряется в джунглях, отбившись от остальных?

Для привала Хэмнет выбрал полянку у подножия огромного, с одной стороны покрытого мхом валуна. Грегор слышал, как где-то журчит вода, — но вокруг были одни лианы, воды не было видно.

Крысы стянули с себя рюкзаки с припасами и распластались на земле. Грегор, оглядевшись по сторонам, тоже разгрузился и уселся на землю рядом.

С высоты спустилась Найк и поставила бурдюки с водой по соседству с ними. Хэмнет открыл один и каждому дал напиться. Газард помог Хэмнету раздать хлеб, мясо и какой-то овощ вроде морковки. Грегор не чувствовал голода — возможно, от жары, но тем не менее съел все, что ему дали. Босоножка смолотила всю свою порцию и в придачу часть хлеба Темпа — как обычно. Таракан готов был отдать все для своей принцессы.

После трапезы Босоножка, Темп и Газард затеяли возле камня игру.

— Ка — Камень, — сказала Босоножка.

И они снова затянули «Алфавитную песенку».

Коготок и Пролаза, грызшие прихваченные от Арки Тантала косточки, вздрогнули и поморщились.

— Снова они за свое! — возмутилась Коготок.

— Я знаю один способ заставить их прекратить, но он довольно болезненный, — сообщил Пролаза.

— Знаете, это пение ничуть не хуже тех звуков, которые вы издаете, когда грызете свои кости, — возразил Грегор.

— Но должно же быть средство заткнуть их! — взмолилась Коготок.

— Мне оно не известно! — отрезал Грегор.

— Ну что ж, тогда мне придется придумать его самому! — сказал Пролаза.

— Вы, крысы... у вас, похоже, проблемы с маленькими детьми, — произнес Грегор. Живоглот никогда не проявлял симпатии к Босоножке и к Мортосу оставался равнодушен. — Иногда мне кажется, вы даже своих детенышей не любите.

Кажется, он что-то не то сказал. Глаза Коготок и Пролазы недобро блеснули. Неужели они сейчас набросятся на него? Учитывая последние события — этого нельзя было исключить.

— Кстати, о необходимости заткнуться, — вмешался Живоглот, обращаясь к Грегору. — У тебя, вероятно, не так много друзей — с таким-то языком, а?

Грегор не сводил глаз с остальных крыс. Он видел, как напряглись их спины. И его пальцы невольно коснулись рукояти меча.

— Наземный! — Это был Хэмнет. Грегор вспомнил их соглашение и убрал руку. — Вот и хорошо. Помни, где мы. Мы все. И почему мы вместе. Мы нуждаемся друг в друге, мои теплокровные друзья!

И тут раздался тоненький радостный голосок:

— Лэ — лягушка! Ой, Гррре-го! Лэ — лягушка!

Грегор нехотя отвел взгляд от крыс. Лягушка? Какая еще лягушка? О чем она?

Грегор поднял голову, и его моментально прошиб холодный пот. Босоножка сидела на камне, весело хлопая в ладоши, а у нее за спиной застыли Темп и Газард.

Камень теперь переливался всеми цветами радуги, словно чистейший бриллиант под ярким солнцем. И все от того, что его облепило множество маленьких разноцветных лягушек. Зеленые, черные, солнечно-оранжевые, фиолетовые, ярко-красные... смертельно опасные, полные яда.

Грегор узнал их — он видел таких в Центральном зоопарке. Только там они находились за толстым стеклом. И для этого была вполне веская причина: если дотронуться до такой лягушки — можно погибнуть.

ГЛАВА 15

Словно в подтверждение страхов Грегора, на камень юркнула незадачливая ящерка. Не таких серьезных размеров, как Гребешок, — а обычная длиннохвостая ящерица, каких полно и в Наземье. Она высунула язычок и коснулась им одной из лягушек.

Контакт языка с ярко-оранжевой кожей лягушки был мимолетным, буквально доли секунды, но этого вполне хватило: ящерка упала наземь, парализованная ядом. Мертвая.

— Не трогай их, Босоножка! Не трогай! — отчаянно закричал Грегор.

О нет! Только бы не это! Только бы не это...

Грегор помнил, как она любила разглядывать этих лягушек в зоопарке — часами могла стоять у стеклянного вольера. А однажды он купил ей пластиковую прозрачную тубу, битком набитую пластиковыми же разноцветными лягушками — точь-в-точь такими, как сейчас ее окружали. Она расставляла их на подлокотнике кресла и могла играть с ними целый день. Эти лягушки были в числе ее любимых игрушек.

Босоножка хихикнула и свела ладошки вместе. Но она была так взволнованна, что ножки ее так и прыгали по скользкому мху.

— Лэ — лягушка! Я вижу крррасную, я вижу желтую, я вижу голубую!

Лягушки прыгали вокруг. Невысоко и пока не слишком близко, но это был вопрос времени: в конце концов одна из них обязательно окажется рядом с Босоножкой, Темпом или Газардом.

— Газард, ты можешь оттуда спрыгнуть? — с тревогой позвал Хэмнет.

Газард напряг ноги и спрыгнул на рюкзаки с припасами. Он приземлился не очень уверенно и врезался в Живоглота, но тот, казалось, этого не заметил.

— От тебя там не будет никакого толка, ползучий, ты все равно не сможешь ей помочь, — произнес Живоглот, обращаясь к Темпу. — Давай-ка слезай, чтобы другие получили возможность сделать то же самое.

Темп колебался, словно пытаясь понять, что сказал Живоглот. Грегор знал, что Темп без малейшего сомнения отдаст за Босоножку жизнь, — но как он мог защитить ее сейчас от этой маленькой лягушачьей армии?

— Он прав, Темп. Слезай оттуда, — сказал Грегор.

Слова Грегора помогли таракану принять решение. Темп расправил крылья и спланировал с камня на землю.

Теперь оставалась только Босоножка. Босоножка, которая чувствовала себя совершенно счастливой в окружении разноцветных лягушек.

— Ква-ква! Ква-ква! Лягушка говорррит: ква-ква! — сказала она. — И высовывает язык — вот так! — И Босоножка показала, как лягушка ловит насекомых. Это Грегор ее научил. — Ква-ква. Ква-ква.

Красно-черная пятнистая лягушка подпрыгнула и уселась возле Босоножки.

— Ой! — обрадовалась Босоножка. — Лягушка говорит: пррривет!

— Только не трогай ее, Босоножка! Не трогай! — снова крикнул Грегор, медленно двигаясь к ней.

Еще одна лягушка, на этот раз розовая, перепрыгнула через ее туфельку.

— Прррыг! Прррыг!

Босоножка, не в силах сопротивляться соблазну, уселась на корточки в классической позе, изображающей лягушку: согнутые колени, руки вниз...

— Прррыг! Прррыг! Я лягушка! Прррыг!

Она подскакивала вверх-вниз, словно мячик. Ее движения, похоже, возбуждали лягушек — те начали прыгать вокруг нее более энергично.

— Прррыг! Прррыг!

— Не надо, Босоножка! Не прыгай! — взмолился Грегор.

Он уже был рядом с рюкзаками с едой. Лягушки начали спрыгивать с камня на рюкзаки. Две оранжевые и одна изумрудная пролетели буквально в дюйме от его живота. Босоножка была уже в полутора метрах от него и чуть выше. Он протянул к ней руки:

— Давай, малышка. Теперь прыгай ты. Как в бассейне, помнишь? Давай ты прыгнешь — а я тебя поймаю, ладно?

— Дя-а-а! — с радостью согласилась Босоножка.

Она уже приготовилась к прыжку, напрягла ножки и согнула колени, но в этот момент ослепительно яркая, сапфирно-синяя лягушка прыгнула ей прямо в руки.

Все произошло гораздо быстрее, чем можно об этом рассказать. Сапфировая лягушка уже была у самых ладошек Босоножки, но вдруг Коготок, словно пружина, закрутилась в воздухе, хвост ее обвил Босоножку и катапультировал малышку через голову Грегора.

Хэмнет крикнул, что поймал ее, а лягушка приземлилась и снова прыгнула, на этот раз прямо в лицо отважной крысе, и рука Грегора неувлимым движением молниеносно вытащила меч из ножен и разрубила сапфировую лягушку буквально в сантиметре от ее уха.

Все это заняло доли секунды, никто и опомниться не успел.

— Назад! — вернул Грегора к реальности окрик Живоглота. — Уходим отсюда!

Все в панике заметались на дороге, а вокруг них прыгали лягушки. Хэмнет попытался было призвать своих товарищей держаться вместе, но это было невозможно. Они спасались кто куда, не разбирая дороги.

Грегор уже метров на сорок углубился в джунгли, когда наконец понял, что несется непонятно куда, словно напуганное животное. Он оглянулся по сторонам — и никого не увидел. И тогда что есть мочи завопил:

— Эй! Э-э-э-эй!

— Стой где стоишь! — услышал он голос Живоглота. — Всем оставаться на местах!

Минут пятнадцать Живоглот и Хэмнет собирали членов экспедиции. Грегор слышал, как Босоножка и Хэмнет говорили о лягушках, — значит, с ней все в порядке, с облегчением понял он. Сам он стоял неподвижно, глядя на испачканный меч. Кровь все еще кипела у него в жилах, а зрение оставалось фрагментарным. Итак, это случилось снова. Эта история с яростничеством.

Он успел вытащить меч и пустить его в ход до того, как мысль об этом пришла ему в голову.

Он не мог остановиться и не делать этого — ведь он даже не понимал, что именно делает.

Эта «сила», как назвал Хэмнет его способности, была ему неподконтрольна. И честно говоря, он не имел ни малейшего понятия, как ею управлять.

Когда нос Живоглота высунулся из зарослей, Грегор все еще стоял не шелохнувшись.

— Мне нужна помощь, Живоглот, — сказал он слабым голосом.

— Ты вроде бы говорил, что с тобой все в порядке, — удивился тот.

— Я... я не могу это контролировать! — ответил Грегор. — Это... яростничество.

Его рука дернулась, и Живоглот отскочил подальше от меча, испачканного в разрубленной лягушке.

— Эй! Ты посмотри, что у тебя! — возмутился Живоглот. — Вытри меч о камень, да поскорее!

Грегор провел мечом по камню, очищая лезвие.

— Теперь опусти его в воду, — командовал Живоглот, и Грегор опустил меч в ближайшую расщелину.

— Так, а теперь убери в ножны. Но не забудь, на нем еще может

остаться яд, так что не тычь им куда попало без особой надобности.

Грегор сунул меч в ножны.

— Но как мне узнать, когда я достану его в следующий раз?! Я ведь не собирался этого делать! — с отчаянием сказал он.

— Да знаю я, знаю! Постарайся успокоиться. Поначалу все яростники так себя чувствуют. Со мной тоже так было. Но чем дальше — тем легче это контролировать, верно говорю! — произнес Живоглот.

— Но я даже не успеваю заметить, как это на меня находит! — почти кричал Грегор. Живоглот вообще слышит его или нет?

— Да нет, успеваешь. Ты можешь почувствовать это по тому, как меняется угол зрения — ведь ты перестаешь замечать все, кроме того, что и вправду важно. Тебе знакомо это ощущение? — спросил Живоглот.

Грегор кивнул:

— Иногда. Когда мы с Аресом сражались там, в Лабиринте, со мной случилось нечто подобное.

— Ну вот, хорошо. Это хорошо. А в следующий раз в момент опасности, то есть когда ты почувствуешь, что на тебя могут напасть, — постарайся сосредоточиться. И тогда скорее всего ты сможешь уловить этот момент и воспользоваться им. Но не сразу — нужно время, чтобы научиться.

— И сколько времени это займет? — начал успокаиваться Грегор.

— Трудно сказать. Я много дрался — значит, у меня было больше возможностей учиться, — уклончиво ответил Живоглот.

— И все же? — упорствовал Грегор.

— Несколько лет, — услышал он в ответ.

Несколько лет? Но ведь Живоглот дрался чуть ли не каждый день! Грегор покачал головой, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Да все не так плохо, Грегор. Поверь мне. Когда-нибудь ты поймешь, что это бесценный дар! — сказал Живоглот.

— Я не хочу обладать таким даром, Живоглот, — произнес Грегор.

— Ну, хочешь ты или нет — он у тебя есть, — пожал плечами Живоглот. — А теперь идем, пока твоя сестра не завела себе новых друзей.

Вслед за Живоглотом Грегор двинулся вперед и вдруг поразился, как хорошо говорил с ним крыс. Обычно он подтрунивал над Грегором и даже высмеивал его. Но похоже, Живоглот точно знал, когда Грегору нужна встряска, а когда — поддержка. Как и тогда, когда Грегор оплакивал Тик. Или когда пропала Босоножка. Вот и сейчас...

Наконец они присоединились к остальным. Грегору было неловко, хотя никто на него не пялился, как он ожидал. А с Хэмнетом он боялся

встретиться взглядом.

— Не надо вцепляться ему в глотку, Хэмнет! — предупредил Живоглот. — Он не мог себя контролировать.

— Я понял. Но это мало успокаивает, — возразил Хэмнет.

— Ну, зато Коготок осталась жива и может пригодиться в драке, — заметил Живоглот.

Грегор подумал, что стоит поблагодарить Коготок за то, что она спасла жизнь Босоножке, но крыса была так угрюма, что он решил оставить это на потом.

Босоножка же как будто не поняла, что произошло, и по-прежнему пребывала в отличном настроении. Она все подпрыгивала и радостно кричала: «Ква-ква!»

— Она говорит, у нее дома есть такие лягушки, — сказал Газард, обращаясь к Грегору. — И они спят у нее на кровати.

— Они не настоящие, Газард. Это игрушки, — ответил Грегор.

— Странные вы делаете себе игрушки в своем Наземье, — проворчал Хэмнет.

Он был прав, это и в самом деле могло показаться странным: делать для детей игрушки, которые представляют собой копии смертельно опасных существ. Ведь велика вероятность, что ребенок, увидев такую живую лягушку, захочет с ней поиграть. Но с другой стороны — эти ядовитые лягушки не прыгают по Бродвею!

— Что мы потеряли? — спросил Живоглот.

— Боюсь, всю нашу еду, — ответил Хэмнет. — Лягушки забрались в рюкзаки, теперь их опасно трогать, не говоря уж о том, чтобы есть то, что внутри. Найк спасла воду — и на том спасибо. А Гребешок сберегла твои вещи. — Хэмнет протянул Грегору два его рюкзака и кожаный бурдюк. — Там есть какая-нибудь еда?

— Только немного печенья для Босоножки. А еще это. — Грегор указал на бурдюк. — Там... креветки в сливочном соусе. Я взял их для Живоглота.

— И кто теперь мой самый любимый маленький яростник?! — воскликнул Живоглот, возбужденно обнюхивая бурдюк. — Ты в самом деле прихватил это для меня?!

— Прости, Живоглот! Ты же понимаешь — теперь это уже не твоя добыча. Вся еда пойдет щенкам, — сказал Хэмнет, забрасывая за спину бурдюк.

Живоглот вздохнул:

— Ну вот, сначала этот ненасытный Мортос, теперь эта братия... Они

меня в могилу сведут, эти щенки.

— Ну, не приbedняйся, Живоглот, — улыбнулся Хэмнет. — Ты всех нас переживешь.

Они выстроились цепочкой и снова двинулись в путь. Грегор попытался объяснить Босоножке, как важно ничего не трогать в дремучем лесу, а тем более симпатичных лягушек, но мало в том преуспел. Она очень скоро задремала на спине у Темпа в самом волнующем месте его рассказа, и Грегору пришлось закончить на этом свою маленькую лекцию о выживании в опасных условиях.

Остальные ни словом не обмолвились о происшедшем. Жара становилась все более невыносимой, а то, что они остались без еды, тоже не поднимало настроения.

Они шли и шли вперед, пока ноги Грегора не налились свинцовой тяжестью, так что каждый шаг давался ему с великим трудом.

Хэмнет наконец дал команду остановиться и разбить лагерь. Они расселись вокруг горящего светильника. У каждого было достаточно воды, но еда досталась только «щенкам». Грегор отдал Хэмнету печенье, и тот поделил его между Босоножкой и Газардом. А затем, к изумлению Грегора, протянул два печенья ему.

— Нет, спасибо, — ответил Грегор.

— Но ведь тебе всего одиннадцать, ты тоже относишься к щенкам, — сказал Хэмнет.

— Нет-нет, отдайте это им, — кивнул Грегор на малышей.

Он давно уже не чувствовал себя щенком. А сейчас ему нужно было спасти маму, Ареса и всех теплокровных в Подземье. Разве такие задачи по плечу «щенку»?

Когда Хэмнет открыл бурдюк с креветками, головокружительный запах вкуснейшего блюда заставил Грегора сглотнуть слюну.

— Ты уверен, что эта еда годится для щенков? — заботливо спросил Живоглот. — Сливки могли испортиться в такой-то жаре.

— Если тут что и испортилось, Живоглот, — так это ты. У тебя ведь отменный нюх, и ты прекрасно чувствуешь, что с едой все в порядке, — заметила Коготок.

— Ты никогда не была любезной. Ты даже вежливой никогда не была, — мрачно сказал Живоглот, наблюдая, как Босоножка и Газард макают печенье в соус.

Когда дети наелись, все стали устраиваться на ночлег. Гребешок вызвалась первой нести вахту.

Грегор расстелил на земле одеяло и лег рядом с Босоножкой. Та

положила головку ему на руку и тут же уснула. Он подождал, пока сон ее станет крепким, и осторожно высвободил руку.

Ну до чего же жарко! Он был измотан, но звуки джунглей не давали ему уснуть. Да еще эта жара. И мысль о том, что с ним снова это случилось: он себя не контролировал. А еще перед глазами постоянно всплывали картины, увиденные в больнице. Мама в белой больничной постели, тяжело дышащий, изуродованный бубонами Арес, надежда в глазах Говарда, когда он завидел Грегора.

Грегор так и лежал без сна, уставясь в причудливо переплетающиеся ветви над головой, когда они начали разговаривать. Коготок и Пролаза.

— Как ты думаешь, у них есть шансы выжить? — прошептала Коготок. — У двоих маленьких нет, я понимаю. Я думаю, они уже умерли. А также Мушка и Шурушка...

— Нет-нет, я думаю, что нет, — мягко возразил Пролаза. — Желтая пудра уже на пути к ним, а у них не было никаких признаков чумы. И ты же знаешь, Зануда позаботится о том, чтобы они были сыты.

— Двое крошек... как ты думаешь, они очень мучились? — снова зашептала Коготок. — Я не могу... не могу не думать о том, что они звали меня, плакали, что им было больно, — а я не отзывалась... Мои щенки! Мои крошки!

— Нет, я уверен, все произошло очень быстро, — сказал Пролаза. — Не надо об этом думать. Нам надо думать о Мушке и Шурушке. У них еще есть шансы выжить.

— Да. Да. Я понимаю. Я смогу... — шепнула Коготок.

— Давай-ка спать, Коготок, — ответил Пролаза. — Прошу тебя.

И стало тихо.

Теперь Грегор знал, что не он один не может уснуть. Кое-кто еще лежал без сна, уставясь в пустоту и боясь потерять того, кого любит. Очень любит.

ГЛАВА 16

Грегор то проваливался в неглубокий сон, то выныривал из него — до того самого момента, когда Хэмнет разбудил его. Складывая одеяло, Грегор мысленно возвращался к ночному разговору Коготок и Пролазы. Теперь он знал: двое их детенышей умерли, а еще двое могут умереть в самое ближайшее время.

Он вспомнил о своих словах о том, что крысы не любят собственных детей, — и лицо его вспыхнуло от стыда. К тому же Коготок спасла Босоножку, рискуя жизнью. И не важно, почему она это сделала: потому ли, что знала, что без Босоножки не исполнится пророчество, или все же потому, что не могла дать погибнуть ребенку... Но ведь это ничуть не отменяло самого поступка.

Наверное, ему стоит поговорить с Коготок наедине. Хотя нет.

Отец всегда говорил, что если ты сделал что-то плохое на глазах у всех, — то и прощения надо просить на глазах у всех.

— Эй, Коготок! — позвал Грегор.

Извиняться всегда трудно. А перед крысами — особенно. Он начал, с того, что попроще:

— Я хотел... хотел поблагодарить тебя за то, что ты вытащила Босоножку оттуда, от лягушек...

— Забудь! — отмахнулась Коготок.

Она не стала благодарить его в ответ — наверняка считала, что его поступок — нечто само собой разумеющееся.

Грегор не без труда продолжил:

— И еще... то, я что сказал тогда... ну, что вы, крысы, не любите собственных детей... — Все замерли на местах, внимательно слушая его слова. — Я прошу прощения. Я был... полным дураком! — И он запихнул одеяло в рюкзак, опустив глаза.

Коготок не ответила. И Пролаза тоже промолчал. Ну и ладно. Зато Грегор извинился.

Пока Хэмнет кормил Босоножку и Газарда, крысы и Найк чистились и приводили себя в порядок после сна. Даже Темп делал какие-то чудные движения, словно разминал все свои шесть лапок. Грегор переодел Босоножку и расчесал ей волосики. Мама была бы довольна, видя, как он ухаживает за ней. Относительно самого себя он не особенно волновался, но вообще-то он был бы рад, если бы поблизости можно было не только

умыться, но и смыть с себя пот и грязь. Хорошо, что у него нет шерсти.

Когда пришел его черед пить, Грегор поднял бурдюк и пил до тех пор, пока желудок не наполнился, — это помогло хотя бы отчасти уменьшить ощущение сосущей пустоты в животе.

Они построились в цепочку и снова двинулись в глубь джунглей.

Тропа стала заметно уже, и Гребешок предложила понести Босоножку и Темпа, и Грегор не раздумывая согласился. Он немножко опасался повторения истории с «Алфавитной песенкой», но Газард придумал новое развлечение: изучение тараканьего языка. Он повторил уже несколько щелчков вслед за Темпом, когда Босоножка сильно дернула его за руку.

— И я хочу! Я тоже хочу говорррить, как зуки! — настаивала она.

Сидя на шее Гребешок, они несколько часов были заняты этой игрой. Как и предсказывал Живоглот, Босоножка моментально все схватывала и усваивала, Газард тоже был удивительно способным учеником. А Темп, с его безграничным терпением, оказался прекрасным учителем. Он никогда не нервничал и не критиковал. И к тому времени, как все расположились на отдых и обед, эта троица разговаривала на странной смеси человеческого и тараканьего языков, даже не задумываясь об этом.

И снова вода немного утолила острое чувство голода. Копаясь в рюкзаке в поисках игрушек, которые дала для Босоножки Далея, Грегор вдруг наткнулся на нечто интересное.

— Э, да это же жвачка! — воскликнул он и показал яркую розовую упаковку остальным.

— Я хочу звачку! — тут же заявила Босоножка, протягивая ручку.

— Нет, Босоножка, ты еще слишком маленькая, — сказал Грегор. Мама не разрешала давать ей жвачку, опасаясь, что малышка может проглотить ее или подавиться. — Но я дам тебе красивый фантик.

Он аккуратно развернул упаковку и дал ей розовую обертку, которую она тут же понеслась показывать своим друзьям.

— Это еда? — с интересом спросил Пролаза.

— Вообще-то нет. Не совсем. Ты просто жуешь, но не глотаешь, — ответил Грегор.

— Тогда какой в этом смысл? — озадачилась Коготок.

Какой смысл у жвачки?

— Хм... не знаю... ну, просто приятный вкус. Вы будете пробовать или нет? — спросил Грегор.

В упаковке было пять пластинок. Дети уже поели, Темп мог месяц обходиться без еды. Найк и Гребешок могли по дороге ловить наверху каких-нибудь жучков, так что оставались Грегор, Хэмнет и крысы.

Как раз пятеро.

— Отлично, каждому по пластинке, — обрадовался Грегор. Он раздал жвачку и предупредил: — Не забываете — это надо жевать. Но не глотать.

Стянув вощеную бумажку со своей пластинки, он сунул жвачку в рот. Взрыв сладкого вкуса во рту был просто ошеломительным, он даже глаза прикрыл от удовольствия. А открыв, увидел, что остальные смотрят на него с любопытством.

— Ну что же вы — пробуйте!

Хэмнет осторожно развернул свою пластинку и понюхал, потом нерешительно положил ее в рот и начал жевать. На лице его появилось выражение восторженного недоумения:

— Оно сладкое... и не уменьшается во рту, когда я жую.

— Ну да, это же резинка. Ты можешь жевать эту пластинку хоть целый день. А если захочешь — и целый год, — улыбнулся Грегор.

Одна за другой, даже не снимая обертки, крысы сунули свои пластинки в рот. Грегор изо всех сил старался не засмеяться, глядя, как они вдумчиво двигают челюстями, пытаясь понять смысл этой странной нееды.

Наконец Живоглот издал похожий на отрывку звук:

— Уф! Я его проглотил.

— Ничего страшного — жвачка не причинит особого вреда, — сказал Грегор.

— А я не пойму, где моя жвачка, — сказал Пролаза, водя языком по морде. — Она куда-то подевалась.

Он открыл рот пошире, и Грегор увидел, что жвачка прилепилась к одному из его передних зубов.

Коготок оказалась единственной из крыс, способной оценить жвачку:

— Неплохо. Не так хорошо, как косточки, но по крайней мере дает работу зубам.

— А почему на упаковке написано «бабл гам»? — спросил Хэмнет, вынув свою жвачку изо рта и изучая ее.

— А вот почему! — Грегор надул из жвачки пузырь и с треском лопнул его.

Все подпрыгнули от неожиданности.

— Не делай так! — завопил Живоглот. — Нам и без того достаточно шума!

— Ну, просто это был ответ на ваш вопрос, — пожал плечами Грегор.

Они пошли дальше, и голод стал мучить Грегора еще сильнее. Когда сахар из жвачки попал к нему в кровь, организм отреагировал на это

выбросом желудочного сока, и от этого есть стало хотеться просто невыносимо. Грегору хотелось чего-то сочного — и холодного... мороженого, арбуза, фруктового льда... А еще соли. Просто соли. Видимо, он потерял много соли с потом, а организму необходима соль, так говорил ему папа.

Грегор все это время вообще не снимал ботинки, и носки его совершенно отсырели. Он не догадался взять для себя сменную одежду, хотя бы носки, и теперь не мог поменять их. А взять было не у кого — Хэмнет и Газард носили обувь, изготовленную из кожи рептилий, и никаких носков у них, конечно, не было и в помине.

Голод и изнуряющая жара лишили Грегора сил. Ему больше не надо было нести бурдюк с креветками, но оставались еще рюкзак с аптечкой и рюкзак с его личными вещами. Колени у него подгибались, и он едва не падал каждые несколько ярдов.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

— Я понесу аптечку, Грегор, — сказал Хэмнет.

Грегор отдал ему свою ношу без возражений. Хотелось бы ему найти в себе силы, чтобы гордо отказаться, но в тот момент он мог испытывать только благодарность.

— Спасибо, — смущенно пробормотал он.

Хэмнет пошел позади него, а Живоглота переставил на свое место, замыкающим.

— Живоглот рассказал мне, что ты стал возмутителем всеобщего спокойствия, отказавшись убить Мортоса.

— Ну да, было такое. Но ведь он был совсем крошкой, — ответил Грегор с вызовом. Он привык, что люди не понимают его в этом вопросе.

— Это очень правильное решение. Если бы не оно — крысы ни за что не согласились бы принять участие в этом походе, независимо ни от какой чумы, — сказал Хэмнет.

Грегор никогда не думал об этом в таком ключе, но, пожалуй, трудно было бы представить себе, чтобы крысы пошли в опасный поход бок о бок с убийцей Мортоса.

Если честно, ему было ужасно приятно, что Хэмнет одобрил его поступок, — особенно потому, что так мало одобрения этот поступок до сих пор встречал у других.

— В Регалии с этим мало кто согласится. Там меня теперь ненавидят. Меня теперь все ненавидят — и люди, и крысы.

— Да не все, — улыбнулся Хэмнет. — Вот Живоглот, например, тебя просто обожает.

— О да! Я у него в большо-о-о-ом почете, — ответил Грегор. — Думаю, он все время прикидывает, каков я на вкус.

— Прикидывал бы, не будь ты таким худосочным, — отозвался Живоглот.

Грегор выдул большой пузырь и с громким треском лопнул его.

— Прекрати! — огрызнулся Живоглот.

— О, прости! — сказал Грегор, но на лице его играла хитрая улыбка.

Через несколько часов, когда они нашли небольшую полянку и остановились, Грегор уже не чувствовал ног от усталости. Он давно потерял счет времени и перестал прикидывать в уме расстояние, которое они прошли. Обессиленный, он рухнул на землю, не доставая из рюкзака одеяло и даже не снимая пояса с мечом. Воздух был таким горячим и влажным, что трудно дышать. Он никак не мог определить, что с этим воздухом не так — слишком мало в нем кислорода или слишком много, но что-то определенно было не так, потому что сознание Грегора мутилось и все плыло перед глазами.

Когда Хэмнет раздал детям остатки креветок и печенья, Живоглот подошел к нему и сказал:

— Мы должны раздобыть хоть какой-нибудь еды. Не только для щенков, хотя эта маленькая кудрявая пискля не даст никому покоя, если мы ее не накормим. Остальным тоже нужно поесть. Взгляни на Воина.

Грегор попытался было поднять голову и сказать им, что с ним все в порядке, но не мог даже пошевелиться. Он и глаза открывал с трудом. Да что там — он и дышал с трудом, каждый вдох и выдох стоили ему большого усилия.

— Хорошо, мы с тобой идем добывать еду. Другого выхода я не вижу, — ответил Хэмнет.

Он приподнял голову Грегора и поднес к его губам бурдюк, заставляя пить. Вода выливалась у Грегора изо рта и стекала по подбородку, но кое-что он все-таки смог проглотить.

— Постарайся набраться сил, Грегор. Мы скоро вернемся. Пей. Пей столько, сколько сможешь выпить.

И Хэмнет на секунду положил свою ладонь ему на лоб. Это было так приятно. Это напомнило ему жест, с каким мама или папа проверяли, все ли с ним в порядке. Будто родители были сейчас рядом с ним.

Вода немного привела его в чувство — он даже смог сесть.

Хэмнет и Живоглот ушли, Босоножка и Газард спали у хвоста Гребешок. Темп стоял возле них и чистил свой панцирь. Найк дремала в нескольких футах от Грегора — он даже не слышал, как она спустилась.

Большинство бурдюков с водой все еще были приторочены к ее спине — как и у Грегора, у нее не было сил снять их с себя.

Возле светильника было видно какое-то движение — это были крысы. Они выглядели совершенно изможденными — неудивительно, они ведь голодали и перед путешествием. Грегор-то питался регулярно.

— Эй, не хотите хлебнуть воды? — спросил Грегор.

Он заметил, что крысы полностью полагаются на Хэмнета, даже Живоглот, никогда не просят пить и ждут, когда Хэмнет откроет бурдюки и выдаст им их порцию.

Грегор поднял бурдюк, что оставил ему Хэмнет, и вытащил затычку, а затем на коленях подполз к Пролазе:

— Давай-ка, Хэмнет говорил, мы должны побольше пить.

Пролаза позволил ему влить себе в рот воды. Грегор сделал то же самое для Коготок, заметив попутно, что жвачка все еще прилеплена к ее передним зубам.

— Вода — это, конечно, хорошо, — сказала Коготок, — но если мы не съедим хоть что-нибудь в ближайшее время, ни один из нас не доберется до Виноградников.

— Не могу поверить, что в этих джунглях нет ничего съедобного, — подхватил Пролаза.

— Ну, наверное, так и есть, — возразил Грегор. — Что-нибудь да сгодится. Но Хэмнет говорил, мы не сможем отличить то, что можно есть, от того, что нельзя.

— Хэмнет говорил! — фыркнул Пролаза. — Да что он вообще знает, твой Хэмнет? Он же человек! Конечно, его нос не может почувствовать разницу между ядовитым и неядовитым! А мой нос — может. И даже сейчас я чую запах того, что можно есть. Не знаю, что это, но поверь мне — это так!

Грегор потянул носом влажный воздух.

— Я ничего не чувствую.

— А я тоже чувствую, — сказала Коготок. — Что-то сладкое.

— Да, именно, — отозвался Пролаза. — Я пойду и найду это. Кто со мной?

— Я! — оживилась Коготок. — В любом случае это лучше, чем лежать тут и умирать с голоду.

— Не знаю. Не думаю, что Хэмнет одобрил бы эту идею — пойти без него в джунгли на поиски еды, — с сомнением произнес Грегор.

— А почему нет? Разве это не то же самое, что сейчас делают они с Живоглотом? Чем больше народу будет искать еду — тем больше шансов,

что мы что-нибудь найдем! — настаивал на своем Пролаза. — Не ходи, если не хочешь. Но тогда не жди, что мы поделимся с тобой тем, что найдем. И с твоей сестрой тоже.

Грегор представил себе, как Босоножка проснется, захочет есть, а есть будет нечего, и как она, не понимая, что происходит и почему ее не кормят, станет плакать навзрыд... а рядом будут что-то грызть крысы...

— Хэмнет что-то говорил про растения, которые могут на нас напасть, — предпринял он еще одну неуверенную попытку остановить их.

— Слушай, мы по этим джунглям уже который день топаем, — сказал Пролаза. — Твоя сестра хваталась за лозу руками, когда требовала вернуть ей мяч, ты, кажется, каждый корень на своем пути ботинками пнул, мы убегали в заросли, когда спасались от этих дурацких лягушек... Ты видел, чтобы хоть одно растение за все это время попыталось на нас напасть или хотя бы остановить нас?

— Нет, не видел. — И Грегор решился: — Ладно, я с вами.

Он выпил еще воды и встал. Рюкзак с вещами он решил оставить, чтобы рубашка на спине высохла.

— Эй, Темп, мы пойдем поищем что-нибудь поесть — Пролаза и Коготок что-то учуяли, — обратился он к таракану.

— Не ходить, не надо, не ходить, — заволновался Темп.

— Не беспокойся, мы скоро вернемся, — сказал Грегор. — Если что понадобится — кричи.

Он не собирался уходить далеко от лагеря. Хотя Гребешок и Темп на посту, все же он должен быть рядом с Босоножкой, ведь на каждом шагу, если верить Хэмнету, их подстерегает опасность.

Хотя самой большой опасностью ему теперь представлялась смерть от голода.

Вынюхивая тот сладкий запах, Пролаза повел их в джунгли. Коготок шла следом, а замыкал их маленький отряд Грегор.

Конечно, неплохо бы по дороге крошить хлеб — или что там делают в таких случаях, чтобы найти обратную дорогу. Хотя если бы у него был хлеб, он бы не отправился на поиски еды, а просто съел бы его, ну и крошки тоже.

Они удалились от лагеря гораздо дальше, чем ему хотелось, но Пролаза шел так уверенно, и они как будто никуда не сворачивали, так что Грегор надеялся, что они легко отыщут путь назад.

Наконец он тоже почувствовал сладкий запах.

— О, я тоже его чувствую! — воскликнул он.

— Да неужели? — насмешливо отозвался Пролаза. — Конечно — ведь

мы почти у цели.

Они оказались на небольшой болотистой полянке. Воздух был наполнен сильным сладким запахом, напомнившим Грегору запах персика.

Он посветил фонариком, пытаясь почетче рассмотреть окружающие их растения, совершенно непохожие на те, что росли вдоль тропы.

Над головами путешественников зеленела буйная кудрявая листва, а еще они увидели огромные желтые стручки, болтавшиеся среди зелени. Они были длиной около двух метров, и куст, на котором они горизонтально росли, словно улыбался бесчисленным множеством широких желтых улыбок. Сквозь приоткрытые створки-губы стручков виднелись круглые розовые фрукты. Их вид не оставлял сомнения в том, что они невероятно сочны и ароматны.

Рот Грегора непроизвольно наполнился слюной, которая чуть ли не текла у него по подбородку. Забыв обо всем, он потянулся обеими руками к стручку, чтобы схватить манящий плод.

В этот момент Пролаза ухватился передней лапой за ближайший к нему стручок, желая сорвать восхитительно пахнущий фрукт прямо пастью. Он почти коснулся языком розовой кожицы, но стручок вдруг дернулся, прыгнул вперед, заглотнул Пролазу и захлопнулся.

От Пролазы остался лишь кончик хвоста, застрявший между двумя желтыми губами стручка.

ГЛАВА 17

Коготок отчаянно вскрикнула и кинулась к стручку, заглотившему Пролазу. Она была на полпути к нему, когда от другого растения вдруг отделилась длинная лиана и обвилась вокруг ее запястья. Коготок клацнула челюстями, перегрызая лиану, но тут же пришли в движение и остальные растения.

Грегор с ужасом наблюдал, как джунгли вдруг ожили и придвинулись к ним вплотную.

Пальцы его легли было на рукоять меча — но было уже поздно. Лианы обхватили его тело, обвили руки. А корни вылезли из земли и опутали ноги в ботинках. Он попытался высвободиться — но растения оказались гораздо сильнее его.

Но где же его прославленная реакция яростника?! Он сканировал собственное тело, проанализировал свои ощущения в надежде найти следы трансформации — но ничего не произошло. Зрение не изменилось, кровь не вскипела. Единственное, что он чувствовал сейчас, — дикий страх.

Пролаза оказался в кошмарном стручке, а Коготок беспомощно болталась на высоте не менее трех метров, вся опутанная зелеными ветвями. Тонкая лиана, что обвила его тело, начала сжиматься — словно анаконда, которая намеревалась выдавить из него жизнь.

— Помогите! На помощь! — крикнул он. Вернее — попытался крикнуть, потому что звук вышел на редкость жалким. — На помощь!

Но кто может прийти ему на помощь? Живоглот и Хэмнет далеко, а Пролаза и Коготок сами нуждаются в помощи. Грегор чувствовал, как его тянут к одному из желтых стручков. Он отчаянно сопротивлялся, но силы, и так невеликие, стремительно иссякали. Ему стало сначала трудно, а потом невозможно дышать. Эта лиана душила его, душила... Вот уже стручок оказался в полуметре от него — уже видна была прозрачная жидкость, сочившаяся между желтыми створками. Слюна?

Сознание Грегора мутилось, он был на грани обморока. Перед глазами замелькали черные точки. Лиана сжала его так сильно, что он поперхнулся и закашлялся. Из рта у него вылетела заложенная за щеку жвачка и попала прямо в стручок.

Теперь у него перед глазами стремительно крутились розовые круги. Но сквозь них он увидел, что жвачка произвела в стручке какой-то неожиданный эффект. Смешавшись с прозрачной слюной, она стала

пузыриться и образовывать какую-то новую, сладкую и липкую субстанцию.

Лиана вдруг ослабила свои смертоносные объятия, и Грегор смог сделать несколько судорожных вдохов. Коготок была уже почти в стручке, но продолжала щелкать зубами, пытаясь перегрызть лианы.

— Плюй! — завопил Грегор что есть мочи. — Выплюни в него жвачку!

Коготок слегка качнула головой. Неужели она не поняла, что он сказал?!

— Плюй! Выплюнь жвачку в стручок, скорее! — орал Грегор.

Возможно, крысы плюются не так, как люди, но она честно постаралась сделать это как можно лучше. Когда ее морда чуть ли не коснулась стручка, она плюнула жвачку прямо в сердцевину.

Реакция последовала незамедлительно. Но растение не отпустило ее. Стручок пришел в неистовство. Слюна потекла из него ручьем, она брызгала в разные стороны, пуская розовые пузыри. На первый взгляд — абсолютно беспорядочно. Внутри него были видны нетерпеливо ерзающие плоды, открывшие свои жадные голодные рты.

— На помощь! — отчаянно взревел Грегор, и на этот раз голос у него прорезался.

И Коготок тоже издала серию каких-то высоких звуков — словно кто-то и впрямь мог их услышать и прийти помочь!

Но что это? Черно-белые, как у зебры, полосы мелькнули у него над головой, и кровожадные плоды вдруг опрокинулись назад.

Найк, по-прежнему нагруженная бурдюками, металась среди лиан, когтями обрывая их. Она была неудержима, но вот уже многие растения вступили с ней в поединок и протянули к ней свои усики.

Грегор увидел, как вокруг ее шеи обвилось лассо лианы. Все было кончено. Лианы принялись за свою смертоносную работу: они стягивались и закручивались, тянули и давили...

Грегор боялся поверить своим ушам, когда услышал вдруг знакомый голос:

— Да что же такое делается?!

Краем глаза Грегор увидел, как с полдюжины лиан безжизненно упали на землю.

— Живоглот! — прошептал Грегор, и улыбка коснулась его губ.

Воздух наполнился шумом и треском — Живоглот вступил в бой с коварными растениями.

Грегор иногда смотрел по телевизору кулинарные передачи, но никогда

не знал, как называются приспособления, при помощи которых из овощей за минуту приготавливают сок или пюре.

Но он готов был поклясться, что одно из таких приспособлений имелось у Живоглота. Лиана, которая держала Грегора, совсем ослабела, а корень отвалился. Грегор упал на землю и лежал, глубоко дыша, и все никак не мог надышаться, а сверху на него сыпалась зеленая труха — все, что оставалось от хищников после встречи с Живоглотом.

Один из гигантских желтых стручков свалился прямо к его ногам, и его слюна попала ему на ботинки. Грегор безучастно смотрел, как ядовитая слюна проела кожу ботинка на мыске и добирается до его собственных пальцев.

Кто-то рывком поставил его на ноги и, схватив под мышки, поволок прочь, как мешок картошки.

Хэмнет. Грегор понял это, потому что его лицо уткнулось в рубашку из змеиной кожи. Через минуту они были уже на поляне, где разбили лагерь.

Грегор почувствовал, как с его ног торопливо стягивают ботинки, как срывают с него носки, как льется ему на ступни вода.

— Газард! Скорее тащи следующий бурдюк! — скомандовал Хэмнет.

Через некоторое время и второй бурдюк был вылит на ноги Грегору.

Неподалеку от них Найк убеждала Хэмнета, который обследовал ее лапу:

— Я в порядке. Я в полном порядке.

— У тебя коготь сломан, Найк, — возразил Хэмнет. — Ты это называешь «в полном порядке»?

В зарослях раздался треск — кто-то шел по ним, уже не волнуясь о том, что создает шум.

Живоглот выволок на поляну за загривок крысу. Это была Коготок. Как только он отпустил ее, она тут же рванулась обратно, туда, откуда они пришли.

— Пролаза... — простонала она.

— Он умер, Коготок! — рявкнул Живоглот.

Коготок отчаянно пыталась вырваться, но он повалил ее на землю.

— Он мертв! Я убил растение, которое сделало это! Стручок раскрылся, и я видел, что от него осталось! Там только скелет. Поверь мне — ему уже не помочь! И вы тоже могли погибнуть! — ревел Живоглот. — Кто это придумал? Чья это была идея — оставить лагерь?!

Живоглот остановил свой взгляд на Найк — возможно, ожидая от нее ответа. Но она молчала.

— Это не Найк, — сказал Грегор. — Она прилетела на помощь.

— Так, значит, это был ты?! — Морда Живоглота вплотную приблизилась к лицу Грегора.

— Пролаза... Он унюхал еду. А Коготок и я... Мы помогали ему ее искать. Мы не знали...

Грегор замолчал.

— Чего вы не знали?! Что растения могут вас убить? Вас ведь предупреждали! Как, как я могу помочь тебе остаться в живых, если ты не слушаешь! Все, что ты должен был делать, — просто лежать здесь и пить воду! Но ты даже на это не способен! — бушевал Живоглот.

— Ладно, Живоглот, хватит. Дай мне их подлатать, — вмешался Хэмнет.

— О да, конечно, подлатай. Чтобы они могли снова сорвать наши планы и все испортить. Глупцы! — продолжал Живоглот. — Мы все могли погибнуть, вы хоть это понимаете? Вы отдаете себе отчет, что еще одна такая выходка — и все? Не будет нас — не будет противоядия... И тогда прощай, Подземье!

— Все, хватит! — произнес Хэмнет. — Просто сядь тут и успокойся.

Живоглот отошел в сторонку, но успокоиться не мог. Он что-то бормотал себе под нос, потом неистово ругался на Грегора и Коготок, снова ворчал что-то едва слышно — и вновь кидался на провинившихся... И так продолжалось довольно долго.

Хэмнет велел Газарду принести чистой воды: в глаз Коготок попал яд из стручка. Он достал аптечку, намазал пальцы на ноге Грегора голубой мазью и наложил повязку из чистой белой ткани.

— Болит? — спросил он.

— Нет, совсем нет, — ответил Грегор.

Больно и правда не было — он чувствовал только какое-то странное покалывание в кончиках пальцев, будто от электрического тока. И все.

— Ничего, заболит, — утешил его Хэмнет, покачивая головой.

— Вода почти закончилась, — сообщил Газард.

— Я принесу еще бурдюк, лей! — ответил Хэмнет. Потом встал и оглянулся. — Найк, а где остальные бурдюки?

— Они остались там, у растений. Лианы сдернули их с моей спины, — ответила Найк.

— Стоп! — Хэмнет резко обернулся и поймал Газарда за запястье — но было уже поздно: последняя порция воды уже выливалась из бурдюка.

— Что, пап? — спросил Газард испуганно. — Я сделал что-то не так?

— Нет. Нет, малыш, ты сделал все, как я сказал, — ответил Хэмнет, проводя рукой по его голове. — Просто вода... Это был наш последний

бурдюк.

ГЛАВА 18

— Что?! — переспросил Живоглот.

— Найк потеряла бурдюки с водой, когда летела на помощь. А то, что оставалось, мы использовали для промывания ран, — ответил Хэмнет.

— Значит, воды тоже нет, — резюмировал Живоглот. Помолчав, он обратился к Хэмнету: — И как долго мы можем протянуть без воды, скажи на милость?

Хэмнет качнул головой:

— Недолго. Как минимум пара дней уйдет на то, чтобы добраться до источника, где можно набрать чистой воды. И мы должны это сделать в первую очередь.

— У меня есть немного воды. — Грегор с трудом принял сидячее положение и потянулся к рюкзаку. Достав бутылку ледниковой воды, сказал: — Это не много, но все же...

— Что ж, она может спасти наших малышей от жажды. Маленькие дети страдают от обезвоживания сильнее, чем остальные, — произнес Хэмнет, забирая бутылку. — Ну а нам не остается ничего другого, как потерпеть.

Грегор кивнул. Разумеется, вода должна достаться Босоножке и Газарду. А с ним все будет в порядке. Он обходится без пищи — обойдется и без воды. Ничего, как-нибудь.

— Вы нашли что-нибудь съестное? — спросил он с надеждой.

— Нет, ничего, — сказал Хэмнет.

— Пролаза сказал... Он говорил, что эти фрукты съедобные и что он очень хорошо может отличить их по запаху, — произнес Грегор виновато.

— Ах вот как? Тогда, может, стоит вернуться и набрать пару корзин? — саркастически осведомился Живоглот.

— Ну, по крайней мере у нас есть немного воды, — сказал Хэмнет почти дружески. — Это все меняет. Отличная идея взять ее с собой.

— Это Марет придумал. Он сказал, что чистую воду нелегко найти, — ответил Грегор.

— Марет? — удивился Хэмнет. — Так он умудрился остаться в живых?!

— Да, правда, потерял ногу. В нашем походе за Мортосом, — уточнил Грегор и вдруг понял, что Марет и Хэмнет примерно одного возраста. — А вы были друзьями?

— Да, — коротко сказал Хэмнет, вертя в руках бутылку и слишком внимательно разглядывая ее.

Ничего уточнять он явно не собирался. На языке у Грегора вертелся не дающий ему все это время покоя вопрос: почему Хэмнет бежал из Регалии, где была его семья, почему предпочел жизнь в одиночестве, жизнь, полную опасностей? И что значили слова, которыми он ответил на предложение Викаса вернуться в Регалию и на его вопрос, что он здесь может делать такого, чего не может делать в Регалии: «Я не причиняю боли. Я больше не причиняю боли»?

Грегора тогда не придал значения его словам. А ведь их оказалось достаточно, чтобы Викас прервал разговор и отправился к своей летучей мышке. Какую же боль причинял Хэмнет? И кому?

Сейчас, глядя на него, такое и вообразить было невозможно. Хэмнет поднялся и убрал бутылку в сумку с аптечкой.

— Я знаю, вы все очень устали, — сказал он, — но мы должны немедленно двинуться в путь, чтобы как можно скорее достичь источника с чистой водой. Ты сможешь идти? — спросил он Грегора.

— Он сможет, — ответил за Грегора Живоел. — И Коготок тоже. И я не хочу слышать никаких возражений ни от одного из них двоих.

Хэмнет намазал глаз Коготок какой-то мазью. Для лапы Найк он соорудил некое подобие фиксирующей гипсовой повязки из камней и ткани. Но когда он хотел дать ей лекарство из большой зеленой бутылки, она отказалась:

— Нет-нет, я не хочу себя дурманить. Только не здесь.

Хэмнет пробовал было ее уговорить, но она твердо стояла на своем.

— Хорошо, — сдался наконец Хэмнет. — Пусть твоя голова остается ясной и светлой. Но ты поедешь на Гребешок.

— Я могу лететь, — возразила Найк.

— Ты можешь лететь, но теперь не можешь как следует приземляться. А земля слишком твердая, Найк, чтобы на нее падать. Садись на Гребешок, Найк. И постарайся поспать, — велел Хэмнет.

Грегора помог ему устроить Найк в удобной лежачей позе на спине Гребешок: они закрепили ее полосками перевязочной ткани, чтобы она не могла ни сползти, ни упасть.

— Прости. Прости за все это, — сказал ей Грегора.

— Это за что же? — спросила Найк. — Я сейчас очень мило подремлю со всеми удобствами, пока вы будете тащиться пешком. Да мне впору благодарить тебя!

Эта ее бравада, ее желание в любых обстоятельствах оставаться

крутой заставили Грегора еще острее почувствовать свою вину.

Газард вскарабкался на свое место на шее Гребешок и, положив голову на гребень, снова уснул. А Босоножка, которую Грегор как можно осторожнее переложил на спину Темпа, даже не шелохнулась во сне. Грегор надеялся, что она проспит подольше, ведь теперь и малышам предстояло голодать вместе со всеми.

Его ботинки были безнадежно испорчены ядом этих отвратительных стручков. Сквозь проеденную насквозь кожу Грегор видел пальцы своих ног и повязки на них. Идти в ботинках дальше было невозможно, и Хэмнет стянул с себя сандалии из змеиной кожи.

— Вот, Грегор, надень, — сказал он.

— А как же ты? — в нерешительности спросил Грегор.

— Со мной все будет в порядке. Я довольно долго ходил босиком, пока мне в голову не пришла идея изготовить сандалии из кожи змеи. А вот тебе обувь просто необходима, иначе твои повязки не будут держаться, — ответил Хэмнет.

— Спасибо, Хэмнет, — с чувством сказал Грегор, натягивая сандалии.

На самом деле они были больше похожи на носки, эти сандалии, но все-таки они давали хоть какую-то защиту его непривычным к земле ногам.

Коготок все лежала без движения там, где Живоглот бросил ее на землю, будто у нее не было сил пошевелиться. Схватка с плотоядными растениями стоила всем немало нервов и сил, но ей было хуже, чем остальным.

— Эй, Коготок, как ты? — позвал он.

И сам устыдился своего дурацкого вопроса. Как она... Естественно, плохо, что уж там.

Пролаза погиб. И все ее дети могут погибнуть...

— Видишь ли, мы уже отправляемся в путь. Надо найти воду.

Коготок тут же встала и заняла свое место позади Гребешок — но сделала все это, не проронив ни звука. Грегор вспомнил свое состояние, когда пропала Босоножка. И какой была Люкса, когда Генри сначала предал ее, а потом погиб. И решил оставить Коготок в покое.

Тропинка, по которой они шли, становилась все уже и наконец совсем пропала. Теперь им приходилось буквально продираться сквозь заросли. Поначалу Грегору было совсем не сложно двигаться — сандалии Хэмнета оказались такими легкими по сравнению с его ботинками. Но вскоре он ощутил сильную боль в пальцах ног. Сначала это было покалывание, потом жжение, а потом ему стало казаться, будто его ноги охвачены пламенем. Но он молча шел вперед, стиснув зубы, потому что знал, что Живоглот

встретит любую жалобу с его стороны потоком ругательств или насмешек.

Должно быть, именно из-за того, что он знал, что у них больше нет воды, пить ему хотелось нестерпимо. Во рту пересохло, а на губах потрескалась кожа.

В Подземье жажда никогда особо не мучила его — чистая вода была здесь в изобилии, даже в Мертвых землях. А уж дома всегда можно было напиться холодной, прозрачной воды — прямо из-под крана.

Так они шли часа четыре, которые для Грегора превратились в четырежды четыре, и наконец остановились на привал, потому что проснулись Газард и Босоножка. Газард понимал, что у них нет воды, а Босоножка дергала Грегора за рубашку и канючила:

— Пить! Я хочу пить, Грре-го!

Она думала, он просто не слышит, раз не дает попить. Она была такая доверчивая, такая милая и беспомощная...

Когда Хэмнет в конце концов поднес бутылочку с водой к ее губкам, она присосалась к ней и выпила одним глотком чуть ли не треть, прежде чем ее успели остановить.

— Помедленнее, Босоножка, нам нужно оставить водичку на потом, — сказал Хэмнет, мягко забирая у нее бутылку.

— Исё! — потянулась она к бутылке.

— Нет, Босоножка, ты попьешь позже, — объяснил Хэмнет и дал Газарду сделать глоток.

Босоножка обиделась и повернулась к Грегору:

— Яблочный сок? — Голосок ее звучал жалобно и просяще.

— Нет, Босоножка, нет у нас яблочного сока. Ты лучше ложись и постарайся еще поспать, — сказал Грегор.

Она замолчала, но долго еще продолжала хныкать.

После небольшой передышки они снова двинулись в путь. Босоножка ехала на Темпе и как заведенная повторяла одно слово: «пить». Пить, пить, пить...

Когда это прозвучало в трехтысячный раз, Грегор не выдержал и заорал:

— У меня нет воды, Босоножка! И сока тоже нет! Ты поняла?

Это было неправильно. Босоножка залилась слезами, а ведь это ей грозило еще большей потерей столь драгоценной сейчас жидкости. Рев продолжался минут двадцать, пока Хэмнет не отдал ей остатки воды из бутылки. И тогда, утомившись от слез, ко всеобщему облегчению, она уснула.

Пальцы на ногах Грегора горели огнем, а ноги сводили судороги.

Сквозь тонкую подошву сандалий корни кололи пятки, а соль от пота попадала в раны и разъедала их.

И тут сзади раздался вкрадчивый голос Живоглота:

— И в этот раз с тобой ничего не случилось, так ведь, маленький яростник?

Грегор понял, о чем тот говорит, но не стал отвечать.

— О, я не хочу этого дара, Живоглот! — передразнил Живоглот тоненьким голоском. — Ты думал, что все можешь? Можешь ходить где вздумается — и все тебе будет нипочем. Ты думал, что неуязвим. Ведь ты яростник! Ну что ж, теперь все смогли убедиться, какой ты на самом деле слабак.

— Живоглот, прекрати, ему и так досталось, — раздался голос Хэмнета.

— Он должен понять, что был на волосок от смерти! — прорычал Живоглот.

— Да он понимает, — миролюбиво произнес Хэмнет. — Он понимает, что следовало хорошенько подумать, прежде чем что-то делать. Он не подумал. Но кто из нас не делал ошибок, Живоглот? Уж точно не ты. И не я.

И Живоглот наконец замолчал. Но Грегор знал, что все, сказанное Живоглотом, — чистая правда. Нет, он не думал, что неуязвим, но то, что он яростник, делало его более бесстрашным в опасных ситуациях. И в то же время приступы ярости по-прежнему вызывали у него тревогу — он не знал, как управлять ими, как их контролировать, они случались помимо его воли, и он был бессилен их предусмотреть. Получалось, что они управляли им — и оттого он чувствовал себя... беспомощным.

Дорога была тяжелой, но Грегор собрался с мыслями и стал анализировать случаи, когда трансформация происходила, и те, когда ее не случалось. До своего первого попадания в Подземье он никогда не дрался — поэтому ничего подобного с ним случиться не могло.

Когда Живоглот напал на него в туннеле, трансформация не произошла. Но тогда все случилось очень быстро, к тому же Грегор почти сразу сообразил, что это именно Живоглот.

Когда летучая мышь упала на стадион, ситуация была более чем опасная — но ничего похожего на приступ яростничества тоже не произошло, да и драться ведь было не с кем, разве что с блохами.

Потом был этот случай с лягушками. Он знал, что Босоножке угрожает опасность. И источник опасности был вполне очевиден.

А эти растения... они напали так внезапно... Может, ответ кроется в

этом? Может, он становится яростником лишь тогда, когда отчетливо понимает, откуда исходит угроза?

Но тогда как объяснить, что произошло с ним в самый первый раз, когда он сражался всего-навсего с «кровяными» шариками? Тогда-то никакой опасности не было.

Это означает, что никакой закономерности нет — или он ее не видит. Это была последняя отчетливая мысль, которую он осознал. Следующие несколько часов, а может, дней он только ощущал: боль, страх и растерянность — от непонимания, где он находится.

Он должен был идти. А потом лежать, уткнувшись лицом в траву, не обращая внимания на жгучую боль в ногах. Чувствовать, как Хэмнет мажет маслом его потрескавшиеся губы, меняет ему повязку. Слышать, как Босоножка сначала плачет, потом что-то тихонько шепчет, а потом просто лежит неподвижно на спине у Темпа. Чувствовать чудовищную жажду и мечтать о глотке воды... воды с белоснежных ледников, которых он никогда не видел и никогда не увидит, наверное...

Идти... Идти... Идти...

Язык распух, голова раскалывалась от боли, сердце вырывалось из груди... желудок свело от голода. Он спотыкался о лианы, засмотревшись на ручки сестренки, безвольно свисавшие со спины Темпа. Босоножка... она спит... или без сознания? Или... Или мертва?

Нет, она не мертвая, грудка ее вздымается и опадает, она часто дышит, ее потрескавшиеся губки, смазанные маслом, посинели...

И вдруг — голос Живоглота, слабый и хриплый:

— Я чувствую чистую воду...

Грегор не мог оставаться на месте. Вслед за Живоглотом и Коготок он рванулся в джунгли, преодолевая дикую боль в ногах.

Он услышал, как шумит вода. Не тихое, едва слышное журчание, которое доносилось из расщелин и день за днем сводило их с ума... Нет, это был мощный, жизнеутверждающий звук, исторгаемый водным потоком.

Крысы уже бежали бегом, а Грегор тащился за ними. Он уже видел воду, стекавшую по большому камню и образовавшую небольшое озеро у его подножия... видел песочный пляж...

И вдруг...

— Назад! Назад! — раздался встревоженный крик Живоглота.

Грегор видел, как Живоглот и Коготок отскочили, словно перед ними разверзлась земля.

Механически, словно робот, Грегор продолжал идти вперед, хотя и слышал крик Живоглота, который пытался его остановить. Ноги его

отяжелели и отказывались идти, и он с удивлением обнаружил, что увяз в чем-то по самые лодыжки. Потом это «что-то» подобралось к коленям — и волна адреналина вернула к жизни его мозг.

— Зыбучие пески! — закричал он, отчаянно пытаясь выбраться из ловушки.

Но у него ничего не вышло — он уже увяз слишком глубоко.

— Перестань дергаться! — приказал Живоглот. — Так ты только глубже провалишься!

— Плыть! — закричал Грегор. — Надо плыть!

Он вспомнил, что зыбучие пески похожи на воду. Если бы он мог лечь на спину — он бы выплыл и без посторонней помощи, но сейчас было уже слишком поздно: его засосало по бедра, и у него не было шансов выбраться из песков самостоятельно.

— Хэмнет! — позвал Живоглот. — Хэмнет, сюда!

Живоглот вел себя правильно: он встал на все четыре лапы и не двигался, найдя безопасное место. А вот Коготок была в панике. Ее хаотичные резкие движения привели к тому, что она оказалась в песке уже по шею. Грегор протянул руку и ухватился за лиану. Сначала ему удалось приподнять себя дюймов на шесть, но лиана оборвалась, и он еще глубже погрузился в песок.

— Найк! — крикнул он. — Найк!

Справа от него раздался шум — помощь пришла! Но черные блестящие глаза, смотревшие на него из зелени, не были ему знакомы. Сначала Грегор решил, что это крысы. Потом увидел, что морды у этих существ меньше, чем у крыс, а кости черепа явно тоньше.

Мыши! Это, должно быть, мыши!

— Помогите! — крикнул Грегор. — Помогите же!

Но мыши не шелохнулись. Кто-то спланировал сверху, перевернулся в воздухе, сделал сальто и мастерски приземлился на крохотное свободное пространство между двумя мышами.

И Грегор, еще не видя, знал кто. Одежда превратилась в лохмотья, бледная кожа была сплошь покрыта синяками и царапинами. Длинный шрам прорезал лицо от левого виска до подбородка. Но на голове все еще гордо поблескивал золотой ободок. И эти сиреневые глаза...

Да, он узнал бы их из тысячи.

— Люкса!

Даже в своем отчаянном положении он чувствовал, что его переполняет радость. Она жива!

Он улыбнулся, и кровь потекла из его растрескавшихся губ.

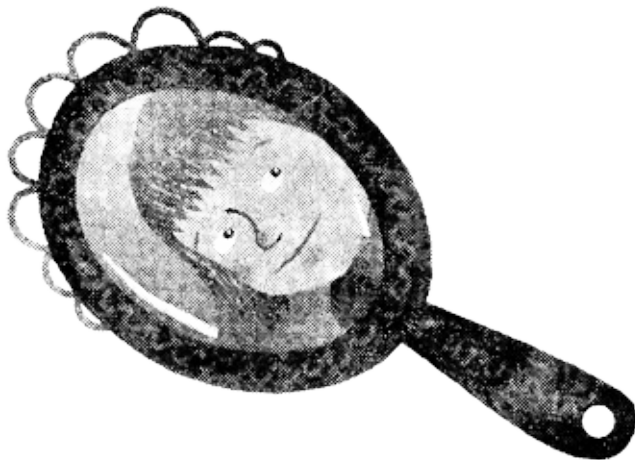
— Люкса!

Он протянул ей руку — ведь сейчас она его спасет! Но Люкса не протянула в ответ своей руки. Она не легла на берег и даже не протянула ему лиану. Нет.

Сложив руки на груди, она спокойно смотрела, как Грегор увязал в зыбучих песках.

ЧАСТЬ 3

ЗЕРКАЛО

ГЛАВА 19

— Люкса! Что ты делаешь?! — задохнулся Грегор.

— Что *ты* делаешь, Наземный? Здесь, в джунглях, в обществе крыс? — холодно осведомилась Люкса.

О чем она? И что вообще происходит?

— Крысы нужны нам! — с жаром произнес Грегор. — Как ты не понимаешь!

— Ну уж нет, я понимаю! Я понимаю, что ты сохранил жизнь Мортосу. Понимаю, что ты отдал его под защиту Живоглота. И что еще я должна, по-твоему, понимать? — спросила она.

Вот оно что! Как и почему она оказалась здесь, Грегор не имел ни малейшего понятия. Но зато Люкса очень много знала о том, что происходит в Подземье, она вон и про Мортоса слышала.

— Нерисса говорит, я поступил правильно, — сказал Грегор.

Больше он сказать ничего не мог, песок уже подобрался к подбородку.

— В Подземье чума, ты знаешь об этом? Ты, самоуверенная сопля! Мы ищем противоядие! Давай вытащи нас отсюда! — прорычал Живоглот.

— Чума? — эхом повторила Люкса. Брови ее нахмурились, но она по-прежнему оставалась неподвижной. — Я не слышала ни о какой чуме!

— Серьезно?! Ну, если здесь всех так принимают, я не удивлен, что никто не успел и слова об этом сказать, — заметил Живоглот. — Все Подземье только о том и говорит!

— Юдит! — услышал Грегор голос Хэмнета. — Помоги им!

Хэмнет, пробежав до зыбучих песков, резко остановился и пристально смотрел теперь на Люксу. Она обернулась с выражением неподдельного удивления на лице.

И когда они вот так смотрели друг на друга, Грегор, несмотря на свое бедственное положение, вновь поразились их сходству.

— Я не Юдит! — сказала Люкса, неожиданно смутившись.

— Да, конечно, — ответил Хэмнет, хватая и проверяя на прочность лиану с ближайшего дерева. — Моя сестра никогда бы не бездействовала, видя, как погибают те, кто так много для нее сделал.

Грегор успел что есть силы вцепиться в лиану, и Хэмнет рывком выдернул его из зыбучих песков. И вот уже Грегор лежит на траве, весь в песке, жалкий и обескураженный, и смотрит, как спасают остальных.

Хэмнет срубил еще одну лиану, достаточно длинную для того, чтобы

Живоглот мог до нее дотянуться, и крыс осторожно выбрался на безопасное место.

Но где же Коготок? От нее на поверхности песка оставались лишь краешек головы да передняя лапа, судорожно дергавшаяся в воздухе. Хэмнет кинул ей лиану, и она ее почуяла, но никак не могла ухватить.

— Коготок! — отчаянно кричал Хэмнет.

— Коготок! — ревел Живоглот. — Хватай лиану!

Ничего не получалось — она шла ко дну. Уже и лапы не было видно, и дергающийся нос скрылся в песке, когда сверху вдруг налетела Найк. Она сунула здоровую лапу в песок и подцепила крысу. Потом начала бешено махать крыльями. Медленно, очень медленно она вытаскивала бедняжку из песка. В конце концов высвободилась ее голова.

— Но я не смогу ее выдернуть! — крикнула Найк. — Нужна помощь!

Хэмнет снова кинул лиану, но Коготок даже не попыталась ее поймать.

— Коготок!

— Да очнись же, Коготок! — рявкнул Живоглот. — Ты должна ухватиться за лиану — и мы вытащим тебя!

Коготок вдруг сказала:

— Нет... отпустите меня... дайте мне умереть!

— Дать тебе умереть? После того как я в поте лица спасал тебя от этих прожорливых растений? Ну уж нет, дорогая, изволь напрячься и делать то, что я велю! — приказал Живоглот.

Но Коготок лишь слабо качнула головой:

— Нет... я не хочу...

Грегор понимал, что с ней происходит. Ей и правда пришлось нелегко: голод, гибель ее малышей, изнурительная экспедиция, гибель Пролазы... И теперь Коготок решила, что с нее достаточно.

— Нет! — воскликнул он. — Не сдавайся! Коготок!

Она не отвечала. Все слова теперь ничего не значили для нее. И все же он знал несколько слов, которые могли все изменить.

— А как же Мушка? И Шурушка? Ты о них подумала?

Глаза Коготок распахнулись, и в них отразилось отчаяние.

— Мои малыши! — простонала она.

— Да, твои детки, твои щенки! Ты нужна им, Коготок! — подхватил Живоглот. — Так что давай-ка собери все силы — и хватайся за лиану!

Коготок высвободила переднюю лапу и ухватила за лиану. Живоглот и Хэмнет уперлись ногами в берег и с помощью Найк наконец вытащили крысу из песка.

Она лежала рядом с Грегором, шкурка ее была вся покрыта песком.

— Значит, это и есть моя племянница? — сердито спросил Хэмнет Живоглота, поворачиваясь к Люксе.

— Ты же видишь, это она! Она так похожа на твою сестру! — ответил Живоглот.

— Хэмнет! — произнесла Люкса. — Ты Хэмнет? А мы думали, ты умер.

— А мы думали, что *ты* умерла, Люкса. И конечно, никто не думал, что ты можешь дать погибнуть своим товарищам, — сказал Хэмнет.

— О, могу поклясться, нам сейчас придется поприсутствовать при очередной семейной сцене! — закатил глаза Живоглот. — Впрочем, это может подождать. А сейчас, твое величество, дай нам пройти к воде, быстро! Иначе я разорву тебя на части, тебя и твоих зубастых друзей.

Грегор почувствовал, как его поднимают и куда-то несут.

Гребешок. На ее спине он был один. Через минуту он услышал звуки плещущейся воды и увидел перед собой Живоглота.

— Давай-ка, Воин. Слезай. И не дай себе засохнуть! — сказал крыс.

Грегор сполз с ящера, встал на четвереньки и пополз на чарующий звук. Чистый ручей стекал по камню, образуя небольшое озерцо.

Грегор окунул лицо в воду и широко открытым ртом начал ее глотать, больше, больше, чтобы напитать живительной влагой тело. На секунду поднял голову, сделал вдох — и снова опустил ее в прохладу, в воду... в жизнь...

Когда наконец утолил жажду, он смог осмотреться по сторонам. Все они находились сейчас на большой каменной плите, что тянулась за озером. Люксу и мышей не было видно. Живоглот, Найк, Газард, Гребешок и Темп лежали, припав к воде, как только что Грегор. Хэмнет наполнил водой бурдюк и напоил Босоножку. Вслед за ней попила и Коготок.

Грегор подполз к сестренке.

— Она... в порядке? — спросил он с замиранием сердца.

— С ней все будет хорошо, Грегор, как только она получит достаточно еды и воды, — ответил Хэмнет.

Грегор уткнулся носом в ее плечико. Босоножка открыла глазки и слабо улыбнулась.

— Эй, привет, — прошептал он.

Губки Босоножка раскрылись, чтобы ответить, но звука не получилось.

— Я тоже могу их поить, — сказал Грегор. — Тебе ведь самому следует поскорее утолить жажду.

— Да я уже напился, — отмахнулся Хэмнет. — Пока воду в бурдюк набирал.

Выглядел он неважно, но по сравнению с другими держался молодцом. Грегор, глядя на него, подумал, что это, по-видимому, объясняется долгой жизнью в джунглях.

— Тебе стоит смыть с себя песок, пока он не застыл, Грегор, — напомнил Хэмнет.

— Да, он прав, — отозвался Живоглот. — Эта штука скоро застынет и станет твердой, как цемент.

С этими словами крыс прыгнул в озеро и принялся вертеться, смывая с себя остатки песка и замутив чистую прозрачную воду.

— Те, кто хочет пить, — подходите, я дам воды из бурдюка. Пока не осядет песок, — быстро сказал Хэмнет.

Глядя, как Живоглот плещется в озере, Грегор, пошатываясь, поднялся и тоже шагнул в водоем. Он подумал, что надо бы раздеться, но одежда его была пропитана потом, а сверху присыпана песком, и он засомневался, что сможет ее снять. Поэтому он просто прыгнул в воду.

А-а-а-ах! Это было здорово! Прохладная, ласковая вода буквально вернула его к жизни.

Водоем был довольно глубокий — и он мог плавать. Он ушел с головой под воду и проплыл там, потом вынырнул на поверхность и снова нырнул — и снова плыл — и снова нырял... Через несколько таких погружений большая часть песка с него смылась. Тогда он уселся на берегу и начал стягивать с себя одежду.

Особых усилий стоило стащить сандалии из змеиной кожи: пальцы на ногах распухли и стали каждый размером с грецкий орех, а еще всюду был песок. Ему пришлось сначала сунуть ноги в воду и подержать их там — только тогда он смог отодрать повязку.

Кое-где кожа слезла большими лоскутами. Но там уже виднелась нежная розовая кожица — новая, появившаяся на смену старой.

Грегор подплыл к ручью, что падал отвесно вниз, и прислонился к камню, моясь словно под душем. Так он стоял довольно долго, пока не удостоверился, что ни песчинки не осталось на его измученном теле.

Тогда он собрал одежду и разложил ее на каменном плато, просыхать.

Появилась Люкса, она тащила за хвосты несколько больших рыб и что-то несла в подоле рубашки. Когда она опустила подол, большая гроздь круглых желтых ягод вывалилась на землю. Она положила рыбу рядом с ягодами и выбрала самую большую рыбку.

— Я зажарю ее для Босоножки — ей нельзя есть сырую, — сказала она как ни в чем не бывало.

Трудно было не накинуться на еду в ожидании, пока Хэмнет разделит

ее между всеми.

Грегор оторвал, от грозди четыре желтых ягоды. Он с опаской надкусил кожицу — и нежнейший вкус спелой сливы наполнил рот.

Посадив Босоножку на колени, он попытался сунуть ей сливу. Сначала она казалась безучастной к происходящему, но как только почувствовала во рту вкус фруктового сока — ее лицо просветлело. Она схватила Грегора за руку, выцарапала у него сливу и запихала ее в ротик, чуть не подавившись косточкой.

— Сэ — сива, — сказала она, слизывая с пальчиков сладкий сок. — Исё сива?

И Грегор с удовольствием насыпал ей еще несколько плодов в подставленные ладошки.

Рыба тоже оказалась очень вкусной.

В прошлом походе Грегор испытывал трудности с употреблением в пищу сырой рыбы — на этот раз он накинулся на прохладную плоть не раздумывая. Несколько кусков рыбы Люкса нанизала на свой меч и пожарила над огнем лампадки для Босоножки. Она даже выжала из золотых слив сок и сбрызнула им рыбу, чтобы было вкуснее.

— Попробуешь рыбку, Босоножка? — спросила она, даже не взглянув на Грегора и дуя на поджаренные кусочки.

— Дя-а-а! — закричала малышка и жадно откусила большой кусок. — А где крррыса? — спросила она у Люксы и приложила ручку к носу. — Ой!

— Ты спрашиваешь про Вертихвостку? — спросила Люкса, и Босоножка кивнула.

Грегор вдруг вспомнил, что Люкса и его сестренка в последний раз виделись в Лабиринте. И тогда с ними была Вертихвостка, у которой был поврежден ее необычайно чувствительный нос.

— Не знаю, — отвела глаза Люкса.

— О, моя славная Вертихвостка! — вмешался в беседу Живоглот. — Где вы с ней расстались, ваше величество? Готов поспорить — она лежит мертвая в Лабиринте... Ах, какая жалость! Может, у нее и в самом деле был несносный характер — и потому никто по ней и не скучает... Но нюх! Нюх-то у нее был поистине необыкновенный!

— Я, — сердито сказал Грегор. — Я по ней скучаю.

Ему нравилась Вертихвостка, и для него не имело никакого значения, что она крыса.

— О, я и забыл, что ты стал таким чувствительным! — продолжил Живоглот. — Но ведь для тебя, ваше величество, это всего-навсего еще одна мертвая крыса, не так ли?

Люкса не удостоила его ответом. Она ни на кого не обращала сейчас внимания, кроме Босоножки. Непонятно, с чего она так взъелась на Грегора. Из-за того, что тот не убил Мортоса? Но ведь он сказал ей: Нерисса считает, это было правильно. Из-за того, что Грегор путешествует в обществе крыс? Но ведь беда их всех объединила, перед чумой и смертью они равны, и все они хотят спасти себя и своих близких. А это так понятно!

Или все дело в том, что Хэмнет был с ней резок? Да, видимо, ей это не понравилось. И еще ей, возможно, не понравилось, что нашли ее не потому, что искали, — а в силу случайного стечения обстоятельств. На ее поиски даже не думали снарядить экспедицию. Это и в самом деле обидно! Вот она и рассердилась на всех и вся.

Но где ее летучая мышь, Аврора? Должно быть, погибла. Иначе почему Люкса не прилетела на ней в Регалию, а застряла в этих джунглях?

Грегор начал даже испытывать к Люксе сочувствие, но тут же вспомнил, как она безучастно смотрела, как его затягивает в зыбучие пески.

«Я для нее — пустое место», — с горечью подумал он. В глубине души ему трудно с этим смириться: ведь Люкса спасла ему жизнь. Но что еще важнее — она спасла жизнь Босоножке.

В любом случае Грегор не собирался сейчас вызывать ее на разговор, даже если Люкса только этого и ждала.

Когда Босоножка наконец наелась, Грегор решил искупать ее. Купание в основном заключалось в том, что, взяв ее на руки, он вместе с ней погружался в воду — сестренка была слишком слаба, чтобы плескаться в водичке. Но все же он не сомневался, что купание пойдет ей на пользу. Когда вынес ее из воды, он переодел Босоножку, соорудил ей из одеяла гнездышко, и она тут же провалилась в сон. А он постирал ее одежды, а когда разложил их сохнуть на каменном плато, почувствовал ужасную усталость, вытянулся рядом с Босоножкой — и отбыл в страну Морфея.

Грегор понятия не имел, сколько он спал. Проснулся же он от шума. Живоглот кричал на Коготок. Она так и лежала без движения с того самого момента, как ее вытащили из зыбучего песка. Она не пошевелилась даже тогда, когда ее подтащили к озеру. Хэмнет поил ее водой — но добрая половина воды пролилась напрасно. К еде она не притронулась. И не сделала попытки искупаться, поэтому шерсть ее все еще была в песке. Словно воля к жизни закончилась у нее там, в зыбучих песках, с последней попыткой вырваться оттуда. А теперь отчаяние вновь одолело ее, не оставив места для других чувств.

— Давай же, Коготок, вставай! Ты должна избавиться от этого песка поскорее! — приказал Живоглот.

Она никак не отреагировала. Он попробовал еще и еще раз привлечь ее внимание — но тщетно. Тогда Живоглот зарычал:

— Отлично! Если ты и дальше собираешься здесь валяться, я сам тебя помою! — с этими словами он схватил ее за загривок и швырнул в озеро.

Коготок задержалась, вращая глазами, словно пытаясь понять, где она и что происходит, и попыталась выбраться из озера, но он опрокинул ее обратно.

— Быстро приведи себя в порядок! Расчесывайся! Вода не может добраться до твоей шкуры через этот песчаный панцирь! И ты должна когтями соскрести с себя песок — пока у тебя лапы не окаменели! — орал Живоглот.

Но Коготок осталась безучастной, теперь она просто лежала в воде, уже не делая попыток выбраться на сушу. Живоглот грозил ей всякими карами и даже пообещал откусить ей ее необыкновенный нос, но тут вмешался Грегор.

— Перестань! — сказал он.

— Э-э-э-э... Как ты сказал? Прости, я не расслышал! — удивился Живоглот.

— Перестань! Оставь ее в покое. Ей плохо — ты можешь это понять?

— Вот что я тебе скажу, доблестный воин. Потом, позже, когда мы все будем в безопасности, я постараюсь быть более приятным. Нет, я обещаю быть самым милым на свете! Но сейчас, в этот момент, я не могу позволить себе быть добреньким, — ответил Живоглот. — Она умеет драться, а мы поминутно рискуем попасть в западню здесь, в Виноградниках. Она нужна нам всем! Кто прикроет меня в случае чего? Младенцы? Раненая летучая мышь? Таракан? Пацифист, не желающий и слышать о драке? Или, может, отмороженный яростник, а? От вас нет никакого толка! А Коготок... Она почистит свою шерстку, если я крепко ее хватану. А если не станет — я сам вычищу ее, но не обещаю, что она при этом ничего не почувствует!

И он осклабился, словно собираясь ее укусить. Тогда Грегор сжал в кулаке сливу, которую верный Темп принес для Босоножки, и запустил этой сливой Живоглоту между глаз.

Живоглот смотрел на него, будто не веря, что это произошло на самом деле.

Ему не было больно — Грегор и размахнуться-то не сумел, да и слива была небольшая.

Но Живоглот был поражен — редко кто отваживался дать ему отпор.

— Что это было? — спросил он, моргнув.

— Я сам займусь ее шерстью, — сказал Грегор. — Я сам ее вычешу.

Он достал расческу, что дала ему для Босоножки Далеи, и направился к безучастному существу, которое за все это время даже не пошевелилось.

— Ты?! Ты ее вычешешь?! — И Живоглот расхохотался.

— А что? — с вызовом повторил Грегор.

Ему приходилось вычесывать собак, это дело нехитрое.

— Ну, я хочу на это посмотреть! — протянул Живоглот и устроился поудобнее на берегу.

Коготок даже не пошевелилась, когда Грегор вытаскивал ее из озера. Пока она плавала там, в воде, самые большие затвердевшие куски песчаного панциря отвалились, и все же до ее шкурки добраться было нелегко. Грегор не знал, с чего начать. Во-первых, она была гораздо крупнее любой собаки из тех, что он в своей жизни встречал. А во-вторых — она была мокрая.

И все же он не мог отступить. Грегор взял свою рубашку, все еще мокрую, вытер спину крысе, чтобы с нее не текла вода. Потом вооружился расческой и стал осторожно скрести ею мокрую шерстку.

Живоглот был прав. Местами песок все-таки высох и превратился в панцирь, крепко сковавший ее тело. Грегору понадобилось немало времени, пока он привел в порядок участок размером с ладонь.

«Ну и дела! Да на это уйдет целая вечность!» — в отчаянии подумал он.

Но Живоглот не сводил с него глаз — и он продолжил свою работу. Смотрели на них и другие.

Все его спутники уже проснулись и теперь заинтересованно наблюдали, как Грегор расчесывает бурую шкурку. А из зарослей за ним следили блестящие черные глазки-бусинки любопытных мышей. Он не мог ее видеть, но точно знал: Люкса тоже откуда-то из глубины джунглей за ним наблюдает. С издевкой, в этом нет сомнений.

Когда шкурка немного подсохла, дело пошло веселее. Руки болели от напряжения, но пальцам было приятно касаться шелковой шерстки. Кто бы мог подумать, что у крысы она такая мягкая и нежная! Ничего приятнее Грегору трогать не доводилось.

Закончив со спиной, Грегор обошел вокруг и впервые заглянул ей в глаза. Похоже, она была испугана и смущена.

— Теперь я расчешу тебе живот, — сказал Грегор. — Тебе придется лечь на спину.

Словно под гипнозом, Коготок покорно перевернулась, не сводя с него настороженного взгляда. Он даже подумал, что в случае чего она легко откусит ему голову. Но крыса была так слаба — и так печальна, что эта

мысль тут же его и покинула.

Все так же глядя на него в упор, Коготок вдруг шепнула:

— Как ты думаешь, они... живы? Мои Мушка и Шурушка...

Точно такой вопрос она совсем недавно задавала Пролазе.

— Думаю, да. Уверен, что да, — ответил Грегор. Он попытался вспомнить, что говорил Пролаза. — У них ведь теперь есть эта желтая пудра. И... там есть кому о них позаботиться.

— Да, есть кому позаботиться, — прошептала Коготок. — О моих крошках.

— А теперь постарайся поспать, — попросил Грегор. — Ладно?

Она несколько секунд смотрела на него, помаргивая, а потом — удивительно! — закрыла глаза и уснула.

Грегор со щемящей тоской вспомнил о маме. Она, вероятно, уже больна. И Говард. Нивива говорила, у летучих мышей инкубационный период дольше, так что Андромеда еще, возможно, в порядке. А Арес?

Надо смотреть правде в глаза — скорее всего его уже нет в живых. Грегор почувствовал острую боль от этой мысли — и поскорее отогнал ее от себя.

Он не имел права думать об этом сейчас. Он молча расчесывал и разглаживал шерстку спящей крысы, пока каждый сантиметр не стал на ощупь мягким и нежным, как бархат.

Да, смешно получается... они с Коготок — будто стороны одной медали. Мать, спасающая своих детей, — и ребенок, спасающий свою мать. И несмотря на все различия, Грегор чувствовал, что между ними с той ночи, когда он невольно подслушал их с Пролазой разговор, установилась особая связь. С той ночи, когда они лежали без сна, вглядываясь в темноту, и думали о тех, кого любили.

Да, Коготок на какой-то момент дала слабину — но ведь она не железная. Ей показалось, что она не в силах вынести то, что ей приходится выносить. Это чувство было знакомо Грегору — именно потому он не позволил Живоглуту быть с ней грубым. Грегор хотел поддержать ее. И объяснить это всем, кто за ними наблюдал.

Но у него не находилось подходящих слов. Вместо слов он взял расческу и расчесал собственные волосы, не ополоснув расческу после крысиной шкурки.

ГЛАВА 20

Еда, вода и здоровый ночной сон произвели чудесные изменения в состоянии Босоножки. Она проснулась с улыбкой и тут же потребовала завтрак.

К этому времени Хэмнет и Живоглот уже вернулись. Они ходили на поиски пищи — принесли много рыбы, золотистых слив и даже грибов.

Хэмнет развел небольшой костер, используя в качестве дров сухие лианы.

— А ты уверен, что стоит разводить огонь? — с тревогой спросил Грегор, обводя взглядом джунгли.

— Не волнуйся, Грегор, в этой части леса растения безвредны, — улыбнулся Хэмнет.

Он пожарил на огне несколько рыбин, предварительно замариновав их в сливовом соке.

Ничего вкуснее в своей жизни Грегор не пробовал.

Все сытно позавтракали. Только Коготок все еще спала как убитая.

— Пускай спит, — сказал Хэмнет. — Поест, когда проснется.

Босоножка просилась плавать, и Грегор отправился с ней к озеру. Он держал ее в воде, пока она бултыхалась и практиковалась в пускании пузырей, наклонив голову в воду. Когда же Босоножка утомилась, она еще раз поела и побежала играть в мячик с Темпом и Газардом.

Хэмнет, воспользовавшись моментом, подозвал Грегора — надо было проверить его раны на ногах.

— Они подживают, но все-таки будь осторожен, главное сейчас — не занести инфекцию, — сказал Хэмнет.

Он снова смазал пальцы Грегора голубой мазью, сменил повязку и помог надеть высохшие сандалии.

Затем подошел к Найк.

— Ну, как твои дела? — спросил он.

— Не так уж плохо, — ответила она, но не смогла удержаться от стона, когда он слегка коснулся ее когтя.

— Найк, — строго произнес Хэмнет, — мы задержимся здесь как минимум еще на день. Прошу тебя, прими обезболивающее. С ним ты сможешь отдохнуть.

На этот раз Найк не возражала. И Грегор подумал, что ей, должно быть, действительно приходится нелегко.

Хэмнет пошарил в аптечке, нахмурился, высыпал содержимое на землю и осмотрел каждую бутылочку и баночку.

— Где же оно? Где лекарство?!

Большой зеленой бутылки в аптечке не оказалось.

— Кто-нибудь брал обезболивающее?

Все молчали. Непохоже, чтобы кто-либо из них взял это лекарство, никому ничего не сказав. Босоножка и Газард были для этого слишком малы, Темп, Найк и Гребешок не смогли бы открыть сумку с аптечкой, а уж тем более — бутылочку с лекарством. Крыса — та вполне могла бы залезть в сумку, но Коготок была все это время в таком состоянии, что ее подозревать было попросту глупо. Живоглот? Но у него ничего не болит, да и вряд ли он заинтересован в чем-то, что может затуманить его разум.

Грегор вдруг заметил, что Хэмнет смотрит на него, и понял, что он — самый вероятный подозреваемый. Он вполне может открыть сумку и бутылку. А боль в ногах вполне могла стать причиной, побудившей его украсть обезболивающее.

— Знаешь, Грегор, если бы ты попросил — я бы всегда дал тебе лекарство, — сказал Хэмнет. — Просто обычно мы оставляем его для совсем нестерпимых болей.

— Я не брал его, Хэмнет, — сказал Грегор, стараясь, чтобы голос не дрожал от обиды. — Можете проверить мои вещи.

Живоглот подскочил к нему.

— Открой рот! — скомандовал он.

И Грегор покорно открыл, не понимая, зачем он это делает. Тот потянул носом, нюхая воздух.

— Он не принимал лекарство, Хэмнет, — сказал Живоглот.

— Прости меня! — Хэмнет выглядел смущенным. — Что ж, выбор у нас небольшой...

Но прежде чем Грегор успел спросить, что Хэмнет имел в виду, Босоножка сильно подкинула мячик, и тот улетел прямо в джунгли.

Газард кинулся было за ним, но Грегор схватил его за плечо:

— Нет, Газард, лучше я его принесу.

Он не хотел, чтобы дети отходили далеко отсюда — даже если растения вокруг действительно безвредны.

ГЛАВА 21

Поначалу они шли по тропинке, такой узенькой, будто ее протоптали маленькие мышьиные лапки, бегающие от своих гнезд к водопою и обратно. Но очень скоро и этой тропки видно не стало, все вокруг заполонили лианы, и путники снова продирались сквозь заросли. Идти здесь было труднее, лианы росли тут еще гуще. Временами Грегор даже не видел тех, кто шел впереди, — столь густая здесь была растительность. Поэтому он держался вплотную к Темпу и Босоножке, чтобы быть уверенным, что не потеряет их в этой чащобе.

Для удобства Хэмнет присвоил каждому номер, соответствовавший месту каждого в цепочке, и время от времени устраивал переключку.

Босоножке это ужасно нравилось, и она всегда с готовностью кричала свое «Девять!». Зато на Темпе переключка на время замирала. Темп никак не мог запомнить, что он — «номер десять», а также — что десять идет после девяти. Грегор знал, что умение считать не относится к достоинствам тараканов. Они даже простое сложение одолеть не могли. Но Босоножка, которая уже с легкостью считала до двадцати, лишь изредка сбиваясь, не могла не прийти на помощь своему верному другу.

— Темп, скажи «десять»! Скажи «десять», Темп! — кричала она всякий раз, когда он забывал свой номер.

Грегор надеялся, что это не обижает таракана. Во всяком случае, вид у того был скорее смущенный, чем обиженный.

В какой-то момент между переключками Грегор вдруг увидел перед собой Люксу.

— Как себя чувствует Аврора? — спросил он.

— Лучше, намного лучше, хотя, конечно, какое-то время она еще помучается, — ответила Люкса.

Она подождала, пока он подойдет совсем близко, и шепотом спросила:

— Грегор, этот мальчик — он кто? Тот, что говорит с ящером?

— Его зовут Газард. Это сын Хэмнета. То есть он твой двоюродный брат.

— Как... как это вообще возможно? — недоумевала Люкса. — Ты видел его глаза? Они же зеленые!

— Ну да, его мама — наземная. Хэмнет встретил ее где-то здесь. Но как — не знаю, он никогда об этом не говорит.

— Надо же! Мой двоюродный брат... — произнесла Люкса.

Вид у нее был растерянный. Грегор подумал, что, возможно, больше всего ее смущает то, что кузены слишком часто заставляли ее страдать.

— Мне кажется, он хороший парень. Он будет как Говард или Нерисса, — сказал Грегор.

— Значит, Нерисса теперь королева? — оживилась Люкса.

— Ага. Но ты-то, когда вернешься, займешь свой трон? — спросил Грегор.

— О да! Я ни за что от короны не откажусь. А как правит Нерисса? Наверное, она до смерти испугана...

— Она выглядит так, будто для нее это непосильная ноша. Но она смогла противостоять Живоглуту и всем остальным на встрече в верхах. Ты можешь ею гордиться — она молодец, — сказал Грегор.

— Я всегда гордилась Нериссой, — ответила Люкса. — Те, кто смеется над ней — дураки. Надо относиться с почтением к ее дару.

— Знаешь, ведь только благодаря ей мы с Аресом остались в живых. Она единственная поняла, о чем на самом деле говорится в «Пророчестве Погибели». И почему это правильно и хорошо, что я не убил Мортоса, — произнес Грегор.

Люкса вздохнула:

— Ну тогда расскажи мне, Грегор, почему правильно и хорошо то, что ты не убил Мортоса?

Грегор сделал глубокий вздох и мысленно вернулся к тому сражению в Кружке с морскими змеями, в котором они с Люксой потеряли друг друга. Он рассказал ей, как обнаружил Мортоса в Лабиринте, как не смог поднять руку на детеныша и отвез его к Живоглуту, какую резкую реакцию вызвало это в Регалии и как Нерисса спасла их с Аресом, дав свое толкование пророчества. Он рассказал о возвращении Босоножки и о тех месяцах, что он провел в Нью-Йорке, в ожидании новостей из Подземья. Затем поведал ей все, что знал, о чуме. Здесь самым трудным было назвать имена тех, кто болен, поэтому он поскорее перешел к той части повествования, где говорилось о том, как они отправились на поиски противоядия, встретили Хэмнета и как долго продирались сквозь джунгли, пока наконец не дошли до зыбучих песков.

— Ну а дальше появилась ты, — заключил он. — А теперь твоя очередь. Расскажи, что случилось с тобой и Авророй.

У Люксы история была короче, но не менее драматичная. Во время сражения с морскими змеями они с Авророй подхватили падающую Босоножку и Темпа и скрылись в туннеле. Вскоре волны отрезали им путь к остальным, и они несколько часов плавали в ледяной воде, держась за

надувные спасательные жилеты Босоножки и Темпа. Наконец они нашли выход из туннеля и попали в Лабиринт, где встретили Вертихвостку, которая указала им путь к спасению. Но там на них напал целый отряд крыс, не меньше десяти. Люкса велела Темпу бежать с Босоножкой как можно скорее, а сама приняла бой и сдерживала, чтобы дать ему время убежать подальше. Затем и они улетели, следуя указаниям Вертихвостки. У них ушло два дня на то, чтобы выбраться из Лабиринта, они попали в паутину туннелей, которые привели их в джунгли. И Аврора вывихнула здесь крыло в бою с гигантской древесной змеей. Если бы мыши не предоставили им убежище — их бы уже не было в живых.

— У тебя есть какие-нибудь мысли о том, что было дальше с Вертихвосткой? — спросил Грегор.

— Не знаю. Она была так слаба... эта ее рана... Не знаю... — Люкса замолчала на полуслове, но и так было понятно, что она имеет в виду.

Неожиданно заросли перед ними расступились, и они вышли на край изумительно красивой долины. Грегор даже потерял дар речи от восторга.

Долина тоже была покрыта лианами, но здесь они были гораздо тоньше и изящнее и усыпаны чудесными цветами. Легкий сладкий аромат витал в воздухе, который стал гораздо прохладнее и свежее. И бесконечный, не замолкающий ни на секунду гул джунглей остался позади — долина была погружена в абсолютную тишину.

— Перед нами Виноградники, — прошипела Гребешок. — Их еще называют Виноглазниками, — вдруг добавила она.

Грегор подумал, как странно, что все подземные обитатели так боятся этого места. Ведь оно похоже на волшебный сад: такие чудесные цветы и сладкие запахи...

Хотя...

Он вспомнил растение, в котором погиб Пролаза. Возможно, здесь, в джунглях, красота — синоним опасности.

Через долину вела небольшая каменная дорожка. Лианы образовывали над ней высокую арку, словно здесь поработал опытный и искусный садовник.

— Но кто проложил дорожку? — спросил Грегор.

— Виноградники, кто же еще, — буркнул Живоглот. — Чтобы заманивать путников.

Как это?! Виноградники сами проложили дорожку?! Это что же — увеличенная версия растения, которое поглотило Пролазу? Но там было одно растение, а здесь...

Внезапно окружающая красота показалась Грегору зловещей, и ему уже совсем не хотелось приближаться к Виноградникам.

— Смелее, парень! — сказал Живоглот, который, естественно, тут же учуял запах страха, исходивший от Грегора. — Ведь кое-кому удалось выжить и вернуться, чтобы рассказать историю, что записана в книге доктора Нививы. Значит, это возможно. А раз это возможно — значит, мы тоже это сделаем. Хэмнет, как будем действовать?

— Держитесь как можно ближе друг к другу. Идите по двое, а лучше по трое, если это возможно. И ни в коем случае не дотрагивайтесь до растений! И что бы ни происходило — не сходите с тропинки, — произнес Хэмнет.

— Босоножка... — Голос Грегора прозвучал слишком неуверенно, он прочистил горло и начал сначала: — Босоножка, ты должна все время идти по дорожке. Как... как... помнишь, Красная Шапочка должна была все время идти по дорожке?

— Из-за вока, да? — Глаза Босоножки загорелись.

— Да, верно. Эти растения — все равно что волк из сказки про Красную Шапочку, поэтому ни в коем случае не сходи с дорожки, ладно?

— Темп, низя сходить с дорррожки! — наставительно объявила Босоножка таракану, а сама тут же протянула ручки к растениям, а потом отдернула их с нарочито испуганным: «Вок!»

Грегору ничего не оставалось, как крепко держать ее за руку.

Гребешок и Хэмнет возглавили процессию, между ними шел Газард. Аврора и Найк, которые все еще лежали на спине у ящера, были очень уязвимы, поэтому справа от них шла Люкса, а слева — Коготок. Дальше следовал Грегор, державший за руку Босоножку, которая сидела на Темпе. И замыкал процессию Живоглот.

Тишина. Какая тишина!

Грегор старательно напрягал слух — после постоянного шума джунглей было непривычно и странно слышать эту тишину. Сейчас он мог различить звуки, которые исходили от его спутников, их шаги, дыхание, вздохи... Вот Найк всхрапнула, вот Гребешок зашипела, когда Живоглот наступил ей на хвост, вот заурчало в желудке у самого Грегора...

Но Виноградники — или Виноглазники? — поглощали эти звуки — и ничего не давали взамен. Совсем ничего. И в этом было что-то зловещее.

Они шли минут пять, когда Грегор вдруг заметил *их*. Глаза.

Поначалу он решил, что ошибся и это цветы или своеобразные фрукты. Но фрукты не моргают, а цветы не следят за твоими движениями, поворачиваясь за тобой.

Разве у растений бывают глаза?! Как это возможно?!

Грегор не знал. И ему даже не захотелось спрашивать. Он просто крепче сжал свою руку, державшую Босоножку, а другую положил на рукоять меча. И сделал вид, что не видит этих глаз. Да, он их просто не видит.

Вот почему Гребешок сказала «Виноглазники»...

И несмотря на все это, прогулка оказалась довольно приятной. Дорожка была гладкой и прямой, слегка полой. Идти было легко. И все же Грегора не оставляло чувство, что они организованно спускаются в пасть чудовищного животного. «Оно лишь выжидает удобного момента, чтобы заглотить нас», — подумал он. И так сильно сжал ручку Босоножки, что она запищала.

Наконец они вышли на небольшую полянку, почти круглую по периметру. Здесь дорожка, по которой они продвигались по Виноградникам, разветвлялась: три одинаковые тропинки, расположенные на равном расстоянии друг от друга, расходились дальше лучами. Они были такими ровными, что, казалось, их начертили при помощи линейки. Грегору не приходилось видеть ничего подобного в Подземье. И в Наземье тоже. Конечно, ему попадались прежде дорожки и сады, созданные искусной рукой, но там были растения разных размеров и форм, и выглядело все довольно натурально. А тут...

Виноградники были словно кем-то заботливо возделаны и украшены.

— Почему на нас не нападают? — спросил Грегор, не очень представляя себе, о ком он говорит.

— Возможно, растения здесь не так голодны, как в других местах, — пожал плечами Хэмнет. — Или нашу кровь хотят приберечь для каких-то особенных целей: кормить молодняк или изготовить из нас лекарства.

— Так у этого места... У него есть мозг?! — произнес ошеломленный Грегор.

— Посмотри на дорожку. Ты и правда думаешь, что она могла возникнуть случайно? — влез в разговор Живоглот.

Нет, не могла. Это было очевидно.

Хэмнет поставил светильник в центр круглой полянки, они расселись поближе друг к другу и поели. Потом Хэмнет поднялся.

— Я и Гребешок пойдем на разведку, — сказал он.

— Хорошо. А остальные пока попробуют поспать, — отозвался Живоглот.

— Я пойду с тобой, — заявил Газард, подпрыгивая и цепляясь за руку Хэмнета.

— Здесь ты будешь в большей безопасности, Газард, — возразил его отец. — А Живоглот присмотрит за тобой.

Но Газард ни в какую не хотел отпустить отца. И когда стало ясно, что он ни за что не останется, Хэмнет сдался и взял его собой. Они пошли по дорожке, что вела влево, и скоро исчезли из виду.

— С ними ничего не случится? — спросил Грегор Живоглота.

— За Хэмнета можешь не волноваться, он сумеет себя защитить, — ответил Живоглот. — Шутка ли — он жил в джунглях совсем один целых десять лет. И никто ему не помогал.

— А почему... почему он покинул Регалию, Живоглот? — приглушенно спросила Люкса.

Она редко обращалась к нему напрямую, и Грегор понял, что ответ для нее по-настоящему важен.

— Тебе что, не рассказывали? Твоя мать... Неужели не рассказывала? А Викус? — удивился Живоглот.

— Нет. Генри слышал, что Хэмнет сошел с ума и сбежал. Но всю историю целиком он никогда не знал, — тихо сказала Люкса.

Воцарилась тишина. Слышно было, как Живоглот вздохнул, думая о том, что услышал. Грегор посмотрел на Виноградники и увидел, как неверный свет лампадки отражается в бесчисленных глазах. И эти глаза *моргали*. Ему захотелось крикнуть, чтобы они немедленно убирались, но это могло напугать Босоножку. Да и, честно говоря, он сомневался, что они сделают так, как он скажет.

— Вообще-то тебе следует знать об этом, — произнес наконец Живоглот. — Думаю, Викус поджидает, пока ты подрастешь. Иначе он непременно бы тебе рассказал. Он просто пытается как можно дольше продлить твоё детство.

— Ну так расскажи мне ты! — попросила Люкса. — Мы с Викусом оба будем у тебя в долгу.

— *Вы*, ваше величество, будете у меня в долгу?! О, ловлю вас на слове — я этим обязательно воспользуюсь! — ухмыльнулся Живоглот. Он сел на задние лапы и уставился на дрожащее пламя лампадки. — С чего же начать?... Знаешь, прежде всего... прежде всего ты должна понимать, что крысы и люди не всегда так истово ненавидели друг друга. Ну, даже если и ненавидели — то были периоды, когда ненависть шла на спад и почти исчезала, и тогда между нами царили мир и спокойствие. И зависели отношения между крысами и людьми главным образом от того, кто стоял во главе наших народов: мирные периоды случались, когда для правителей крыс и людей главным было сохранение мира. Семьсот лет назад был как

раз такой период.

Босоножка залезла к Грегору на колени, обвила свои ручонки вокруг его шеи и склонила головку ему на грудь, широко зевнув. Он обнял ее и прижал к себе.

— В качестве демонстрации добрых намерений люди сделали крысам подарок: они отдали нам место, которое летучие мыши называли садами Гесперид. Если кто не знает, в мифологии наземных греков Геспериды — это нимфы, что живут на краю мира у берегов реки Океан и охраняют золотые яблоки — яблоки вечной молодости. Народ Сандвича основал эти сады, едва спустившись под землю. Это была небольшая долина, которую ежегодно затапливала разливающаяся река. Люди построили там дамбу, чтобы наводнений больше не происходило, и когда земля подсохла — она оказалась на редкость плодородной. Там выросли яблони. По стандартам Наземья они были, конечно, малорослыми, но зато оказались устойчивыми к болезням и могли расти и плодоносить, довольствуясь тем светом, что шел от реки. В дамбе были сделаны воротца-шлюзы, которые могли регулировать подачу воды. Деревья прижились, вскоре начали цвести, и на них появились первые плоды: золотые яблоки.

— Я — яблоко, — мечтательно и сонно пробормотала Босоножка.

— Для крыс это был, конечно, царский подарок. Ведь в отличие от людей мы не умеем возделывать землю. А эти деревья не требовали особого ухода, кроме редкого окучивания, и почти круглый год плодоносили. Когда я был щенком, самым большим удовольствием для меня было отправиться в сад, — продолжал Живоглот. — Поесть там яблок или подремать в пещерках вокруг сада, в которых тоже витал сладкий аромат фруктов.

— Да, — грустно шепнула Коготок. — Все, все любили сад.

— Что-то я ничего не слышала ни о каких садах Гесперид, — с сомнением в голосе заметила Люкса.

— И не могла слышать — иначе им пришлось бы рассказать тебе, почему сбежал твой дядюшка, что я сейчас и делаю, — ответил Живоглот. — Такие благословенные времена благоденствия и мира не длятся вечно, и десять лет назад от них и следа не осталось. Твой отец, ваше величество, королем был жестким, если не сказать — жестоким по отношению к другим жителям Подземья. Ну и король Грызер, что уж говорить, оказался одним из самых кровожадных монстров за всю историю Подземья.

— Это не тот ли самый король Грызер... — начал Грегор.

— Да-да, именно тот самый король Грызер, который свалился в

пропасть и там нашел свою смерть во время твоего первого визита, Грегор. Как бы то ни было, люди решили забрать свой подарок-сад обратно. Соловет прислала армию под предводительством Хэмнета, чтобы выгнать из сада крыс. Хэмнет был в то время самым выдающимся, самым лучшим воином среди людей. Все думали, что он унаследует пост главнокомандующего армией после своей матери — ведь он был так на нее похож. А оказалось, что в глубине души он гораздо больше похож на Викуса. И это была его драма.

Грегор почувствовал, как у него неприятно сосет под ложечкой. Он вдруг ощутил горячее желание остановить Живоглота — у него не было уверенности, что он хочет слушать продолжение этой истории.

Но Люкса хотела слушать, она вся напряглась, и глаза ее блеснули.

— Под командованием Хэмнета люди и летящие внезапно напали на крыс. Крысы, а большинство из них находились в саду вместе со своими щенками, впали в панику. Но это только сначала — потом они пришли в себя, щенков спрятали в пещерки вокруг сада, а сами вступили в бой. Они сражались так отчаянно и самоотверженно, что перевес был на их стороне. Но у Хэмнета был запасной план, разработанный его матерью. В случае если крысы начнут одерживать верх в сражении, он должен был открыть ворота дамбы, чтобы вода хлынула в сад и затопила его. Тогда крысы оказались бы в воде и люди на летучих мышах получили бы огромное преимущество. — Живоглот помолчал, потом вздохнул: — И Хэмнет открыл шлюзы.

Последовала долгая пауза, и Грегору вдруг вспомнилось, как Хэмнет сказал Викасу: «Я не причиняю боли. Я больше никому не причиняю боли».

Теперь понятно, что он имел в виду.

— Вода была высокая — ведь шлюзы не открывали несколько веков. И когда она хлынула сквозь ворота, напор ее был так силен, что снес дамбу. Уровень воды в долине составил шесть метров. Сотни крыс погибли мгновенно, не миновала печальная участь и многих людей и летящих. Но самый ужас не в этом. Заполнив долину, вода хлынула и в пещерки, где были спрятаны щенки крыс. И все они утонули. Но не сразу. Их писк был слышен на мили вокруг... довольно долго... — закончил Живоглот.

— На мили вокруг, — повторил Грегор тихим эхом. — На мили вокруг.

— А что делал Хэмнет? — спросила Люкса.

— Хэмнет? Он пытался спасти всех, кто попадался ему под руку: людей, летящих, крыс... но он мало что мог сделать. Его летучая мышь утонула, когда две крысы вцепились в нее, пытаясь спастись. Хэмнета

подхватил Марет, он спас его от падения в воду — в это море трупов, — сказал Живоглот. — Когда Хэмнета доставили в Регалию, он был не в себе. На протяжении многих дней он никого не узнавал и разговаривал странными отрывистыми фразами. Затем разум к нему вернулся — и он замолчал. А через несколько дней, ночью, он покинул Регалию. Видимо, Нерисса видела его последней, но она и в детстве была... не от мира сего — как и сейчас. Она никогда не говорила об этом — о том, что видела его в ночь бегства. Год спустя его объявили мертвым, а все попытки его найти были прекращены. — Живоглот обвел глазами слушателей. — Это и есть история твоего дяди, Люкса.

— А что случилось с садом? — спросила Аврора.

— Он остался под водой. Золотые яблоки больше не растут в Подземье, — ответил Живоглот. — Так что он никому теперь не принадлежит.

Некоторое время было тихо, лишь потрескивал огонь в лампадке да посапывала Босоножка на груди у Грегора.

Затем с дорожки, уходящей влево, раздался сдавленный голос:

— Рассказываешь страшные истории, Живоглот, как когда-то в школе, да?

Грегор не представлял себе, как давно Хэмнет сидит там на своем ящере, держа на руках спящего сына.

— Ты знаешь мою теорию, Хэмнет. Чем больше страшных историй — тем меньше шансов их повторить, — спокойно ответил Живоглот. — Может, однажды воспоминание о том, что случилось, сослужит службу твоей племяннице.

Люкса и Хэмнет обменялись взглядами.

— Возможно, — согласился Хэмнет. — Ведь так много зависит от рассказчика!

— Ты с удачей или как? — сменил тему Живоглот.

— Думаю, да, — кивнул Хэмнет.

В одной руке он держал пучок растений, вырванных с корнем.

Он разжал ладонь — и все увидели гроздь с листьями в виде звезды.

ГЛАВА 22

— Звездolist! — произнес Живоглот. — Ты нашел его!

— Ты нашел?! — Грегор чуть было не вскочил, забыв, что у него на руках Босоножка. — Ты нашел лекарство?

— Жду твоего заключения, — улыбнулся Хэмнет.

Он устроил Газарда на спине ящера и спустился по его хвосту вниз. Все не сводили с него глаз.

— Что скажешь? Это похоже на картинку в книжке, что ты видел? — спросил Живоглот.

— В точности! — воскликнул Грегор взволнованно.

Они нашли противоядие! Наконец-то, значит, все будет хорошо!

Он оторвал один листочек, растер его в ладонях и потянул носом: легкий, свежий, чистый аромат коснулся его ноздрей.

— М-м-м... пахнет как лимон. Это оно и есть. Оно пахнет так... как будто оно тебя лечит. Где оно растет? Мы можем пойти туда прямо сейчас? А потом вернуться в Регалию, а потом...

— Притормози, Грегор! Все мы горим нетерпением как можно скорее доставить противоядие. Но все должно идти своим чередом. Сейчас нам следует поспать. Гребешок нас постережет. А утром мы начнем собирать звездolist, — сказал Хэмнет.

Грегор лег рядом с Босоножкой. Он очень устал, но волнение не давало ему уснуть. Он все вертел в пальцах листочек звездolistа, мял его, нюхал... В его руке сейчас была жизнь его мамы, Ареса, жизнь всего Подземья. Он снова и снова прижимал к носу пахнущий лимоном листок — и так и заснул, держа его у носа.

Проснулся он от того, что Хэмнет тряс его за плечо. Они позавтракали остатками рыбы и сливами и начали собираться. Но когда выстроились было в привычном порядке, Хэмнет покачал головой:

— Нет, не так. Я вчера сказал вам не все. Не хотел пугать вас раньше времени. Заключительная часть нашего путешествия не так проста. Вернее — очень не проста. И по-настоящему опасна. Поле со звездolistом находится недалеко, но добраться до него сложно. Мы должны идти вместе, группой, и двигаться как можно быстрее.

— Я придумал такое построение, при котором у нас будут наивысшие шансы на выживание, — вмешался Живоглот. — Хэмнет сейчас вам покажет. Делайте в точности то, что он велит.

Впереди Хэмнет поставил ящера, на спине которого по-прежнему находились летучие мыши и Газард. Темпу он велел поместиться между его задними ногами. Сбоку от ящера шел Живоглот, на его спине должны были сидеть Грегор с Босоножкой. Люксе предписывалось ехать верхом на второй крысе с левой стороны от ящера. Пеший Хэмнет завершал процессию.

— Я еще в состоянии идти собственными ногами, — воспротивилась Люкса.

Она явно не хотела садиться верхом на крысу.

— Нет, Люкса, так не пойдет! — возразил Хэмнет. — Поверь мне, ты еще не раз вспомнишь добрым словом умение Коготок быстро бегать.

Люкса с недовольным видом уселась на крысу. Грегор усадил Босоножку ближе к загривку Живоглота, а сам сел чуть позади. Ему пришлось поджать ноги, чтобы они не касались земли.

— Мы поедem на нем? — спросила Босоножка удивленно.

— Это ненадолго, — успокоил ее Грегор. — А потом ты снова сможешь кататься на Темпе.

Босоножка протянула ручку и похлопала Живоглота по макушке.

— Кэ — крыса, — сообщила она.

— Да, — согласился Живоглот ласковым голосом. — А еще «кэ» — кусать. Будь осторожна, иначе крыса откусит тебе пальчик! — И он для наглядности оскалил зубы.

— Ой! — Босоножка быстренько отдернула ручку и спрятала ее за спину, а сама прижалась покрепче к Грегору.

— Это обязательно так делать? — спросил Грегор хмуро.

— Обязательно! Или, может, ты хочешь, чтобы она тут шалила и заигрывала с крысами? Нет, только не сегодня! И только не со мной! — заявил Живоглот.

И он был прав, как всегда. Конечно, Грегор не хотел, чтобы она заигрывала с крысами. Большинство из них разделились бы с ней в ту же минуту. Но вообще-то... люди и крысы учат своих детей бояться и ненавидеть друг друга с рождения... Но возможно, не будь этого, все сложилось бы иначе?

Он чувствовал, что это вопрос, на который не так легко найти правильный ответ. Поэтому просто обнял свою сестренку и ничего не сказал.

Наконец все заняли свои места.

— Мы пройдем вперед — и я дам команду бежать, — сказал Хэмнет. — После этого бегите как можно скорее, пока не очутитесь на

поле, поросшем звездолистом. — Он обвел всех взглядом: — Все понятно? Тогда вперед!

Тропинка была более узкой, чем та, что привела их сюда. Но едва они повернули, как Грегор увидел перед собой длинный коридор, настолько прекрасный, что казался нереальным. Заросли были усыпаны маленькими серебристо-белыми цветками, которые мигали, как маленькие лампочки на новогодней гирлянде. А еще слышался тихий звон колокольчиков. Это было похоже на вход в сказочную страну.

А запах... О, эти цветы издавали такой запах, что тело в ответ наполнялось ощущением счастья.

— Бегите! — раздался голос Хэмнета.

Живоглот рванул вперед с такой неожиданной силой, что Грегор чуть не упал и еле удержал в руках Босоножку — ему пришлось даже схватиться за ухо крыса. Босоножка издала вопль протеста, ведь Грегор слишком сдавил ее, но он ее не отпустил.

О, этот аромат... Ему невозможно сопротивляться.

Грегор чувствовал, как мозг его начинает затуманиваться. И без всякой причины он вдруг начал хихикать.

— Держись, Наземный! — крикнул Живоглот.

Это было самая смешная вещь, которую Грегор когда-либо слышал в своей жизни. И теперь он уже смеялся в голос. Он увидел, как изящные лианы тянутся к нему и обвивают его, и ему так хотелось протянуть руки им навстречу!

Тут Гребешок отвлекла его трубным ревом и помчалась вперед с еще большей скоростью.

Вид огромного ящера, бегущего на таких нелепых здоровенных ногах, заставил Грегора захохотать так, что слезы выступили у него на глазах и полились по щекам и подбородку.

Потом Грегор увидел зеленое поле... Это, должно быть, звездолист... Какое дурацкое название — звездолист! Откуда здесь, где не бывает ни солнца, ни звезд, — какой-то звездолист?! Ведь если нет солнца — то нет и звезд... а если нет звезд, то... черт, запутался... нет! Им надо было назвать его «нечто похожее на звезду, которой здесь никогда не видели».

Грегор буквально ревел от смеха.

Эта мысль была столь ошеломительно смешной, что он не удержался и свалился со спины Живоглота прямо на дорожку.

Эти растения... они такие прекрасные... они оплетают его пальцы и руки... никогда в жизни он не видел ничего чудеснее...

Кто-то схватил его сзади и поволок прочь от замечательных новых

друзей, этих серебристо-белых цветочков, которые не хотели отпускать его. Они крепко вцепились в его руки, и их с трудом удалось от него оторвать.

— Пока! — крикнул Грегор, когда его волокли прочь. — Рад был знакомству!

Потом он лежал в прохладном, зеленом, пахнущем лимоном мире, продолжая смеяться своей шутке об этом «нечто, похожем на звезду, которую здесь никогда не видели», — и вдруг понял, что шутка перестала казаться смешной.

Его охватила тревога — и он сел. Все они находились на краю большого прямоугольного поля, заросшего звездолстом. Босоножка лежала неподалеку от Грегора, смеясь над своими большими пальцами. Найк икала, что вызывало у Люксы и Газарда приступы гомерического хохота. Аврора, которая наконец снова могла летать, крутила в воздухе сальто. И все они выглядели одурманенными и опьяненными.

Живоглот и Хэмнет глубоко дышали, пытаясь вдохнуть как можно больше аромата звездолста, и Грегор последовал их примеру. Голова у него тут же стала проясняться.

— Что это было? — спросил он.

— Эти цветы испускают аромат, который дурманит и заставляет испытывать ощущение безграничного счастья, — ответил Хэмнет. — А потом, видимо, они утаскивают тебя в Виноградники и там лишают памяти.

— Ничего себе! Вы бы хоть предупредили! — произнес Грегор.

— Мы боялись, что ты полезешь с ними в драку, — сказал Хэмнет. — Попытаешься сразиться. Тогда тебе точно пришел бы конец.

— Мы могли бы с ними сразиться, — отреагировала Люкса, но тут Найк еще раз икнула — и Люкса опрокинулась от смеха на землю.

— Вот как?! — Живоглот сделал круглые глаза. — А как насчет того, ваше величество, что нам с Хэмнетом пришлось добрую половину пути волочить вас силком? Эту часть путешествия вы не помните?

Грегор увидел смущенное выражение на лице Люксы и подумал, что, видимо, с ней случилось примерно то же самое, что и с ним.

— На маленьких оно действует очень быстро, — продолжал Хэмнет. — Хорошо, что вчера Газард был с нами. Он начал хихикать и дурачиться почти сразу, как мы вступили в этот коридор, это было для нас предупреждением, чего нам опасаться.

Он обнял Газарда и прижал к себе.

— А теперь мы будем собирать листочки? — спросил Газард нетерпеливо. — Я могу помогать?

— Да, мы будем это делать вместе, — сказал Хэмнет. — Чем скорее

мы закончим — тем лучше.

Но прежде чем они приступили к сбору растений, Хэмнет настоял, чтобы они все съели по пригоршне звездолиста.

— Но зачем? — недоумевал Грегор. — Ни у кого из нас нет чумы!

— Мы не можем исключить заражения, — возразил ему Хэмнет. — Вспомни пророчество.

Вместе должны отыскать тот бесценный дар, что в колыбели покоится и лишь один может от яда очистить кровь и спасти.

Это значит, что чума зародилась где-то здесь, на Виноградниках. А мы все в царапинах и ранах. Твоя нога, Грегор. И эти следы от лиан...

Он перевернул его руку и продемонстрировал крестообразные следы в тех местах, где ее обвивали лианы.

— Чума может витать здесь в воздухе. Она может расти вместе с растениями или дремать в земле, на которой мы стоим. Будь уверен, она найдет способ попасть в твою кровь.

— Босоножка! — позвал Грегор. — Иди-ка сюда, нам нужно кое-что съесть.

Он не раздумывая запихнул целую пригоршню звездолиста в рот и начал жевать. Не так уж плохо, похоже на смесь лимона, зеленого чая и мяты. Босоножка есть листочки решительно отказывалась — она не ела зелень, но Хэмнет придумал игру «кто больше и быстрее съест звездолистиков». Газард и Темп играли вместе с ней и почти всякий раз позволяли ей выиграть, так что вскоре она сжевала и проглотила достаточное количество лечебной травы.

Собирать звездолист было приятно — он легко отрывался от стебелька, к которому крепился. Но никто не подумал заранее о том, во что и как они будут упаковывать собранные листочки, чтобы доставить их домой. В снопы его увязывать не получалось — не позволяла высота стебля, он был всего сантиметров тридцать высотой.

Тогда Грегор вспомнил, что у него есть скотч.

— Вот, я придумал! — воскликнул он.

При помощи скотча они могут упаковать целое поле звездолиста.

— Ты просто молодчина! — похвалил его Хэмнет. — Спасибо!

— Не меня надо благодарить, а Марета, — ляпнул Грегор и сразу прикусил язык.

Теперь, когда ему была известна история сада Гесперид и то, как Марет спас жизнь Хэмнету, он почувствовал неловкость, произнеся это имя.

— Прости, — пробормотал он.

— За что? — удивился Хэмнет. — Марет — один из немногих людей, перед которыми я считаю себя должником.

— Да, — вздохнул Грегор с облегчением. — Он замечательный.

— Ну что ж, — объявил Хэмнет. — Давайте собирать урожай.

Все с энтузиазмом принялись за работу, но вскоре выяснилось, что реальная польза в деле упаковки есть только от людей — у других существ со скотчем возникали проблемы. Да и Босоножка с Газардом были те еще помощники, поэтому их отправили собирать листочки. Газард собирал, а Босоножка напевала на мотив «Алфавитной песенки» полюбившийся ей рефрен из пророчества: «Поворот, и еще, и еще, и опять не туда...» — и весело кружилась, а потом, смеясь, падала в траву. Аврора и Найк, чья дееспособность была все еще ограничена, присматривали за ней. Когда поле наскучило Босоножке и она начала проявлять интерес к зарослям вокруг, Грегор достал из рюкзака и вручил ей мячик, а еще он дал ей зеркальце Нериссы — Босоножка обожала строить себе рожицы.

Грегор работал в паре с Люксой, они отрывали полоски скотча и связывали пучки звездолета. Хэмнет принимал пучки и складывал их вместе, постепенно у него получилось что-то вроде стога.

Когда он не мог их слышать, Грегор повернулся к Люксе:

— Интересную историю рассказал Живоглот.

— Да, это объясняет то, почему он бежал из Регалии, — кивнула Люкса. — Но это не объясняет, почему он не вернулся, когда его сознание вполне прояснилось.

— Да потому, что он не хотел больше сражаться, Люкса, это же очевидно! — сказал Грегор. — Он больше не мог убивать.

— Никто из нас не получает удовольствия от убийства, — возразила Люкса. — Но мы вынуждены делать это — чтобы выжить.

— Что ты хочешь этим сказать? Что он трус? — нахмурился Грегор.

— Нет, трус не тот, кто боится умереть. Но я думаю, что ему легче было остаться здесь, в джунглях, одному, чем вернуться к своей прежней жизни, — заметила Люкса.

Грегор задумался. Во-первых, меньше всего жизнь в джунглях похожа на праздник. А потом — Хэмнет ведь оставил всех, кого любил. Он не мог знать, что встретит женщину-наземную и у них родится Газард. Он вряд ли вообще рассчитывал, что сможет выжить. Он оставил все — дом, любимых, прежнюю жизнь... и лишь потому, что остро осознал: то, что он делал в Регалии, — неправильно.

— Не знаю, Люкса, — покачал головой Грегор. — Я думаю, это был очень смелый поступок. И я думаю, для него это был в тот момент

единственно возможный выбор.

— Я тоже не знаю. — И Люкса наклонила голову, будто бодаясь. — Но смог бы ты, Грегор, оставить вот так свою семью?

— Это нельзя сравнивать! В моей семье даже телесные наказания не применяются! — возразил Грегор. — А твоя семья постоянно воюет.

— Теперь это и твоя война, — ответила Люкса, отгрызая скотч.

Хэмнет закончил складывать готовые пучки и пришел помогать им. Люкса и Хэмнет практически не говорили друг с другом. И это было плохо, считал Грегор, ведь они оба ему нравились, к тому же они были близкими родственниками, и вообще...

Он не знал, как заставить их говорить, но все же предпринял попытку.

— Ну до чего же вы похожи! — воскликнул он. — Даже улыбаетесь одинаково!

Они посмотрели друг на друга почти враждебно, но промолчали.

— Значит, Люкса похожа на свою маму, да? — продолжал Грегор. — Живоглот сказал, она как две капли воды похожа на твою сестру-близнеца.

Это был вопрос, и Хэмнету пришлось ответить.

— Да, просто удивительно, насколько Люкса похожа на Юдит. Даже когда она была совсем ребенком... — И он замолчал.

— Точно, ты же, видимо, знал Люксу маленькой, — обрадовался Грегор.

— Да. И мы были друзьями, Люкса и я. Я даже как-то вывез ее за пределы города. Она летела верхом на своей первой летучей мыши.

— На кристальный пляж, — вдруг тихо произнесла Люкса.

Хэмнет посмотрел на нее с удивлением:

— Ты помнишь?! Тебе же было годика два, не больше!

— Помню, но не все. Я до сих пор храню осколок кристалла. Он голубой, — сказала она.

— И по форме напоминает рыбку, — отозвался Хэмнет. — Я помню. — Вдруг глаза его наполнились слезами. — Знаешь, Люкса, из всего, что я оставил в Регалии, ты была моей самой большой потерей. Ты и твоя мама.

— Ты мог бы прийти и навестить нас. — Голос Люксы прозвучал обиженно и совсем по-детски.

— Нет. Я бы уже не смог уйти. Ты же знаешь, как действует Соловет: она бы вновь заставила меня возглавить армию... — ответил Хэмнет.

— Она не могла бы силой тебя заставить, — возразила Люкса.

— А я уверен, что именно так она бы и поступила, — пробормотал Грегор.

Соловет нашла бы способ заставить своего сына воевать. Чувство вины. Стыд. Долг. Что-нибудь еще.

— Я не мог снова к этому вернуться, — продолжал Хэмнет. — После того как... я до сих пор вижу их во сне... слышу голоса, которые зовут на помощь и умоляют спасти их... И ради чего все это было? Зачем? Кому это пошло на пользу?.. Когда все было кончено, люди и крысы возненавидели друг друга сильнее, чем когда-либо. И Подземье стало еще более опасным местом.

Прежде чем Грегор снова заговорил, прошло немало времени — пауза получилась длинная.

— Но... ведь сейчас ты вступаешь в бой? Я имею в виду — когда тебе или Газарду угрожает опасность. Когда кто-то вас атакует.

— Да, иногда... время от времени... Но только в самом крайнем случае, — ответил Хэмнет. — А вообще искусству выживания я учился у моего ящера. На самом деле есть масса других способов выжить, кроме драки. Нужно только захотеть.

— Других способов? Каких, например? — усомнился Грегор.

— Ну, если Гребешок видит опасность, первое, что она делает, — становится невидимой. Прячется. Мимикрирует.

Грегор вспомнил, как впервые ее увидел. Он ведь даже не заметил бы ее, если бы Гребешок не открыла пасть, глотая мячик Босоножки.

— Ой, точно! Ну а если это не сработает?

— Тогда она старается напугать возможного агрессора. Шипит и распускает гребень, который придает ей угрожающий вид.

— Да, но с Босоножкой этот трюк не сработал, — улыбнулся Грегор.

— Не сработал. Босоножка сама ее напугала. — Хэмнет тоже улыбнулся. — А если бы Босоножка продолжала угрожать, Гребешок начала бы предостерегающе стучать хвостом по земле.

— Ну а если и это не сработает? Если агрессор все-таки нападет?

— Она... убегает. И очень быстро, между прочим. Ноги у нее очень сильные и длинные. Она убегает туда, где растут крепкие лианы, которые способны выдержать ее вес. Лезет вверх и прячется там от врага.

— Но что, если таких лиан поблизости нет, она загнана в угол и противник намерен ее убить? — вмешалась Люкса.

— Вот тогда она дерется. У нее очень крепкие зубы. Не позавидуешь тому, кому доведется от них пострадать. Но это в самом крайнем случае. Она не станет драться, пока есть способ драки избежать — в отличие от жителей Регалии, которые хватаются за оружие по любому поводу, — ответил Хэмнет. — Живя здесь, я узнал много существ, которые

предпочитают не сражаться. Но если твое первое побуждение при встрече с ними схватиться за меч — возможно, ты никогда об этом не узнаешь.

Грегор не был уверен, что Хэмнету удалось убедить в своей правоте Люксу, но, кажется, он сумел заставить ее задуматься.

Поле со звездолистом было уже почти что убрано. С каждым пучком, который он закручивал скотчем, Грегор чувствовал, как на сердце у него становится все легче. У них есть противоядие.

Теперь все, что им осталось, — поскорее вернуться в Регалию и дать его больным. Маме станет лучше, и они смогут вернуться домой. И если она все еще планирует отправиться в Виргинию, Грегор будет первым, кто начнет паковать вещи для переезда.

Несколько минут он думал о том, какая жизнь ожидает их на ферме у дяди. Там ведь, кажется, неплохо, хоть это и далеко. А еще там нет других людей на расстоянии многих километров, и других домов, и всяких учреждений. Грегор любил Нью-Йорк. Он понимал, что будет скучать по своим друзьям. Но если переезд в Виргинию гарантировал, что его семье больше не придется жить в страхе, — это был для него весомый аргумент.

Он думал о том, как будет учиться ездить верхом, как вдруг увидел, что Аврора вскинула голову. Почти сразу то же сделала Найк. А Живоглот и Коготок потянули носом воздух. И все они смотрели в дальний конец поля.

— Что? Что там такое? — с тревогой спросил Грегор. Он слишком хорошо знал эти жесты и прекрасно понимал, что они означают: опасность.

Обычно летучие мыши реагировали так на крыс. Но сейчас и крысы насторожились.

— Это какое-то растение? — Грегор невольно вздрогнул, вспомнив серебристые цветочки.

— Нет! — рыкнул Живоглот. — Но как, как они сюда пробрались?

— У них есть свои ходы сюда, полагаю, — ответила Найк.

Она нервно махала крыльями, словно желая успокоиться.

— Да кто?! — вскричал Грегор, хватая в охапку Босоножку. — У кого свои ходы?!

Но прежде чем Найк успела ответить, он увидел красную волну, медленно заливающую поле звездолиста.

Они шли так плотно друг к другу, что выглядели как единое целое, и казалось, это красная кровь разливается перед ними. Грегор направил луч фонарика в сторону волны и убедился, что то была не жидкость. Волна состояла из отдельных живых существ.

Это были муравьи. Сотни красных муравьев вступали на поле

звездолиста и шли по нему, уничтожая все на своем пути.

ГЛАВА 23

Живоглот немедленно принял командование на себя.

— Ты! — велел он Авроре. — Бери щенков и лети прочь. Отнеси их к зубастым, а оттуда отправляйтесь в Регалию, если мы не вернемся в течение суток.

Хэмнет помог Газарду и Босоножке взобраться на спину Авроры.

— Ты ведь присмотришь за Босоножкой, пока нас не будет, правда, сынок? — спросил он, обнимая его.

Грегор возразил было:

— Но я не хочу, чтобы Босоножка улетела без меня!

И Люкса тоже была не согласна с таким поворотом событий.

— Мы с Авророй не можем разлучаться! — запротестовала она.

— Твою сестру, Наземный, перемелют в муку эти жвалы, — сообщил Живоглот. — А ты, ваше величество, нужна мне здесь верхом на Найк — ведь твоя летучая мышь еще не в состоянии сражаться.

— Сражаться?! — пробормотал Грегор. — Выходит, муравьи идут сюда сражаться?

— Ну уж, конечно, не на пикник! Они здесь, чтобы уничтожить звездолет — а заодно и всех теплокровных! Так что давай лети! — И Живоглот в нетерпении щелкнул зубами.

Аврора взмыла в воздух.

— Босоножка! Держись крепко! — крикнул Грегор. Он не мог не видеть, какое у сестренки растерянное личико, и сердце его упало. Но Живоглот неожиданно сильно толкнул его.

— Проснись, Воин! Готовь свой меч. Как у тебя со светом?

Грегор взглянул на фонарик, который держал в руке. В бою он может помешать или потеряться. Тогда он вспомнил способ, который использовал еще в свой первый визит в Подземье.

— Люкса, сюда, быстро! — крикнул он.

Вытащив два фонарика, он примотал клейкой лентой один к своему запястью, а второй — к запястью Люксы.

— Образуем пятиугольник! — скомандовал Живоглот. — Я буду его вершиной. Я хочу, чтобы Наземный и Коготок стояли справа. Хэмнет и Гребешок пусть встанут слева. — И Живоглот повернулся к Хэмнету, который стоял, словно замороженный. — Ты ведь будешь драться, не так ли?

— Я... Я...

— Это совсем не то, что было тогда, — сказал Живоглот. — Сейчас ты спасаешь жизнь своего сына... И хочешь не хочешь — тебе придется участвовать в бою!

Хэмнет смотрел на море муравьев, растекшееся по полю. Уже четверть поля была уничтожена, растоптана, изъедена.

— Да, я буду сражаться! — ответил Хэмнет.

Он подбежал к ящери, быстро открыл висевший у него на шее мешок и достал оттуда меч.

— Драться со жвальными буду я, драться со жвальными буду, — вдруг заговорил Темп.

— Ох, Темп! — спохватился Грегор. — Тебя следовало отправить с Авророй!

Он прекрасно знал, что тараканы не бойцы. Они известны своей способностью убегать и прятаться. Именно благодаря этому они выживают.

— Драться со жвальными буду я, драться со жвальными буду, — настойчиво повторил Темп.

— Хорошо, ползучий, твоя задача в этой битве — охранять стог звездолиста, — сказал Живоглот. — Если кто-нибудь к нему проберется — безжалостно уничтожай.

Темп поспешил к стогу и неподвижно замер возле него.

— Ты будешь прикрывать нас с воздуха, величество, насколько это возможно, — велел Люксе Живоглот.

Люкса поморщилась, но все же направилась к Найк и села ей на спину, обнажив меч.

— Остальные — на позиции!

Живоглот выдвинулся чуть вперед, по направлению к армии муравьев, Хэмнет занял позицию позади Живоглота, рядом с ним встала Гребешок.

— Делай то же, что Хэмнет! — сказала Коготок Грегору, который растерянно озибался по сторонам. — А я встану за тобой.

И Грегор занял ту же позицию, что и Хэмнет, только справа от Живоглота. Коготок встала позади.

— Старайтесь сохранять свои позиции как можно дольше и защищайте стог. Не думайте о себе, не думайте о других — думайте только о противоядии! Помните: им нужен звездолист, за ним они пришли! — напутствовал Живоглот.

Грегор не сводил глаз с муравьев. Каждый из них был метра полтора в длину и примерно полметра в высоту. Кроме размеров, их, казалось, ничто не отличало от обычных земных муравьев: у каждого было шесть ног, два

усика и пара чудовищных острых челюстей-жвал, которые открывались и закрывались горизонтально, под корень срезая стебли звездолита и размалывая его в пыль. Они шли строем, плечо к плечу, как хорошо тренированная армия.

Сотни солдат-муравьев.

— Воин! — заревел Живоглот. — Посмотри на меня!

Грегор с трудом отвел глаза от завораживающего зрелища и повернулся к Живоглоту.

— Если ты и правда яростник — самое время стать им прямо сейчас! Это вопрос жизни и смерти! Жизни и смерти, понимаешь?

Жизни и смерти?! Да, это так.

И не только жизни и смерти тех, кто приготовился сейчас к бою. Это был вопрос жизни и смерти для всех теплокровных, для Коготок и ее детишек, для Говарда и Андромеды, для Ареса, для его мамы.

Муравьи были уже в нескольких шагах от Живоглота, а Грегор вдруг обнаружил, что даже меч из ножен еще не вытащил.

И все же *оно* началось. Прямо сейчас — Грегор впервые почувствовал это. Легкая дрожь прошла по всему телу, зрение стало меняться — все вокруг стало размытым и исчезло в тумане.

Все, кроме врагов.

— Рубите им ноги, рубите головы, рубите их пополам, делайте что угодно, только чтобы их остановить! — заревел Живоглот.

И с этими словами он кинулся в гущу муравьев.

Грегор потерял ощущение реальности. Он не знал, где находится и что делает, не знал, где его товарищи, он даже толком не понимал, кто он такой. Он не чувствовал ничего — только соленый вкус собственного пота и крови на губах. Его меч сам решал, как и куда двигаться, и рубил ноги, шеи, тонкие муравьиные талии. Но их было так много... так много! Когда один муравей падал, на смену ему приходили все новые и новые. Медленно и неуклонно они заставляли его отступать. И наконец он почувствовал, что упирается спиной в стог звездолита. Попытался из последних сил сопротивляться, не пустить этих тварей к стогу, но они полезли прямо по нему, опрокинув его на спину.

— Нет! — услышал он собственный крик. — Не-е-е-ет!

Грегор вскочил и бросился в гущу муравьев, рубя налево и направо, пытаясь остановить нашествие.

Но все было бесполезно. Они растерзали стог меньше чем за минуту. И поле тоже опустело.

Вражеская армия уже направилась к джунглям, а Грегор бежал за

ними, продолжая рубить налево и направо, будто это могло что-то изменить.

Его схватили чьи-то зубы и, выдернув из кучи муравьев, потащили обратно.

Он сопротивлялся, стараясь освободиться, рвался преследовать врага, но тот, кто держал его, был сильнее.

— Оставь их, Грегор! Пусть идут! Все кончено, мы проиграли, — произнес прямо в ухо Живоглот.

И только тогда Грегор стремительно вернулся в реальность. Он разрыдался от ненависти, от усталости и отчаяния... Поле! Оно было абсолютно пустым. Ошметки изрубленных жвалами листков и стебельков устилали его ровным ковром, и все это было обильно полито чем-то клейким и с отвратительным запахом.

Грегор разжал ладонь и, не отрываясь, смотрел на последнюю пригоршню звездолиста, которая случайно избежала уничтожения.

— Он погиб, — выдавил из себя Грегор. — Звездолиста нет. Лекарства нет. Лекарство погибло.

— Все погибло, — тихо сказал Живоглот. — Теперь все погибло.

Люкса и Найк опустили на землю позади них.

Сквозь слезы, струившиеся по лицу, Грегор видел кровь, которая текла из многочисленных ран на бледных ногах Люксы. Он и сам был весь изранен — жвала муравьев кое-где добрались и до него.

— Если в мире есть хоть какая-то справедливость — джунгли покончат с ними за нас, — произнес Живоглот.

Грегор взглянул туда, где скрылись остатки муравьиной армии. Это было как раз то место, через которое Хэмнет велел им бежать как можно скорее. То место с серебристыми прекрасными цветочками, которые лишают разума и делают всех, кто дышит их запахом, безгранично счастливыми.

Муравьи, должно быть, не знали об этом, и лианы с готовностью набросились на них. Много времени это не заняло — уже через пару минут муравьев, обездвиженных и безвольных, утащили в глубину джунглей, где они и пропали.

И снова воцарилась тишина. Грегор вытер глаза и поднялся на ноги.

Живоглот и Коготок, пошатываясь от усталости, стояли за ним. Люкса все еще сидела на спине Найк.

А Гребешок... Ее красивое сине-зеленое тело вытянулось на земле среди бесконечного множества муравьиных трупов. Кожа ее была вся сплошь покрыта следами от укусов и кое-где прогрызена насквозь, даже

ошметки кожи свисали. Грегор с надеждой ждал, не шелохнется ли она, не поднимется ли ее грудь, набирая воздух в легкие... но тщетно: она была неподвижна, словно камень.

Темп страшно суетился неподалеку, на краю поля. И Грегор вдруг с ужасом понял, что Темп носится вокруг лежащего на земле Хэмнета.

— Дядя! — вскрикнула Люкса и бросилась к нему.

Спешить было некуда: подбежав к Хэмнету, они убедились, что шансов у него нет. Из огромной, зиявшей в грудной клетке раны толчками била кровь.

Люкса опустилась на колени и взяла его за руку.

— Юдит... — прохрипел он. — Юдит...

— Да, Юдит. Я здесь, — ответила Люкса.

— Газард... обещаю мне... он не станет... никогда не станет... что угодно, только не... только не Воин... — Каждое слово стоило ему огромного труда.

— Обещаю, — сказала Люкса. — Хэмнет! Хэмнет!

Но его фиолетовые глаза были уже пусты.

«Что угодно, только не Воин, — подумал Грегор. — О, как бы я хотел не быть собой!»

Люкса медленно поднялась с колен и закрыла глаза Хэмнету. Потом провела рукой по его лицу, стирая следы крови со щеки.

— У него было по-настоящему храброе и благородное сердце, — произнес Живоглот. Он прижался носом к голове Хэмнета, потом сказал Люксе: — Отрежь прядь. Для его родителей.

Она отрезала прядь волос Хэмнета и заботливо спрятала ее, завернув в платок.

Они сидели возле мертвого Хэмнета на пустом изуродованном поле, залитом кровью и липкой субстанцией, которую выделяли свирепые муравьи.

Звездоллист погиб. А вместе с ним погибли все надежды.

ГЛАВА 24

Грегор тупо уставился в землю, ничего не видя перед собой. Но вскоре взгляд его притянуло нечто очень знакомое. То было зеркальце, которое он дал поиграть Босоножке. Грегор поднял зеркальце и медленно вытер о рубашку.

«Ну, по крайней мере Босоножка и Газард не видели боя», — подумал Грегор. Газард не видел гибели своего отца и ящера. А Босоножка не видела, как Грегор крушил муравьев.

— Почему они пришли сюда? — наконец спросил Грегор. — Зачем муравьи хотят уничтожить наше лекарство?!

— Они видят в нас врагов, — ответил Живоглот. — Во всех теплокровных, и в частности в крысах. И то, что люди загнали нас к самым их угожьям, сыграло свою роль.

Грегор смутно припомнил, что уже слышал об этом. Он точно помнил, что от Живоглота. Только вот где и когда? Ну да, за обедом в Регалии, давно, очень давно. Они собирались в поход за Мортосом. Живоглот обвинил Соловет в том, что крысы голодают, и в том, что их оттеснили к землям муравьев.

— У них был отличный план, — сказал Живоглот, — следует это признать. Прийти сюда, уничтожить поле со звездолистом — и проблемы с теплокровными решены раз и навсегда.

— Но как они узнали, где это поле? — спросил Грегор.

— О, для них это совсем не трудно. Все Подземье в курсе, что мы отправились сюда. А им, собственно, и нужно было только это: узнать, куда мы направляемся. И множество насекомых с радостью предоставили бы им эту информацию, правда ведь, Темп?

— Множество, да, — согласился Темп. — Ненавидят здесь, ненавидят теплокровных, ненавидят здесь.

— Почему?! — изумился Грегор.

— У нас самые лучшие земли. Самые плодородные угожья. То, что не принадлежало нам с самого начала, мы забирали себе. Не думаю, что мы были внимательны к нуждам других жителей Подземья, — со вздохом сказала Найк.

— Да, я это заметил, — ответил Грегор. — То есть я имею в виду — я заметил, что вы ни во что не ставите тараканов. Вы и над муравьями смеетесь?

— Нет, муравьи — совсем другое дело. У них отсутствует инстинкт самосохранения. Они все делают ради благополучия муравейников. Если они потеряют тысячу или даже десять тысяч солдат — они не станут с этим считаться, тем более если в итоге уничтожат всех нас, — сказал Живоглот. — И каждый из них безгранично предан своей королеве... Нет, над муравьями мы не смеемся — они опасны. Очень опасны.

Грегор обвел глазами поле, усеянное трупами муравьев.

— И что нам теперь делать? — тихо спросила Найк.

— А что нам остается, кроме как отправляться домой и ждать неминуемой смерти? — ответила Коготок. — Ведь звездолиста больше нет.

— Я не верю, что выхода нет, — произнесла Люкса. — Мы ведь исполнили пророчество. Мы позвали Воина и принцессу. Мы объединились с грызунами в поисках лекарства. Мы все делали, как указано в пророчестве. Тогда почему мы потерпели поражение?!

— Не знаю, — сказала Найк. — Но я не уверена, что мы верно истолковали пророчество. Возможно, мы ошиблись в этом «где и когда».

— Что? — не поняла Коготок.

— «Ты знаешь, что, но не знаешь, где и когда», — процитировала Найк строчку из пророчества.

— О чем ты думаешь, Найк? Что имеешь в виду? — оживилась Люкса.

— А вдруг спасение где-то рядом? Вдруг звездолист растет где-то еще, не только здесь, на Виноградниках? — задумчиво произнесла Найк.

— Вряд ли. Доктор Нивива утверждает, что существует единственное поле. И я полагаю, мы его нашли, — заявил Живоглот. — Если это колыбель — то лекарство должно быть здесь и только здесь.

— Тогда надежды нет! — вновь поникла Люкса.

Последовало долгое молчание. Грегор подумал о белых цветах, о том, как было бы просто — уйти к ним и никогда не возвращаться. Вместо того чтобы вернуться в Регалию и смотреть, как умирает мама. И видеть, как Арес, если он каким-то чудом жив, теряет последнюю надежду, узнав, что Грегор потерпел поражение. Грегор даже не знал, суждено ли им с Босоножкой попасть когда-нибудь домой: а вдруг они тоже заразились? Вдруг того количества листиков звездолиста, которое они съели, недостаточно для выработки иммунитета?

— Не колыбель, вдруг это, не колыбель, — неожиданно сказал Темп.

Все были погружены в свои мысли, и слова Темпа не произвели никакого впечатления. Кажется, никто и не услышал, что сказал таракан.

— Что? — переспросил Грегор, скорее из вежливости, чем из интереса.

— Не колыбель, вдруг это, не колыбель, — повторил Темп.

Грегор не сразу понял, что тот имеет в виду. Но, расставив слова в нужном порядке, наконец сообразил: вдруг это не колыбель...

Вдруг все-таки они не в том месте?..

...БЕСЦЕННЫЙ ДАР,
ЧТО В КОЛЫБЕЛИ ПОКОИТСЯ И ЛИШЬ ОДИН
МОЖЕТ ОТ ЯДА ОЧИСТИТЬ КРОВЬ И СПАСТИ.

— Но это как раз колыбель! — запоздало возразила Коготок.

— Ты уверена? — спросил Живоглот. В его глазах вспыхнул огонек надежды. — А кто это сказал? Мы не можем быть уверены, что это та чума, о которой говорится в книге. Возможно, симптомы совпадают, но болезнь на самом деле совсем другая! И если догадка Темпа верна — это кое-что объясняет.

— Что именно? — взволнованно спросила Люкса.

— Это объясняет тот пункт в пророчестве, в котором говорится о непременном участии ползучих. Ведь если говорить откровенно, в противном случае присутствие Темпа совершенно... бессмысленно. Темп, конечно, замечательная нянька, но ни для чего другого он совершенно не годится. Возможно, в этом и заключается твое предназначение, Темп! Твоя минута славы! Возможно, поэтому Сандвич упомянул о тебе в пророчестве, — продолжал Живоглот. — Для того чтобы ты догадался, что Виноградники — *не* колыбель!

И Живоглот принялся возбужденно носиться взад-вперед, так что остальным только оставалось вертеть головами, чтобы не упускать его из поля зрения.

— Давайте-ка остановимся и посмотрим, что мы имеем... Предположим, Виноградники — *не* колыбель, а звездолист — *не* противоядие. Тогда получается, что мы «знаем, что» — чума, но «не знаем, где и когда». Что за «где и когда»? Думайте! Говорите все, что придет в голову! — приказал Живоглот. — Ты знаешь, что — чума, но не знаешь, где и когда...

— Когда она заберет моих щенков! — выпалила Коготок будто против воли.

— Где и когда муравьи должны напасть на нас, — сказала Найк.

— Ты знаешь, что это чума, но не знаешь, где и когда... — повернулся Живоглот к Люксе.

— Где и когда заразился Арес, — тут же подхватила Люкса. — Ну, я имею в виду — мы же не знаем, заразили его клещи или это случилось как-то иначе. И вопрос заключается не только в том, где и когда, но еще и почему — почему Грегор, Аврора и я не заразились?

— Мы с Маретом говорили об этом, — вмешался Грегор. — Особенно непонятно со мной. Я ехал верхом на нем много дней, у меня были открытые раны на руках, а у него текла кровь... И разве я мог не заразиться, если его кровь уже была заражена? А так должно было быть, если он подхватил чуму от клещей.

— Значит, у него ее еще не было! — сказал Живоглот. — Значит, Говард и Андромеда заразились, когда вытаскивали его, больного, из убежища. Итак, где и когда Арес мог подхватить чуму?

— Ну, ответ может быть такой: где угодно! — недовольно буркнула Коготок.

— Нет, не где угодно, — возразила Найк. — А только там, где он бывал.

— Там, где он бывал... И где мог существовать вирус, — задумчиво произнес Живоглот. — Люкса, как ты думаешь, куда он мог податься?

— Мог отправиться искать нас с Авророй, — сказала Люкса. — Мог полететь обратно в Лабиринт. Или сидеть в своем убежище... во владениях летящих... в Регалии.

— Нет, он не появлялся ни в вашем городе, ни в наших землях, — покачала головой Найк. — После суда над ним никто не хотел его видеть.

— Он опасался, что его могут казнить. Он даже в больницу не полетел со своими ранами. Он отправился... он отправился... — Грегор вдруг наткнулся взглядом на лужицу крови. Кровь натекла из раны Хэмнета. Она слегка поблескивала, и в ней как будто можно было разглядеть собственное отражение.

Эта картинка была ему странно знакома.

— Где-то я уже это видел... — протянул он.

И тут — хлоп! Все фрагменты пазла встали на свои места.

— Не может быть... не может этого быть... — выдохнул Грегор.

— Что, Наземный? Что? — заволновался Живоглот.

Лужица крови в кабинете Нививы... блохи, набросившиеся на кровь... пустой контейнер... новый — потому что старый разбился. Не в тот день — раньше. Гораздо раньше. Нивива сказала, он разбился несколько месяцев назад.

Значит, вирус чумы был у нее в кабинете за несколько месяцев до того, как заболел Арес!

— Арес бывал... он летал... из-за ранок от укусов... он летал обрабатывать их... — бормотал Грегор.

— Да. И что дальше? — не понял Живоглот.

— Нивива. У нее уже был вирус чумы, — сказал Грегор.

— Разумеется, он у нее был — она же должна была его исследовать! — тоже не поняла Найк. — Как только началась чума — она начала исследования!

— Нет, не так. Я думаю... — Грегор помолчал, потом продолжил: — Я думаю, он был у нее раньше. До того как началась эпидемия. Она сказала, что контейнер разбился несколько месяцев назад. И Арес, видимо, как раз прилетал к ней. Там-то он и заразился! Вот почему не заразился я! И Люкса! И Аврора!

И сама Нивива... нервная, подпрыгивающая, дерганая Нивива... Она была такой взволнованной не из-за того, что началась эпидемия, а из-за того, что именно из-за нее она началась!

— Чушь! — раздраженно возразила Люкса. — Зачем людям вирус чумы?!

— О, это крайне полезная штука, ваше величество, — повернулся к ней Живоглот. — Сами подумайте: можно истребить всех крыс, вообще всех теплокровных, что мешают и раздражают, и при этом быть совершенно уверенными, что люди в безопасности! Браво! В ваших лабораториях изобрели совершенное оружие!

— Злодей и герой оказались в одном лице...

— И начало дороги находится в самом конце, — взволнованно процитировала Найк. — Это же про доктора Нививу! Она злодей и герой в одном лице!

— Нет, это звучит неубедительно, — качала головой Люкса.

— Вот как? А для меня это звучит очень правдоподобно. Но, думаю, если мы не сможем убедить тебя — мы не сможем убедить в своей правоте и других. Поэтому думай, Грегор, думай! Что еще у тебя есть? — наседал Живоглот.

Что еще? Что-то должно быть. Грегор сжал зеркальце в руке так сильно, что чуть не поранился. Зеркало! Он вспомнил о часах, которые проводил, запершись в ванной, чтобы прочитать пророчество.

— Зеркало! — воскликнул он и продемонстрировал всем зеркальце. — Вы ведь знаете, без зеркальца пророчество не прочесть. Необходимо смотреть в зеркало... А когда смотрите в зеркало, что вы видите? Вы видите... — Он повернул зеркало и обвел им всех присутствующих.

— Себя, видеть себя! — сказал Темп.

— Так это люди! У них все это время был вирус чумы! — догадалась Коготок.

— Нет! — уверенно заявила Люкса. — Нет, даже в самые тяжелые времена мы, люди, не могли создавать и использовать такое. Должно быть другое объяснение. Такое, что все перевернет.

— Повернет... да. «Поворот, и еще, и еще, и опять не туда...» — Глаза Живоглота загорелись. — Вот оно! Неужели вы не видите?! Это похоже на маленький танец Босоножки.

И Живоглот заскакал по полю:

— Мы пришли сюда, в джунгли, в поисках лекарства. Но если повернуться на сто восемьдесят градусов... — Он прыгнул. — Потом еще раз... — И он снова прыгнул. — И еще... Если мы сделаем все так, как написано в пророчестве, ваше величество, мы не будем стоять лицом к джунглям. Мы будем стоять лицом к Регалии.

ГЛАВА 25

— Я не хочу... я не могу в это поверить! — сказала Люкса упрямо.

— Ну, лучше бы это было правдой — это в наших интересах, — заметил Живоглот. — И если Наземный прав и мы найдем лекарство от чумы в лабораториях Регалии, — я хочу, чтобы твоим первым приказом было немедленно отправить его крысам, — жестко сказал он.

— В Регалии нет лекарства! — стояла на своем Люкса.

— А если есть?.. — не отступал Живоглот.

— Если есть... хотя его там нет и не может быть... но если есть — даю слово, крысы получают его в первую очередь.

— Тогда ладно. Летите в Регалию и заканчивайте эту миссию. Мы же с Коготок отправимся домой — нужно объяснить все нашему народу. И я буду ждать от вас вестей, — сказал Живоглот.

Он повернулся к Коготок:

— Думаю, нам стоит идти в ту сторону, откуда наступали муравьи. Там неподалеку должны быть туннели, и эти кошмарные растения вряд ли туда добрались.

Тут он заметил, что никто не двинулся с места.

— Чего же вы ждете? Садитесь на свою летящую — и вперед!

— А как же Хэмнет и Гребешок? — спросил Грегор.

Ему не хотелось оставлять их здесь. Однако похоронить их было невозможно: слой почвы был слишком тонким. Но и забрать с собой они их не могли — Найк бы всех не вытянула.

— Они принадлежат джунглям, Грегор, — ответил Живоглот. — Скоро здесь снова будет расти звездолист. И тогда это место будет не самым худшим, не так ли?

— Да, наверное, — сказал Грегор.

Но в глубине души он не был в этом уверен.

— А теперь — быстро садитесь на свою летучую мышь! — скомандовал Живоглот, подталкивая Грегора к Найк.

Они с Люксой послушались.

— И не забудьте ползучего! — напомнил Живоглот, подсаживая Темпа. — Он у нас герой. Он подарил нам новую надежду!

— Да, именно. И я думаю, он не будет возражать, если ты станешь рассказывать об этом всем и каждому, — сказал Грегор.

Может быть, тогда теплокровные перестанут быть такими снобами по

отношению к жукам.

— Если он окажется прав — я не смогу говорить ни о ком другом, в противном случае я буду самым несправедливым занудой во всем Подземье! — пообещал Живоглут. И добавил: — Высокого тебе полета, Грегор!

— Беги как река, Живоглут! — отозвался Грегор.

И Найк взмыла в воздух над лианами и полетела прочь от Виноградников.

Путь к озеру в стране зубастиков, куда Аврора унесла Босоножку и Газарда, оказался на удивление коротким. Как только Найк приземлилась, подбежал Газард:

— А где мой папа? Где Гребешок? Они скоро придут, да?

Люкса с тоской посмотрела на Грегора. А тот подумал, что никто лучше Люксы не понимает, какая беда постигла Газарда и как он себя должен чувствовать отныне.

Люкса спешила и взяла руку Газарда в свою.

— Они... они не придут, Газард. Не вернутся. У нас была страшная битва там, в Виноградниках... чтобы спасти звездолист. И Хэмнет и Гребешок в этой битве со жвальными... они погибли, Газард. Мне очень жаль...

Газард смотрел на нее во все глаза.

— Нет... они не могли уйти! — сказал он наконец. — Они никогда не оставляли меня одного. Они не могли бросить меня одного!

— Они не хотели. Это я тебе точно говорю, — сказала Люкса. — Просто они не смогли ничего с этим поделать. Иногда происходят вещи, которые от нас не зависят.

— Но папа... — Зеленые глаза Газарда стремительно наполнялись слезами. — Это как тогда... когда мама меня оставила... Она тоже не хотела уходить... Но ей пришлось.

Он отвернулся, потому что слезы ручьем потекли у него по щекам.

Босоножка подошла к Грегору и потянула его за рукав:

— Гррре-го, он плачет.

Она думала, что брат всегда может все исправить. Но он не мог.

Грегор поднял Босоножку на руки и прижал к себе:

— Я знаю.

А что он мог еще сказать?

Люкса опустила перед Газардом на колени, вытирая ему слезы, глядя его по голове.

— То же самое произошло когда-то с моими родителями. Они оба

умерли, — сказала она. — Моя мама и твой отец были братом и сестрой. Ты знал об этом?

Газард покачал головой.

— У меня... у меня нет сестры, — произнес он, глотая слезы.

— И у меня нет брата. Но я вот что подумала, Газард: если ты отправишься вместе со мной в Регалию, у меня будет брат, — сказала Люкса. — Ты согласен? Пойдешь со мной?

— В Регалию? — Газард выглядел совсем маленьким и растерянным. — Но я живу здесь, в джунглях!

— Но теперь некому жить здесь с тобой, Газард. Кто о тебе позаботится?

— Я хочу к папе! — крикнул Газард. Его душили рыдания.

— Я знаю. Знаю. Но папы больше нет! — Люкса обвила руками рыдающего малыша, и он ткнулся лицом в ее плечо. — Газард, милый Газард, скажи, что ты полетишь со мной в Регалию. Пожалуйста! В Регалии на самом деле не так уж плохо.

— Мой дедушка... живет... в Регалии. Он сказал... что я могу прийти туда в любое время, когда... когда захочу...

— Ну конечно! Вкус будет счастлив видеть тебя! — подхватила Люкса, поглаживая темные кудряшки. — И все остальные тоже.

— И ты будешь моей сестрой? — спросил Газард. Он взглянул на Грегора, который держал на руках Босоножку.

— Если ты мне позволишь, — ответила Люкса.

— Ладно! — Слезы все еще текли по лицу Газарда неостановимым потоком, но он мужественно вытер нос рукавом. — А можно мне полетать на твоей летучей мышке?

— В любое время, — кивнула Люкса. — Когда мы будем дома — возможно, ты встретишь летучую мышку, которая станет твоей неразлучной тенью. Ты бы хотел?

Газард кивнул.

— Тогда полетели домой, малыш.

Они задержались всего на несколько минут, чтобы попить из озера и промыть раны.

От повязок ничего не осталось — челюсти муравьев превратили их в бесполезные обрывки ткани. Хорошо хоть вонючая слизь, которой муравьи обильно сдобрили поле со звездолистом, была безвредна для теплокровных. Она не жгла кожу, как желтая пудра от блох, и легко смывалась водой. Похоже, только для растений она была смертоносна.

Прибежали мыши, сложили к ногам Люксы много спелых золотистых

слив.

Прежде чем мыши ушли, Люкса сказала:

— Спасибо. Я никогда не забуду вашу доброту ко мне и Авроре. Знайте: пока я жива — вы всегда будете иметь в Подземье друга и покровителя.

Она сняла с головы золотой ободок и положила на камень перед мышами.

— Если вам когда-нибудь понадобится моя помощь — просто пришлите мне с гонцом эту корону, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

Затем Люкса легонько погладила каждую, и мыши пропищали на скверном человеческом языке прощальное «до свидания».

Обе летучие мыши — и Аврора, и Найк — были не в лучшей форме, но они утверждали, что в состоянии долететь до Регалии. Люкса взяла Газарда на Аврору, а Грегор, Босоножка и Темп вскарабкались на спину Найк.

Грегору не терпелось поскорее вернуться. Неужели там есть — или может быть создано — лекарство от чумы? Мама, Арес, друзья, если они еще живы... каждая минута на счету.

Летучие мыши взяли курс на Регалию.

Грегор вспомнил, как медленно они добирались сюда по земле, и покачал головой. Жаль, нельзя было проделать весь этот путь по воздуху: крысы были, конечно, слишком тяжелыми, не говоря уже о ящере. Но сколько же времени можно было сэкономить! Они могли слетать туда и обратно не меньше десяти раз.

— Слушай, Найк, а что ты делала тут, наверху, пока мы продирались сквозь эти ужасные заросли? — спросил он.

— Я летала кругами, — сказала Найк. — И безостановочно повторяла про себя пророчество.

— Мы его разгадали, как тебе кажется? Мы ведь не ошибаемся в том, что именно люди начали все это?

— Надеюсь, это так. Но знаешь, Грегор, если остальные теплокровные узнают, что чума началась по вине людей, они воспримут это очень болезненно.

— И что тогда?

— Людям, видимо, будет стыдно, они будут стараться загладить вину. Но их враги станут говорить, что это лишь подтверждает то, что и так известно: люди врут и творят все, что им вздумается, ни с кем не считаясь, — сказала Найк. — И самое ужасное, что... на самом деле никто

этому не удивится.

Грегор, хоть и не жил в Подземье, остро ощущал свое родство с подземными. Он все еще был очень сердит на них за суд над ним и Аресом. И все-таки он не сомневался, что это недоразумение. Ведь когда Нерисса им все объясняла, они — большинство из них — слушали ее. А вот к крысам отношение у Грегора было другое: их он считал в основном «плохими», видя среди них редкие исключения — того же Живоглота и Вертихвостку. Мысль о том, что люди способны на не менее ужасные поступки, приводила его в ступор. Но и для него она не была неожиданной. Он прекрасно помнил, как Совет не желал делиться с крысами желтой пудрой.

Босоножка и Темп всю болтали по-тараканьи. Грегор понимал лишь отдельные слова и только пытался угадать смысл. И уже совсем скоро он обнаружил, что они спускаются. Посветив фонариком вниз, он увидел кучи костей и скелетов, разбросанных вокруг Арки Тантала.

— Мы что, сделаем остановку? — спросил он Найк.

— Не волнуйся — это ненадолго, просто перевести дух. Нам с Авророй необходима передышка, — ответила она.

— О да, разумеется! — спохватился Грегор.

Он всей душой стремился в Регалию, но летучим мышам действительно нужно было передохнуть, тем более что обе были травмированы.

У них не было воды, зато было полно слив. Все семеро сели тесным кружком и поели. Четверо детей, две летучих мыши и таракан. Грегор вдруг подумал, что они представляют собой легкую добычу, и невольно покосился в сторону джунглей.

Люкса была столь погружена в свои мысли, что, кажется, не замечала, что происходит вокруг. Она держала в руке нетронутую сливу и безучастно смотрела на скелет какого-то крупного грызуна.

— Люкса! Ты собираешься это съесть? — позвал ее Грегор.

Она вздрогнула, вернувшись к реальности.

— А что? Угостить тебя?

— Нет, тебе необходимо поесть самой. Мы не должны долго здесь оставаться, — сказал он.

Люкса кивнула и откусила маленький кусочек, но лицо ее выглядело по-прежнему озабоченным.

— Я все думаю о том, что сказал Живоглот. О том, что это оружие. Ты знаешь, он прав, Грегор. Чума в качестве союзника могла бы дать людям тотальный контроль над всеми теплокровными, — произнесла она словно

нехотя.

— Так, значит, я прав? И эпидемия началась из лаборатории Нививы? — спросил он.

— Мне все еще трудно поверить... Но это — единственное здоровое объяснение происшедшему. И есть только один способ проверить, так ли это.

— Какой? — поинтересовался Грегор.

— Если окажется, что за время нашего отсутствия она нашла лекарство от чумы, — значит, ты прав. Ибо колыбель и противоядие существуют в единственном экземпляре, и никакого другого средства против чумы, кроме звездолита, по идее быть не должно. И если она создаст лекарство — сомнений не останется, — сказала Люкса мрачно.

Аврора сообщила, что можно лететь, и они снова взмыли вверх.

Найк предложила Грегору поспать. Он лег рядом с Босоножкой, которая тут же задремала, но уснуть не мог.

В тишине и темноте туннеля перед ним снова встала картина боя. Сейчас он помнил о нем куда больше, чем о бое со спрутом, который вообще не отпечатался у него в памяти. На этот раз он отлично помнил специфический звук и блеск меча, когда тот лишал жизни одного муравья за другим. Но кто такие муравьи, если разобраться?

Они не относятся ни к животным, ни к стихийным явлениям. Однако Живоглот говорил о них как о разумных существах, которые способны выработать хитрый план.

Интересно, имена у них есть? И есть ли у них такие понятия, как родители, дети, друзья?

Кого на самом деле он убивал? Грегор никак не мог определить, что чувствует.

С одной стороны — все его мысли были в момент боя о том, что нужно спасти звездолит. Его собственная жизнь была в большой опасности — абсолютно реальной, достаточно вспомнить, что случилось с ящером и Хэмнетом. Хотя там, на поле боя, Грегор не думал о себе и своей жизни. Порой у тебя нет выбора, когда вступаешь в бой. Даже Хэмнет это признавал... И сегодня был один из таких случаев. Грегор делал то, что должен был делать.

Но в то же время...

Когда он вспоминал валявшиеся на поле безжизненные тела муравьев — его охватывал ужас.

А еще — несмотря на яростничество Грегора, он и его товарищи потерпели поражение в бою!

Хэмнет тоже вынужден был сражаться. Грегор знал, что тот делал это через силу, понимая, что выбора у него нет. Если бы у них было время и возможность поговорить обо всем этом — они могли догадаться, как следует толковать пророчество. Тогда не было бы этой бессмысленной бойни. Но когда муравьи появились на поле, думать о чем-то еще было поздно. Мирное решение могло быть найдено, если бы его искали все. Если бы все вместе — люди, крысы, муравьи — решили, что надо все решать миром.

Если Грегор прав и доктор Нивива виновата в том, что происходит, тогда на все это приходится смотреть по-другому. Если звездолист, ради которого они сражались, не является лекарством, этот бой представляется вообще бессмысленным.

Чем больше Грегор думал об этом, тем больше путались его мысли.

Мы были правы, когда сражались.

Мы были не правы, когда сражались.

Сражаться было необходимо.

Сражаться было бессмысленно.

Он не знал, на чем остановиться, и это сводило его с ума. Неудивительно, что Хэмнет сбежал от таких ужасов в джунгли. Но и там этот выбор настиг его.

Через несколько часов мучительных раздумий Грегор увидел впереди мерцающие огни.

Вот она, Регалия!

Перед путниками возникли четверо подземных верхом на летучих мышах и преградили им дорогу. Но тут они увидели Люксу.

— Королева Люкса?! — воскликнул один из гвардейцев. — Это вы! Вы живы!

— Да, Клаудиус, жива, — ответила Люкса. — И я велю немедленно созвать Совет.

— Да, но... — Клаудиус чувствовал себя не в своей тарелке. — Нам предписано отправлять всех прибывающих в город на исследования и анализы. Это необходимые меры безопасности.

— В целях экономии времени мы нарушим эти предписания! — отрезала Люкса. — Поверьте, даже если я несу в себе чуму — это ничто по сравнению с тем, что я должна сообщить.

— Но у нас строжайший приказ... — Бедный гвардеец не знал, как ему быть.

— ...который я отменяю! — Люкса была непреклонна. — Очистите дорогу ко дворцу! Это мой приказ, и я несу за него ответственность перед

народом Регалии.

Клаудиус с сомнением посмотрел на остальных гвардейцев, но наконец решился.

— Очистить дорогу королеве Люксе! — крикнул он.

И сам полетел с ними, крича каждому, кого встречал по пути:

— Королева! Королева вернулась!

И все подземные тут же уступали им дорогу.

Когда они пролетали над улицами города, Грегор видел, как люди задирали головы, восторженно приветствуя их маленький отряд. Видимо, они узнавали Аврору по прекрасной золотистой шкурке и догадывались, что Люкса летит на ней.

Измученные летучие мыши наконец приземлились в Высоком зале, и две женщины из отряда стражей подбежали к ним на помощь.

— Отправить Аврору и Найк в госпиталь, немедленно! — приказала Люкса. — Совет на месте?

— Да, ваше величество! — ответила одна из женщин. — Только что собрались. — Она вдруг закрыла рот рукой, будто пытаясь скрыть изумление и радость. — О, Люкса! Вы вернулись!

— Я тоже рада тебя видеть, Миранда, — сказала Люкса с полуулыбкой. — Но нам следует поторопиться.

Люкса взяла Газарда за руку и решительно пошла вперед. Грегор подхватил свою спящую сестренку, и они с Темпом поспешили за Люксой в зал заседаний Совета.

Совет уже был на месте, включая Викуса и Соловет. Нерисса председательствовала, сидя за большим каменным столом.

Доктор Нивива как раз что-то говорила, обращаясь к Совету. Перед собой она держала подставку, на которой стояли стеклянные пробирки, наполненные оранжевой жидкостью.

Когда пятеро путешественников вошли, Нивива остановилась на полуслове и как будто задохнулась.

Члены Совета повскакали с мест, начали пробираться к путникам, но Люкса подняла руку и остановила их.

— У меня известие чрезвычайной важности. Сядьте по местам и выслушайте! — велела она.

Смущенные, все вернулись на свои места.

По-прежнему держа Газарда за руку, Люкса подошла и встала прямо напротив доктора Нививы.

— Мы добрались до Виноградников и нашли там поле звездолеста. Правда, поле на наших глазах было уничтожено муравьями. И мы

лишились лекарства, — сообщила Люкса. — Что вы об этом скажете, доктор Нивива?

— Это, несомненно, ужасная новость. Но мы здесь работали в лаборатории день и ночь, и нам удалось самим синтезировать лекарство. Пробирки, что стоят передо мной, и есть плод наших усилий, — сообщила доктор Нивива.

Люкса несколько секунд не отрывала взгляд от пробирок, затем тяжело вздохнула и задала новый вопрос:

— И вы уже испытали это средство на больных?

— Испытания в больнице прошли успешно. И у матери Наземного, и у его летучей мыши отмечено значительное улучшение, — ответила Нивива.

Грегор почувствовал, как у него подкосились ноги.

— Ох!

Вздох вырвался у него непроизвольно. Они живы!

Нивива тут же послала ему улыбку:

— Да, мы имеем все основания надеяться, что произойдет полное излечение.

По залу пробежал гул довольных голосов. Итак, средство от чумы найдено. Нивива оказалась героем.

Голос Люксы полоснул воздух, словно ножом:

— Я полагаю, оно несомненно будет эффективным. Остановит чуму.

— Надеюсь, мы оправдаем ваши ожидания, ваше величество, — сказала Нивива, начиная заметно нервничать.

— О, я не сомневаюсь, что вы их оправдаете. Судя по тому, как сами вы прекрасно выглядите, — ответила Люкса. — Ведь если средство вылечило вас — почему бы ему не помочь остальным заболевшим?

Нивива вспыхнула:

— Я не понимаю, о чем вы!

— Понимаете, Нивива. Прекрасно понимаете, — усмехнулась Люкса. — Я имею в виду, что это вы создали чуму теплокровных. В вашей лаборатории. Ваша лаборатория — колыбель. Так что логично, что и средство от этой болезни создано там же. — Отовсюду слышались возгласы возмущения и протеста, но Люкса продолжала: — Доктор Нивива, неужели вы станете отрицать, что Арес заразился в вашей лаборатории, где вы синтезировали вирус чумы?

Лицо Нививы стало смертельно бледным. Кровь отхлынула от него.

— Я... я... я не...

— Отвечайте «да» или «нет»! Он заразился в вашей лаборатории? — настаивала Люкса.

— Это недоразумение, случайность... В этом нет ничьей вины... — бормотала Нивива. — Он был в лаборатории совсем по другой причине...

— И вы заставили всех поверить, что чума началась в Виноградниках, хотя все это время прекрасно знали, что она — дело ваших рук? — уточнила Люкса.

— Я не могла... не могла говорить об этом... Исследования были секретными, — беспомощно лопотала Нивива.

— Итак, в интересах секретности вы позволили чуме распространиться и убивать ни в чем не повинных живых существ? А еще — отправили бессмысленную, обреченную на неудачу экспедицию в самое гибельное место Подземья. Так?

Нивива затравленно озиралась.

— Мне было приказано изучать чуму! Моей задачей было найти антидот, тогда мы могли бы использовать ее как оружие... Я лишь выполняла свой долг! — закричала она.

Большинство членов Совета были шокированы происходящим. Но Грегор заметил, что на некоторых лицах тоже отразился страх.

«Они знают! — догадался Грегор. — Некоторые обо всем знают!»

Викус быстро вскочил из-за стола и кивнул двоим гвардейцам:

— Взять под стражу доктора Нививу! И сообщите членам суда, что им следует незамедлительно провести заседание!

Гвардейцы схватили Нививу под руки. Она не оказала ни малейшего сопротивления.

— Я просто выполняла приказ, — тихо произнесла она, когда ее выводили.

— Немедленно свяжитесь с лабораторией и узнайте, сколько доз антидота у них есть! — скомандовал Викус. — И тут же доставьте в госпиталь.

— Нет! — с каменным лицом возразила Люкса. — Сначала мы должны сделать кое-что еще: мы должны отправить лекарство грызунам. Я дала слово Живоглуту. И я его сдержу.

И никто в зале не осмелился возразить.

ГЛАВА 26

После этого заявления Люксу, казалось, покинули силы.

Она взглянула на Газарда, который так и держал ее за руку.

— Ты, должно быть, голоден?

Малыш кивнул.

— Распорядитесь насчет еды, — сказала она одному из гвардейцев, выходя из зала.

Идти было недалеко. Почти напротив зала находилась небольшая уютная комната с двумя диванчиками. Люкса свернулась калачиком в углу одного из них, усадив Газарда рядом с собой. Головой она оперлась на руку, положенную на подлокотник. Грегор уселся на диване напротив, держа на коленях Босоножку. Темп сел рядом, у их ног.

— Ты была великолепна, Люкса, — сказал Грегор.

Она издала какой-то нечленораздельный звук.

Грегор видел, что она очень расстроена. В дверях показались Викус и Нерисса.

Викус быстро подошел к Люксе и бережно взял в ладони ее лицо.

— Как мы могли это допустить, Викус? Как? Что будет теперь, когда все об этом узнают? И... это же позор, Викус! Как мы сможем это исправить? — сказала она.

— Мы попробуем исправить это вместе, — ответил Викус. — Если на нас нападут — мы сможем противостоять. Но мы попытаемся смягчить гнев соседей, предоставив им помощь. Мы отдадим обратно оккупированные нами земли, обеспечим их едой и медикаментами. Что касается позора... Что ж, это хороший урок, надеюсь, он пойдет нам впрок! — Он приподнял ее подбородок. — Я так счастлив снова видеть тебя, дорогая!

— Ну а ты, — Люкса посмотрела на Нериссу, — как тебе на троне, Нерисса?

— Сама, конечно, догадываешься! — Нерисса издала короткий смешок, сняла с головы маленькую золотую корону и водрузила ее на голову Люксе. — Тебе она идет гораздо больше.

Люкса вздохнула и поправила корону, сдвинув ее назад:

— Кажется, я недавно потеряла корону — видимо, для того, чтобы освободить место для другой. Спасибо, что сохранила ее для меня.

— Это ужасно тяжелая работа, — сказала Нерисса. Она протянула

руку и коснулась волос Газарда. — А ты, конечно, Газард.

— Люкса сказала, я могу жить здесь и быть ее братом, — робко ответил Газард.

Он переводил взгляд с одного предмета в комнате на другой, и Грегор вдруг догадался, что он никогда в жизни не бывал в каменном доме.

— Мы рады, что ты с нами! — Викус вопросительно посмотрел на Люксу и тихо спросил: — Хэмнет?..

— Он умер. Он не придет, — сказал Газард. — Да, Люкса?

— Да, он не придет. Но мы будем всегда его помнить.

Викус оглядел Грегора, оценил взглядом его раны, остановился на мече, висевшем на ремне.

— Ну что, Наземный, как твои дела?

— Хорошо, — коротко ответил Грегор. Ему не хотелось говорить сейчас о себе. — Значит, они живы? Им лучше?

Впервые за все время Викус улыбнулся:

— Иди и посмотри сам.

Подали еду. Нерисса осталась с Газардом, Босоножкой и Темпом, а Грегор и Люкса отправились с Викусом в госпиталь.

— Они приняли лекарство Нививы, и им стало лучше. А теперь, когда ты вернулся, выздоровление пойдет быстрее, — сказал Викус, пока они шли по коридору.

Перед тем как свернуть туда, где были палаты со стеклянными стенами, Грегор взял Люксу за руку:

— Послушай... Они выглядят... ужасно. Ты должна быть готова.

— Я видела в жизни много ужасных и отвратительных вещей, — возразила Люкса.

— Не сомневаюсь. Но когда я впервые увидел Ареса в таком состоянии, я... меня стошнило. — Он все-таки признал это. — А твоя тетя сказала, что люди теряют сознание при виде такого зрелища. Потому что... это и правда шок.

На лице Люксы отразилось сомнение:

— Но я все равно должна их увидеть.

— Тогда... обопрись на мою руку и, если тебе станет плохо или ты почувствуешь слабость, просто сожми ее крепче, — предложил Грегор.

Люкса подумала и кивнула, соглашаясь. Они свернули за угол и тут же оказались перед стеклом палаты Ареса.

Выглядел он и впрямь ужасно. Шерсти на нем совсем не осталось, а все тело покрывали огромные фиолетовые бубоны. Но Грегор радостно улыбнулся — его друг не лежал в кровати, он был на своих ногах!

— Эй, смотри-ка, Арес... — Тут Люкса сжала руку Грегора так сильно, что Грегора был уверен: еще немного, и она сломает ему как минимум три пальца.

Он повернулся к ней и увидел ее бледное, совершенно белое лицо. Хотя не совершенно белое — у него на глазах оно обрело зеленоватый оттенок.

— Он в порядке, Люкса! Он выглядит гораздо лучше, чем когда я улетаю.

Она не могла говорить. Просто стояла, вцепившись в его руку, и глаза ее с ужасом смотрели на доходягу, который некогда был и ее другом.

— Правда, Люкса, он выздоравливает, — сказал Викас. — А когда вас увидит — это придаст ему больше сил.

Он побарабанил по стеклу, и Арес повернул голову. Крылья его затрепетали, и он даже сделал несколько шагов навстречу, но вынужден был остановиться, чтобы восстановить дыхание.

— Улыбнись ему, Люкса! — попросил тихонько Грегора, сам старательно следуя своему совету. — Аврора — внизу — здесь! — проговорил он медленно, сильно артикулируя, и ткнул пальцем вниз, в пол, чтобы Арес понял, что Аврора здесь, в больнице.

Арес кивнул, показывая, что понял.

— Что ж, не будем его утомлять, — сказал Викас.

Он помахал Аресу и пошел дальше по коридору.

В следующей палате спали в своих постелях Говард и Андромеда. Оба тоже были в фиолетовых бубонах. Один из бубонов лопнул прямо у них на глазах, и Грегора почувствовал, как пальцы Люксы вновь стиснули его руку.

— Мы чуть не потеряли Говарда накануне того дня, когда доктор Нивива объявила о создании лекарства. Но теперь ему с каждым днем лучше, — сказал Викас. — А сейчас, Грегора, пойдем навестим твою маму. И потом вам с Люксой тоже требуется медицинская помощь.

Мама лежала в постели, но не спала. Она нервно трогала фиолетовый бубон на шее. Увидев Грегора, она замерла. Они молча смотрели друг на друга, словно вокруг больше никого не было. Мама спросила одними губами:

— Босоножка?

Он кивнул и поднес воображаемую ложку ко рту, показывая, что сестренка сейчас кушает.

Мама обессиленно закрыла глаза, и Грегора увидел, как из-под ресниц у нее покатались слезы.

— Она выглядит очень слабой и больной, — сказал он тревожно.

— Так и есть — она больна. Но теперь она идет на поправку, — ответил Викус. — А теперь оба — на осмотр к врачам! Вас тоже не мешает подлечить!

— Сколько их? — спросила Люкса, глядя в глубь коридора.

— Больше ста, — тихо сказал Викус. — Тридцать мы потеряли. На Источнике дела еще хуже — там умерли восемьдесят человек.

Люкса не выпускала руки Грегора до тех пор, пока они не дошли до ванных комнат — где и разошлись в разные стороны.

Напоследок она шепнула:

— Спасибо, Грегор.

Грегор помылся, и многие следы от укусов открылись и начали кровоточить. Хотя, возможно, они и не затягивались — их было слишком много и некоторые довольно глубокие. Он лежал на больничной койке, а вокруг суетилась целая команда докторов. Кроме этих ран, полученных в сражении, у него были следы от лиан на запястьях и изъеденные ядом плотоядного растения ноги. Ему требовалось наложить швы, много швов. Один из врачей дал ему глотнуть светло-зеленой жидкости, и он погрузился в сон.

А когда пришел в себя, обнаружил, что весь забинтован — с головы до ног. Секунд десять он думал, что выглядит, должно быть, как мумия. А потом начал срывать с себя повязки. Но только что он справился с одной, на запястье, как знакомый голос остановил его:

— Нет, Наземец, так у тебя опять раны откроются.

На стуле возле его постели сидел Марет, рядом стояли его костыли.

— Марет! — обрадовался Грегор. — Как поживаешь?

— Не могу пожаловаться. А ты как?

Грегор пожал плечами:

— Как одна большая болячка. Сколько я спал?

— Шестнадцать часов. Они тебя, правда, поднимали, чтобы вкатить тебе лекарство от чумы, но ты даже не проснулся, — ответил Марет.

— Лекарство от чумы? Мне-то оно зачем? — не понял Грегор.

— Каждый должен получить дозу в профилактических целях, — объяснил Марет. — Там, в лаборатории Нививы, нашли тысячи и тысячи доз антидота. Они пылились там, пока больные умирали! — Марет покачал головой, словно не веря.

— Значит, я был прав... насчет разбитого контейнера... — пробормотал Грегор.

— Да. Нивива признала свою вину. Когда Арес был у нее в лаборатории — обрабатывал раны, он случайно толкнул крылом контейнер

с блохами. Тот разбился, блохи вырвались на свободу и покусали и Ареса, и саму Нививу. Она объяснила, что ничего не сказала, но собиралась дать ему лекарство на следующий день, когда он прилетит обрабатывать раны. Только Арес не появился. Он отправился на поиски Люксы и Авроры. Так чума проникла на территорию крыс, — сказал Марет.

— Где теперь Нивива? — спросил Грегор.

— Ее казнили. Пока ты спал, собрался суд. Она была признана виновной в государственной измене. Все произошло очень быстро, — ответил Марет.

— То есть она... она умерла?!

Грегор думал, что ее посадят в тюрьму, но убивать...

— Да. Она совершила страшное преступление, — сказал Марет.

— Но Люкса... она присутствовала на суде? — спросил Грегор.

Он знал, что королева может отменить приговор.

— Нет, она тоже спала. Но, думаю, ее не допустили бы до слушания дела. Нивива выполняла приказ — ей было велено создать новый вид оружия: вирус чумы. Она никому не сообщила о заражении Ареса — и это ее и только ее вина. Но... про чуму знали многие. — Марету с трудом удавалось подбирать слова, особенно когда очередь дошла до следующего предложения. — И прежде всего Соловет. А поскольку Соловет — ее ближайшая родня по крови, Люкса не имела права участвовать в заседании суда и вынесении приговора.

— Так это Соловет отдала такой приказ? — ошеломленно спросил Грегор.

— Выяснилось, что она возглавляла тайный комитет, который занимался разработкой новых видов оружия, — кивнул Марет.

Грегор почувствовал слабость и головокружение при мысли о том, что Соловет стояла за всем этим кошмаром. Это было чудовищно.

— Они собираются казнить и Соловет? — спросил он.

— Сомневаюсь. Но и она, и остальные, кто в том замешан, будут арестованы, — ответил Марет.

Грегор замер от еще одной мысли:

— А Викус... он тоже... знал?

— Нет. Он всегда был против подобных вещей...

— Я так и думал, — с облегчением сказал Грегор.

Должно быть, известие о том, что собственная жена оказалась виновницей катастрофы, постигшей теплокровных, подкосило старика.

Пришел врач, осмотрел Грегора и распорядился покормить его. Марет остался и поел вместе с Грегором.

Постный суп и ломоть хлеба показались Грегору такими вкусными! Еда придала ему сил, и он вдруг почувствовал, что не сможет больше лежать в постели.

— А Люкса — она тоже в больнице?

Каково ей было узнать все эти новости о Соловет!

— Ее хотели оставить в больнице, но она настояла на том, чтобы быть с Газардом, — ответил Марет. — Он такой славный!

— Как и его отец, — отозвался Грегор.

Грегор не был особой королевских кровей, и у него не было уверенности, что врачи позволят ему уйти, поэтому он просто выскользнул из больницы, когда никто не видел. И должен был признать, что погорячился. Все тело у него болело и внутри, и снаружи. Но постепенно мышцы снова начали слушаться его, хотя только что зашитым ранам, возможно, это было не на пользу.

Стояла ночь. За Босоножку Грегор был спокоен: Далее о ней позаботится. Он нашел гвардейца-стража и спросил его, где комната Люксы. Гвардеец некоторое время колебался, но все же проводил его в королевские покои.

Как и полагал Грегор, они были богато обставлены и украшены, и их охраняли несколько стражей. О нем доложили, и ему пришлось подождать, но вскоре его пригласили войти.

Люкса встретила его в гостиной с камином, за которой виднелась целая анфилада комнат. Грегор подумал, что одна ее спальня, кажется, больше, чем квартира, в которой проживает вся его семья.

— И это все твое? — не удержался он.

— С тех пор как умерли мои родители — да, — сказала она.

Люкса тоже была в бинтах и повязках, и взгляд ее безучастно скользил по обстановке.

Грегор вдруг понял, как ему хорошо в их маленькой квартирке, где живут все, кого он любит.

— Теперь Газард будет жить со мной! — И ее лицо посветлело.

— Как он?

Она поманила его за собой и провела в соседнюю комнату. Это была спальня, освещенная слабым мерцающим светом. Газард и Босоножка сопели, как два щенка, раскинувшись на огромной кровати.

— Ему трудно. Он никогда не жил так — в закрытом помещении. И Хэмнет... И Гребешок... Их больше нет, а они — весь его мир... — шепотом сказала Люкса.

— Да, понимаю, — ответил Грегор. — Но теперь у него есть ты.

— Знаешь, что он сказал, прежде чем заснуть? «Мой папа убежал отсюда в джунгли. Он убежал, чтобы больше никогда не драться и никого не убивать. Но война догнала его...» — произнесла Люкса.

— Моя бабушка сказала мне то же самое. Что я могу сколько угодно убегать и прятаться, но пророчество все равно меня найдет, — кивнул Грегор.

— Викус говорит, что у каждого своя война, — вздохнула Люкса.

Она взяла что-то со стола и протянула Грегору. Это был кристалл. Бледно-голубой, по форме напоминавший рыбку.

— Это тот самый? С твоего первого полета с Хэмнетом? — спросил Грегор.

— Да. Похоже на рыбку, правда?

Грегор молча кивнул. Слова казались глупыми и ненужными. Да и что тут скажешь?

Они вернулись обратно в гостиную и сели в кресла. Грегор понимал, что его следующий вопрос, возможно, слишком личный, но все же он не мог его не задать:

— А как... Викус? Он в порядке?

— Нет, — ответила Люкса. — Он раздавлен тем, что сделала Соловет. Он организует спасательную миссию, ведет дипломатические переговоры. Крысы, конечно, в ярости. Викус делает все, что возможно, я тоже. А тебе пора возвращаться к своей жизни, Грегор. Тебе пора домой.

— Да. Я думаю, мы отправимся через несколько дней. Ну, как только мама будет чувствовать себя достаточно хорошо, — кивнул Грегор.

— Твоя мама? — В голосе Люксы слышалось удивление. — Но... тогда вам придется ждать много месяцев...

ГЛАВА 27

Он стремительно бежал вниз по лестнице. Грегор слышал, как Люкса зовет его по имени, но не мог остановиться, не мог слушать ее объяснений.

Много месяцев?! Они собираются держать здесь его маму! Нет, этого не будет!

Спустившись, он почувствовал острую боль: видимо, швы разошлись, — но это было сейчас не важно. Он метался по больнице, пока не наткнулся на кого-то, кто, видимо, имел здесь власть. Грегор принялся кричать и требовать объяснений. Закончилось все тем, что доктор распорядился, чтобы Грегора немедленно водворили на место, в его палату. Никто не обращал ни малейшего внимания на его вопросы и крики. Его быстро и умело заново перевязали, содрав повязки, через которые проступила кровь.

— Слушайте, — твердил он, — мои ноги в порядке. Мне нужно с кем-то поговорить! Я должен поговорить о моей маме! Да отпустите же меня!

Вместо ответа его скрутили и влили ему в рот какое-то лекарство. И как он ни сопротивлялся, ему пришлось его проглотить. И чуть ли не в тот же миг на него навалилась дремота.

— Нет... вы не понимаете... нет... — Он уже вяло сопротивлялся, но вокруг все уже поплыло, и Грегор окончательно провалился в темноту.

Когда проснулся, он не сразу вспомнил, что произошло. А вспомнив, подскочил на постели, но чья-то рука тут же легла ему на плечо.

Викус, на лице которого лежала печаль, заставил его откинуться обратно на подушку.

— Ляг, Грегор, иначе им придется тебя обездвижить.

— Это еще зачем? — возмутился Грегор.

— Тебе необходимо лежать, чтобы раны затянулись. Это в твоих же интересах.

— Люкса ведь не лежит! Она наверху, я ее видел, — возразил Грегор.

— Но Люкса и не бегают по дворцу, словно ее укусила бешеная собака. И не дерется. И ее раны не такие глубокие, как у тебя, — сказал Викус. — Прошу тебя, Грегор, все это займет гораздо меньше времени, если ты будешь вести себя правильно.

И Грегор послушался. Может быть, слова Викуса его и не убедили, зато вид его говорил сам за себя.

Выглядел он ужасно. Лицо у него осунулось, под глазами пролегли

глубокие черные тени, а сами глаза были налиты кровью.

Грегору не захотелось еще больше его огорчить.

— Но это же моя мама! — сказал он умоляюще. — Люкса говорит, вы собираетесь держать ее здесь несколько месяцев. Но вы не можете...

— Мы обязаны, Грегор. Она слишком слаба, чтобы путешествовать даже на такие короткие расстояния. И потом — кто будет лечить ее там? Ведь это чума, Грегор, чума из Подземья. И если твоя мама не выздоровеет, она может принести ее наверх. Подумай сам, что может произойти, если вирус попадет в Наземье. Ваши доктора понятия не имеют, что это, и лекарства у них нет.

— Но... я думал, ей лучше, — пробормотал Грегор.

— Это действительно так. Но вирус чумы еще гуляет по ее организму, он все еще в ее крови. Она должна выздороветь полностью — и только тогда можно будет отправить ее домой. А ты, Грегор, должен помочь мне успокоить ее. Ты ведь знаешь, как она хочет скорее вернуться, — сказал Викус.

— Но... как же мы без нее? — Грегор почувствовал себя совсем маленьким и беспомощным.

— Вы обязательно получите ее обратно. Только не сейчас, — ответил Викус. — Ты ведь мне поможешь?

Грегор кивнул. Разве у него был выбор? Викус прав: нельзя забрать маму домой. Нельзя так рисковать. Под угрозой окажутся жизни многих людей. И их семьи тоже.

— Спасибо. Ты снял камень с моей души, — произнес Викус.

Но как же он ужасно выглядит!

— Что будет с Соловет? — осторожно спросил Грегор.

— Она под домашним арестом вплоть до приговора суда, — ответил Викус отрешенно. — И как ты понимаешь, ее дела не слишком хороши.

— Зачем она это сделала?

— Вирус чумы дал бы нам главенство над всеми теплокровными Подземья, — сказал Викус, с трудом подбирая слова. — С военной точки зрения это идеальное оружие. Смертельное. Неостановимое для тех, у кого нет противоядия... — Он потер глаза, и Грегор испугался, что он сейчас заплачет, но Викус сдержался. — Мы с ней очень разные...

— О да. Мне всегда было непонятно, как вы могли жить вместе, — не удержался Грегор и тут же пожалел, что сказал бестактность.

Но Викус лишь улыбнулся в ответ:

— Да. Для нас самих это всегда было загадкой.

Следующие два дня Грегор провел в постели. У него было множество посетителей, и все же он был ужасно утомлен своим вынужденным бездельем.

Он все думал о джунглях и о том, что там случилось. Его мысли возвращались и к пророчеству: была одна вещь, которая сильно его смущала.

А потому, когда к нему пришла Нерисса, он решил поговорить с ней об этом.

— Послушай, Нерисса, я никак не могу понять кое-что в «Пророчестве крови», — сказал он. — Зачем мы вообще отправились в экспедицию? Ведь у Нививы было противоядие, и она начала его использовать до нашего возвращения... Зачем пророчество послало нас в поход?

— В пророчестве не говорится, что теплокровных в Подземье уничтожит чума, — ответила Нерисса. — Там сказано другое:

ЛЮДИ И КРЫСЫ ЗАБУДУТ НА ВРЕМЯ ВРАЖДУ,
ЕСЛИ ЖЕ ЗЛОБУ СВОЮ ПОБЕДИТЬ НЕ СУМЕЮТ —
СТРАШНОЕ ПЛАМЯ ВОЙНЫ УНИЧТОЖИТ ВСЕХ.
И НЕ ОСТАНЕТСЯ ТЕПЛОКРОВНЫХ В ПОДЗЕМЬЕ.

— И... и что? — не понял Грегор.

— Если бы не это путешествие, мы бы никогда не узнали правду о Нививе. Она бы все равно создала противоядие, но как ты думаешь — получили бы его грызуны? — в свою очередь, спросила Нерисса.

— Думаю... нет. Вы ведь и желтую пудру не хотели им давать, — мрачно сказал Грегор.

— Вот именно. Спор о желтой пудре очень показателен. А теперь представь, что крысам стало бы известно, что у людей есть средство от чумы, но они не хотят делиться им с грызунами. Как ты думаешь, что бы случилось дальше?

— Они бы на вас напали. Им ведь нечего было бы терять — в противном случае они просто вымерли бы от чумы, — ответил Грегор.

— И началась бы война. Это ее имел в виду Сандвич, когда говорил, что все теплокровные погибнут, — сказала Нерисса. — Войну удалось предотвратить. Пока.

Чем дольше длилось вынужденное пребывание Грегора в постели, тем большее беспокойство его одолевало. Ему нужно было увидеть маму!

Грегор попросил разрешения навестить ее, и врач сказал, что, пожалуй, он может сходить к ней, только если не будет делать резких движений и если скоро вернется обратно в постель. Грегор обещал.

Мама сидела на кровати, перед ней стоял поднос с едой. Но еда, похоже, совсем ее не интересовала.

Грегор сел на стул рядом с кроватью.

— Привет, мам, — сказал он.

— Привет, малыш, — сказала она хрипло.

Фиолетовый бубон на шее стал меньше, но она все еще была слаба и бледна.

— Как твои дела, сынок?

— О, я в порядке! — бодро отрапортовал Грегор.

Не то чтобы это было правдой, но он не хотел ее расстраивать. Он пытался вспомнить какой-нибудь веселый момент из похода по джунглям, но ничего такого не приходило ему в голову.

— Ты видела Босоножку?

— И да, и нет. Я не хочу, чтобы она испугалась, увидев меня в таком виде, поэтому мне принесли и показали ее через стекло, когда она спала, — сказала мама. — А девочка, которая принесла ее... она выглядела такой... холодной.

— Наверное, это была Люкса, — предположил Грегор и неожиданно для себя покраснел.

— Она мне понравилась. Я бы сказала — она точно знает себе цену.

— Я знал, что ты так скажешь, — улыбнулся Грегор.

Он зачерпнул полную ложку бульона и поднес ей ко рту.

— Давай, мам, тебе не станет лучше, если ты будешь только смотреть на еду.

Он покормил ее с ложки, как маленькую. Она послушно поела, потом спросила:

— Они тебе сказали, что мне сейчас нельзя домой?

— Я подумал... может, нам с Босоножкой тоже остаться и побыть здесь, пока ты не поправишься? — с надеждой произнес Грегор.

На лицо мамы легла тень.

— О нет, так нельзя! Я хочу, чтобы вы поскорее отсюда убрались. Ты возьмешь сестренку, и вы отправитесь домой немедленно!

Ему пришлось обещать ей, что так и будет, причем повторить это несколько раз, снова и снова. Мама знала, что он однажды уже нарушил обещание: вместо того чтобы вернуться домой, в Нью-Йорк, отправился в опасный поход в джунгли... Теперь никакого противоядия искать не

требовалось. И он понимал, что на этот раз должен выполнить обещание.

Через несколько часов они с Босоножкой уже прощались с подземными, собравшимися в Высоком зале. Проводить их пришли Люкса, Газард, Нерисса, Марет и Темп.

Перед этим Грегор вновь обошел всех, кто был в госпитале, и каждому пообещал скорую встречу. Он не обманывал: Викус сказал, что они могут навещать маму, когда захотят.

Несмотря на занятость, Викус выделил им для полета свою летучую мышь, большого серого Еврипида. Он и сам собрался их проводить. Папе было послано извещение, чтобы он встречал детей не в Центральном парке, куда они обычно возвращались, а прямо в прачечной. Снова было много облаков, и Еврипиду почти не приходилось взмахивать крыльями, когда они поднимались вверх-вверх-вверх, в другой мир.

А там уже ждал папа, который втянул наверх сначала Босоножку, а потом и Грегора.

Лиззи тоже была там, ее лицо осунулось и побледнело, но она улыбалась.

— Высокого вам полета! — услышал он голос Викуса, когда Еврипид скрылся в клубах тумана.

— И вам высокого полета, Викус! — крикнул Грегор в ответ.

Босоножка была рада очутиться дома, она сразу побежала доставать своих пластиковых лягушек и с упоением рассказывала сестре о встрече с настоящими лягушками. Пока она прыгала по гостиной, Грегор улучил момент, чтобы поговорить с отцом.

Разговор получился нелегкий: нужно было рассказать о чуме, о джунглях, о битве, о смертях... А квартира без мамы была такой пустой...

Была пятница, около полуночи. Подумать только, они спустились под землю меньше двух недель назад!

Когда папа велел всем идти спать, никто с ним не спорил.

Грегор залез в свою конурку и моментально уснул. Во сне он за кем-то гнался и никак не мог догнать и только утром, когда проснулся, понял, что этим кем-то была мама.

Он еще лежал в постели, когда Лиззи заглянула к нему в комнатку.

— Заходи, Лиз, — улыбнулся он.

Он отогнул одеяло, и она с радостью свернулась калачиком рядом. В руке у нее был конверт, который она протянула Грегору.

— Что это?

Это была самодельная открытка с надписью «С днем рождения, Грегор!», сделанной яркими фломастерами. Его день рождения! А ведь

верно, на прошлой неделе у него был день рождения.

Выходит, он встретил свое двенадцатилетие в джунглях.

— Ух ты! Какая классная! Спасибо, Лиззи, — сказал он.

— Папа сказал, мы должны подготовить подарки и вручить их тебе, когда ты вернешься. И пирог испечь, — отозвалась Лиззи. — Но только знаешь что, Грегор. Я все время думаю, что у нас теперь будет с деньгами...

Да, деньги зарабатывала мама, а она была слишком больна даже для того, чтобы просто вернуться домой.

— Папа говорит, он вернется на работу, но у него снова начались эти приступы, и я не уверена, что он сможет.

— Он снова болеет? — нахмурился Грегор.

— Я читала памятку, которую вы привезли вместе с лекарством, — ответила Лиззи. — Там написано, что иногда у больных случаются эти... редицивы... Я посмотрела в словаре — это значит, что болезнь может возвращаться.

Папа выглядел ночью вполне здоровым... Так, значит, после обеда у него снова случаются ужасные приступы лихорадки?!

Грегор почувствовал, как в нем растет тревога, но виду не подал.

— Викус сказал, что распорядится упаковать для нас денег из музея. Их хватит на некоторое время. — Он и сам на это надеялся. — Не переживай, Лиз, все будет хорошо. Сегодня к тому же суббота, помнишь? Мне надо собираться, а то опоздаю к миссис Кормацци.

Эти сорок долларов были им сейчас очень нужны.

— У тебя снова был грипп, — сказала Лиззи.

— Что? — не понял Грегор.

— У тебя снова был грипп. Я это говорила всем, кто о тебе спрашивал. Миссис Кормацци сказала, что ты чемпион по гриппу в этом году. А, да, и еще Ларри и Анджелина принесли тебе домашние задания. — И она указала на стопку книг на подоконнике, вид которых моментально вернул Грегора к реальности.

— Ох, домашние задания за две недели! — простонал он.

— Два дня был снегопад, так что на самом деле всего-то восемь учебных дней, — подбодрила его Лиззи.

— Ладно, это меняет дело, — улыбнулся Грегор и шутливо ткнул ее локтем в бок.

Было так здорово снова слышать, как она смеется!

Холода миновали, и когда он приоткрыл окно, в комнату ворвался свежий, пахнущий весной ветер. Грегор натянул поверх своих

перебинтованных ног спортивные штаны и надел рубашку с длинными рукавами. И только надевая носки, сообразил, что у него нет теперь другой обуви, кроме сандалий из змеиной кожи, в которых он вернулся из Регалии. Ботинки его были безнадежно испорчены ядовитым соком плотоядного растения, а последняя пара кроссовок порвалась еще перед Рождеством.

Делать нечего — он надел поверх носков сандалии и постарался спустить штаны как можно ниже, чтобы штанины скрывали его странную обувь.

На цыпочках он пробрался в комнату к бабушке, поцеловал спящую Босоножку и подоткнул одеяло. Вокруг нее были заботливо уложены спать пластиковые лягушки.

«Надо будет избавиться от них как можно скорее», — подумал Грегор.

Папа спал в гостиной на диване. При ярком утреннем свете было заметно, что Лиззи сказала правду. Этот сероватый цвет лица... Эти шарящие что-то руки... Да, папа снова болен.

Ровно в десять Грегор постучал в дверь миссис Кормацы.

Она внимательно оглядела его с ног до головы и объявила, что он похудел и осунулся, а после этого положила ему на тарелку огромную порцию омлета. И прежде чем он приступил к исполнению запланированных на сегодня дел, попросила его пройти в гостиную и присесть. Она собиралась вручить ему подарок.

— Но вы... Вам совсем не обязательно дарить мне подарок, — смущенно сказал он, держа в руках коробку.

— Ну, я подумала, они тебе пригодятся, тем более что я гоняю тебя все время по разным делам, — объяснила она.

Он открыл коробку и увидел пару кроссовок. Не обычных кроссовок, а самых-самых крутых, о каких он и мечтать не смел, потому что знал, что они слишком дорого стоят.

— О-о-о-о... — протянул он ошеломленно. — Это просто фантастика!

— Тогда почему бы тебе их не примерить? Вдруг размер не подойдет? Тогда мы пойдем и обменяем, — предложила миссис Кормацы.

Но Грегор не шелохнулся.

Начать их мерить означало выставить на свет божий свои сандалии, которые он сейчас прятал под журнальным столиком. И перебинтованные ноги. И тогда придется объясняться. Врать. А он не мог больше врать. Мозг его и так буквально кипел от всех этих проблем.

Мама сейчас далеко, на глубине нескольких километров под Нью-Йорком, и у нее чума, а у папы рецидив, и у Лиззи испуганное лицо. И ему,

Грегору, нужно что-то со всем этим делать. Вдруг мама слишком задержится там, в Подземье, а папа так плохо себя почувствует, что не сможет вернуться на работу? Кто будет заботиться о бабушке и Босоножке? На что они будут жить?

Кем бы он ни был там, в Подземье — героем, Воином, избранным, — здесь, в реальном мире, он был всего-навсего одиннадцатилетним... нет, уже двенадцатилетним ребенком — растерянным и беспомощным.

— Грегор! — позвала миссис Кормацци. — Ты будешь мерить кроссовки? Но если они тебе не нравятся — просто скажи, мы пойдем и поменяем их на то, что ты выберешь сам.

— Нет, они замечательные! — сказал Грегор. — Просто...

— Так что же случилось, дорогой? — участливо спросила миссис Кормацци.

Ему нужна была помощь. Всей его семье нужна была помощь.

И Грегор не мог и не хотел больше врать.

— Грегор! Ну что же ты молчишь? — Миссис Кормацци села в кресло напротив и посмотрела ему прямо в глаза. — Поговори со мной. У тебя что-то случилось, я же вижу!

Грегор погладил шнурки кроссовок, сделал глубокий вдох — и решился.

— Миссис Кормацци, — сказал он, — миссис Кормацци... вы умеете хранить секреты?..